

Серая Сова Саджо и ее бобры

Прежде чем рассказать биографию индейского писателя Серой Совы, автора повести «Саджо и ее бобры», мне хочется сказать коротко о его книгах и о том, как они стали достоянием советской литературы.

Как и дети во всем мире, мы в детстве любили играть в индейцев и очень любили литературу об индейцах. Но мы не знали ни одной книги, автором которой был бы индеец.

Интерес к индейцам у меня остался на всю жизнь. Когда я стала писательницей, я мечтала найти в сокровищнице мировой литературы книгу, написанную индейцем. Я следила по журналам, просматривала картотеку в разных библиотеках, и особенно в Библиотеке имени Ленина, в Исторической библиотеке, в Библиотеке иностранной литературы.

Наконец моя мечта сбылась. Весной 1937 года, просматривая журналы, я нашла в американском журнале «Естественная история» восторженную статью одного ученого о повести «Саджо и ее бобры» индейского писателя Вэша Куоннезина. Мне удалось выписать эту повесть из Америки, и я была счастлива, когда наконец держала в руках книгу *индейского* автора. Не теряя времени я начала работать над ее переводом.

Скоро я узнала, что над одним из произведений Серой Совы работает также писатель М. М. Пришвин. Было бы обидно, если бы мы переводили одну и ту же книгу. Я позвонила по телефону Михаилу Михайловичу, и мы встретились. Он мне сказал, что работает над пересказом автобиографической повести индейского писателя — «Странники лесной глуши», изданной в Лондоне. Серая Сова уже был знаменитым писателем.

После встречи с Михаилом Михайловичем я снова села за работу над переводом «Саджо и ее бобры». Я работала с большим напряжением душевных сил, стараясь дать нашему читателю такую же прекрасную повесть на русском языке, какую Серая Сова написал на английском. Особую прелесть его языку придает то, что он невольно вносит интонацию родной индейской речи. «Ведь язык индейцев, — по словам Серой Совы, — напоминает журчание ручейка, вздохи ветра и шепот листьев».

Скоро наши книги увидели свет. Повесть «Саджо и ее бобры» в моем переводе была издана Детиздатом в 1940 г. Пересказ повести индейского писателя «Странники лесной глуши», сделанный М. Пришвиным, которому он дал название «Серая Сова», был издан тоже Детиздатом в 1939 г. И лишь много лет спустя мне удалось найти и перевести на русский язык последнюю книгу Серой Совы — его лебединую песнь — «Рассказы опустевшей хижины». В нее вошли воспоминания писателя, рассказы о Дикой Природе, а также рассказ-легенда «Сосна», повествующий о трагической судьбе племени черноногих. Эта книга была издана «Молодой гвардией» в 1974 г.

Все произведения Серой Совы автобиографичны, и мой рассказ о жизни индейского писателя перекликается с его рассказами.

* * *

Серая Сова родился в 1888 году. Его индейское имя — Вэша Куоннезин, в переводе на русский язык — «Тот, кто охотится по ночам», так назвало будущего писателя его родное племя оджибуэй, а американцы и англичане называют его Грей Оул — Серая Сова, это точный перевод с английского. Вэша Куоннезин родился в скромной семье, и никто не знает места его рождения. Это осталось тайной семьи. Сам писатель всегда называл своей родиной Канаду.

Серая Сова не был чистокровным индейцем — мать его индианка, а отец шотландец. Но с детских лет он воспитывался у индейцев племени оджибуэй, которое усыновило его.

Некоторое время отец работал скаутом (разведчиком) в форте Ларами, в штате

Вайоминг в Соединенных Штатах Америки. Как-то раз ему приказали отправиться в карательную экспедицию против индейцев. Он отказался. Пришлось скрываться вместе с семьей. На некоторое время они уехали в Англию, где жила сестра отца — тетка Серой Сова. Она занялась воспитанием мальчика — обучала его английскому языку, географии и истории.

Родители у Серой Сова умерли, когда он был еще мальчиком. На тринадцатом году жизни он покидает Англию; устроившись корабельным юнгой, он переправляется через Атлантический океан. Сойдя на берег Канады, Серая Сова пробирается в глухой и суровый край Северного Онтарио, где кочевали индейцы племени оджибуэй. Они приютили мальчика и усыновили его; они воспитали его в духе своих традиций и обычаев, открыли секреты охоты и многие тайны Дикой Природы, которую завещали беречь и любить. И в сердце Серой Сова всю жизнь теплилась любовь и благодарность к этим простым и добрым людям, которые заменили ему семью.

Дикая Природа Северного Онтарио, с ее скалистыми горами, поросшими дремучим лесом, многочисленными озерами и быстрыми реками, стала родной стихией Серой Сова. На легкой ладье из березовой коры он путешествует по дальним водным путям, преодолевая водопады и стремнины.

Свои отроческие годы Серая Сова провел на гористых берегах и быстрых водах реки Миссисауги. Он занимался охотой, работал носильщиком и проводником и заслужил славу лучшего гребца в округе. В зрелом возрасте, когда Серая Сова стал писателем, он посвятил много восторженных строк этой неукротимой, рокочущей водопадами реке. И подвиг Шепизна, героя повести «Саджо и ее бобры», преодолевшего водопады и стремнины грозной реки во время лесного пожара, — это также подвиг самого Серой Сова, о чем он вспоминает с большой поэтической силой в рассказе «Прощание»¹.

* * *

Во время первой мировой войны британские власти Канады призвали Серую Сова в армию; пришлось ему надеть английскую военную форму и ехать за океан воевать.

Когда в 1917 году Серая Сова вернулся в родные края, в штат Онтарио, он нашел здесь ужасное опустошение: прокладывая железную дорогу, колонизаторы безжалостно жгли леса, где кочевали и охотились индейцы. Изгнанные страшным пожаром из родных мест, индейцы не знали, где найти спасение.

Серая Сова очень тяжело переживает эту трагедию, трагедию своего народа: «Индийская граница отступала, я спешил за ней». Он отправляется в далекое странствование на своем легком каноэ — лодке из березовой коры — по извилистым водным путям, с неотступной мечтой найти такой лес, в котором бы еще могли водиться бобры (ведь бобры в представлении индейцев — душа их кочевья). В этом опустошенном, разоренном краю, который он называет «страной, у которой вырвано сердце», он встретил знакомых и узнал от них много печальных новостей об индейцах — друзьях и товарищах детских лет.

Два с половиной года странствовал Серая Сова в поисках леса, где еще водились бобры. Во время этого странствования он встретил девушку из племени ирокезов по имени Анахарео; она стала его женой, и они вместе продолжали скитания в поисках девственных лесов.

Поздней осенью, когда уже начались заморозки, после долгого и тяжелого странствования, Серая Сова добрался до сказочно красивого Березового озера в штате Квебек, граничащем со штатом Онтарио. На берегах этого озера, покрытых диким лесом, он нашел бобровые жилища. Но и здесь белые охотники — спекулянты со сворой собак — безжалостно уничтожали этих редких зверьков. Серая Сова проводит бессонные ночи,

---

¹ Серая Сова. «Рассказы опустевшей хижины» (рассказ «Прощание»).

охраняя бобров — Младших Братьев, как их ласково называют индейцы.

Среди старых сосен, на берегу Березового озера, Серая Сова выстроил хижину, где и поселился всей семьей — с Анахарео и двумя маленькими осиротевшими бобрятами, которых он подобрал на пути своих странствований². Наблюдая этих зверьков, удивительно похожих на маленьких детей, горюя о гибели леса, Серая Сова решил написать книгу в защиту бобров — четвероногих тружеников леса и навсегда с тех пор перестал охотиться.

«Лес научил меня все больше и больше любить миролюбивых интересных зверей, которые жили вместе со мной в этой стране Тишины и Теней. Он вызвал у меня отвращение к охоте, к убийству. Итак, в конце концов я отложил в сторону ружье и капканы и стал работать в защиту тех, кого я раньше преследовал».

В сердце Серой Совы вспыхнуло неудержимое желание рассказать людям о своей тревоге. Он решил стать писателем. Внимательно, день за днем он наблюдает за бобрами и делает подробные записи. Наблюдает он и других четвероногих и пернатых обитателей леса. Но из записи наблюдений еще не получается ни рассказа, ни статьи. У Серой Совы и Анахарео было несколько книг, и они не упускали возможности достать еще где-нибудь книгу. Серая Сова читал и старался понять, в чем мастерство писателя.

Мысль опубликовать свои статьи и рассказы явилась у Серой Совы вместе со страстным желанием возбудить в людях протест против варварского истребления бобров. Серая Сова умел убеждать. Его выступления взволновали сердца людей. Его первые рассказы были напечатаны в Англии в начале тридцатых годов. Канадское правительство издало суровый закон, запрещающий ловлю бобров. Оно выделило огромные лесные территории, где нельзя было не только убивать, но даже беспокоить их.

Канадские ученые обратили внимание на самоотверженную работу Серой Совы по охране бобровых колоний в лесу и на любовную работу с ручными бобрами, над которыми он ведет наблюдения в своей хижине. Скоро Серая Сова вместе со своими питомцами появляется на экране кинематографа.

Но мысль его постоянно возвращается к печальной судьбе его братьев-индейцев, изгнанных лесным пожаром с родных мест.

«Мои воспоминания, — пишет Серая Сова в автобиографии, — неудержимо несутся к берегам Миссисауги, ревушей среди горных берегов, к голубому дымку, струящемуся над янтарями гаснущих костров, к спокойным, вдумчивым индейцам, расположившимся лагерем у быстрых вод.

И мое сердце в щемящей тоске тянется к этим простым и добрым людям, друзьям и учителям юности, обычаи которых стали моими обычаями, их вера — моей верой, к людям, которые теперь смотрят в лицо своей гибели спокойно и безнадежно, оставаясь в своих дымных хижинах, среди обнаженных пустырей, где свистит ветер».

Под этим грустным настроением он пишет свою первую книгу «Исчезающее кочевье». Прошло немного времени после выхода из печати этой книги, и канадское правительство пригласило Серую Сову на пост хранителя заповедника в Канадском Национальном парке, в штате Саскачеван.

Серая Сова никогда не служил — он был кочевником от природы и по воспитанию, которое ему дали индейцы. Но охрану Дикой Природы он считал своим долгом, он служил этому делу в одиночку, своими слабыми силами. Работа в заповеднике предоставит ему большие возможности. Недолго поколебавшись, он дал свое согласие. И индеец Вэша Куоннезин был зачислен в штат служащих государственного заповедника в Саскачеване.

Отдавшись с беззаветной преданностью любимому делу, Серая Сова завязывает дружбу с дикими обитателями леса — бобры даже выстроили хатку в его хижине. Здесь, в лесной хижине, выстроенной по образцу той, которую Серая Сова построил собственными руками на живописных берегах Березового озера, родилась дочка, которую назвали Даун —

---

² Бобреха-мать попала в капкан.

Заря.

И несмотря на то, что Серая Сова получает большое удовлетворение, отдавая свои силы любимому делу — охране природы, несмотря на то, что он счастлив в семье, — временами он мучается тоской по родному кочевью.

«Зимой я выхожу на свое заснеженное озеро, на берегу которого в уютной безопасности спят мои бобры. Я наслаждаюсь неистовым ревом бурана, ликую в суровых объятиях Ки-Уэйди на — странствующего ветра индейцев, который примчался из далекого уединенного края, где, быть может, мне уже не суждено побывать. И вот он помчался дальше, и мне его не догнать».

Эти строки, проникнутые тоской по родному краю, из предисловия к английскому изданию «Рассказы опустевшей хижины».

В далеком Саскачеване на посту хранителя заповедника индейский писатель Вэша Куоннезин — Серая Сова — написал большинство своих прекрасных книг, проникнутых глубокой любовью к Дикой Природе. Здесь же он написал свою детскую повесть «Саджо и ее бобры», когда уже был знаменитым писателем.

Свою повесть «Саджо и ее бобры» Серая Сова посвящает «Детям всего мира и всем, кто любит тишину природы». Он посвящает ее *Детству*, той нежной поре в жизни человека, когда, по словам автора, он живет «в зачарованной долине золотых грез».

Все, что написано в этой повести, — правда, так же как и то, что написано во всех других произведениях Серой Совы!

«События, описанные в этой скромной повести, — пишет Серая Сова в предисловии, — не во всех случаях произошли в том хронологическом порядке, в котором они представлены здесь. Но все они действительно были и остались у меня в памяти».

Работая над иллюстрациями к повести «Саджо и ее бобры», Серая Сова старался изображать все как можно ближе к действительности и поэтому предпочел контурные рисунки. Только в одном случае, по собственному признанию, Серая Сова изменил точности изображения — он нарисовал лося с большими рогами, хотя описываемые события происходили в мае месяце, когда у лося еще не вырастают рога, и так он выглядит лишь позже — летом. В этом случае он подчинился инстинкту художника, потому что безрогий лось больше похож на мула³.

Серая Сова очень требователен к себе и добивается правдивого описания природы и ее обитателей.

«Портреты животных, так же как и другие зарисовки, — говорит Серая Сова в том же предисловии, — мною сделаны очень тщательно. Мне хотелось обогатить восприятие юного читателя такими впечатлениями, которые и в дальнейшем не были бы осуждены им как сплошной вымысел. Мне хотелось написать такую книжку для детей, которую и взрослые прочли бы без чувства снисхождения».

Мечта Серой Совы сбылась: его поэтическую повесть для детей полюбили все, и дети, и взрослые, полюбили люди во всем мире, и она переведена на многие языки разных народов.

Серая Сова — верный сын своего народа. Он хранит заветы своего племени, традиции родового общества индейцев, и это, как в зеркале, отражается в его повести. Образы индейцев и особенно героев-детей, описания девственной природы, с ее вековыми лесами, «шепчущимися листьями», быстрыми реками и зеркальными озерами, с ее фауной и особенно бобрами, запечатлены Серой Совой так тепло и таким ритмичным языком, что эту повесть воспринимаешь как песнь. От нее веет свежестью девственных лесов, бодростью людей, воспитанных Дикой Природой, отважных и предприимчивых индейцев, связанных крепкими узами семьи и племени, вдумчивых и чутких не только по отношению друг к

---

³ Воспроизвести некоторые карандашные рисунки Серой Совы трудно полиграфически, поэтому книга идет с новыми рисунками. Молодой советский художник выполнил часть иллюстраций по мотивам рисунков Серой Совы, как дань уважения индейскому автору.

другу, но и к своим Младшим Братьям. Для Серой Сова это «зачарованная долина золотых грез» его детства, это мечта о кочевье прошлых дней, над которым еще только собирались тучи, надвигавшиеся со стороны колонизаторов.

Героиня повести Саджо — добрая девочка. Ее любовь и привязанность к маленьким бобрам — самоотверженное чувство, глубоко волнующее ее детское сердце.

Шепиэн — серьезный, отважный мальчик, закаленный в суровой борьбе с Дикой Природой. В то же время он очень чуток, что особенно проявляется в его отношениях с сестрой, которую он окружает заботой после смерти матери.

Серая Сова изображает детей, героев своей повести, такими, какими они запечатлелись в его памяти в далекие годы его юности.

Сам Гитчи Мигуон — это искусный охотник, различающий каждый шорох в лесу, типичный представитель индейцев, с их родовыми традициями.

«Гитчи Мигуон — Большое Перо,— пишет автор в предисловии- к повести,— был моим любимым старшим другом, когда я был еще подростком. Мои первые звериные тропы были проложены под его мудрым и строгим руководством. Каноз из березовой коры, сделанное его собственными руками, долго хранилось в музее средней школы в городе Торонто, — я видел его там в 1911 г.».

Бобры занимают почетное место рядом с героями-детьми.

Чилеви и Чикени — это не бобры вообще и не вымысел, это портреты питомцев Серой Сова, которых он долго изучал и полюбил, как детей.

После героического освобождения детьми бобренка из зоопарка никто из охотников не стал больше охотиться на родном пруду Чилеви и Чикени и вся община оберегала их. Прошло немного времени, и лес на протяжении многих миль, вместе с бобровым прудом и Березовой рекой, был включен в территорию большого государственного заповедника, известного под названием «Провинциал Парк». Охота здесь была запрещена, так что четвероногие друзья героев этой повести — бобрята Чилеви и Чикени, должно быть, прожили там свою бобровую жизнь вполне благополучно.

Заканчивая свое предисловие, Серая Сова пишет о том, что больше всего волнует его:

«Я надеюсь, что моя скромная повесть о двух индейских детях и их любимых бобрятах не только будет развлечением на час-другой, но даст юному читателю более ясное и близкое представление о радостях и горе, о работе, развлечениях и повседневной жизни этих скромных обитателей леса, чьи чувства так близки нашим».

* * *

Когда книги этого замечательного индейского писателя увидели свет в нашей стране — автора уже не было в живых. Так Серая Сова и не узнал, что его чудесные книги стали достоянием русского читателя. Серая Сова умер в 1938 году, в Канадском Национальном парке в Саскачеване, где он трудился на посту смотрителя заповедника и где написал большую часть своих произведений. Ему тогда было пятьдесят лет.

Алла Макарова

Глава I

Страна северо-западных ветров

Далеко-далеко за городами, поселками, за полями северной Канады лежит дикая, забытая страна. Если бы вам захотелось взглянуть на нее, то пришлось бы проделать долгий путь через холмы и все дальше и дальше — туда, где нет ни железных, ни проселочных дорог, нет даже тропинок и нигде не видно домов. С индейцем-проводником вы поплыли бы в легком челне по рекам и озерам через бескрайние дремучие леса, где на свободе живут лоси, олени, медведи и волки, а канадские олени порой бродят такими огромными стадами, что никто не мог бы счесть их, даже если бы это и нужно было.

Там, на севере, вы увидели бы Америку такой, какой она была до того, как открыл ее белый человек. Даже теперь вы редко повстречаетесь в этих местах с бледнолицым, потому что, кроме немногих трапперов — охотников за пушным зверем — и торговцев, здесь живут только индейцы племени оджибуэй, которые называют свою родину Киуэйдйн или Страной Северо-Западных Ветров. Они поселились здесь так давно, что никто не знает, когда они сюда попали и откуда пришли. Здесь, вдали от цивилизованных стран, они живут так, как жили их предки, когда свыше четырехсот лет назад Жак Картье⁴ высадился на этих берегах. И сейчас можно увидеть их вигвамы⁵, палатки и бревенчатые хижины, разбросанные небольшими деревушками в тенистых рощах и на открытых полянах, а иногда и на песчаном берегу озера; нередко расстояние в сотни миль разделяет эти индейские деревни друг от друга. Индейцы живут отдельными семьями — каждая семья в своем вигваме или хижине. В хорошие дни они веселы и довольны, ну, а когда наступают тяжелые времена, бывает, живут и впроголодь, как это случается и с цивилизованными людьми.

Никто не сидит сложа руки в индейском становище, работают даже дети. Особенно много дел приходится выполнять в пути, потому что индейцы постоянно передвигаются с места на место. Случается, что пушной зверь вдруг исчезает из округи и люди вынуждены или следовать за ним, чтобы не умереть с голоду, или искать новые места для охоты. Тогда весь лагерь снимается, вещи нагружают на челны или на сани, смотря по времени года, и отправляются в путь-дорогу за много-много миль. Во время зимних кочевок маленькие мальчики и девочки поочередно прокладывают тропу — на протяжении мили, а то и двух — для целого каравана саней, запряженных собаками, и для сопровождающих людей: они очень гордятся этим занятием. Летом дети вместе со взрослыми садятся в челны и по целым дням гребут; они помогают также переносить поклажу на волоках. Им нравится такая работа, и они относятся к ней не менее серьезно и по-деловому, чем их - родители к своим обязанностям.

Дети, которые летом живут вблизи фактории⁶ или же в индейской резервации⁷, имеют возможность посещать школу. Если они учатся хорошо, то становятся врачами, учителями, писателями или художниками⁸. А те ребята, которые круглый год живут в глуши, среди дикой природы, получают совсем иное образование.

Их школа — лес, и в этой школе они приобретают знания, необходимые для образа

---

⁴ Жак Картье — французский ученый, исследователь Канады, живший в XVI веке.

⁵ Вигвам — шалаш из жердей, покрытый берестой или шкурами.

⁶ Фактория — торговая контора и поселения, организуемые европейскими купцами в колониальных странах.

⁷ Резервация — территория, как правило, с бедными природными условиями, куда правительства США и Канады выселяют индейцев.

⁸ Обычно они работают в своей же резервации, так как не имеют права свободного жительствова.

жизни индейца-охотника. Там они узнают, как живут деревья, цветы и травы, какие обычаи и повадки у диких животных, как ловить их, как удить рыбу в любое время года и — самое основное — как разжигать костер во всякую погоду: в дождь, бурю, метель. Они не только приучаются узнавать голоса птиц и зверей, но умеют и перекликаться с ними. Чтобы заставить челн быть послушным, они должны знать секреты движения воды в реках и озерах. Им надо научиться многому: владеть ружьем и топором, ходить на лыжах, погонять запряженных в сани собак, не говоря уж о том, что всем необходимо знать, как мастерить мокасины, дубить шкуры и варить обед.

Маленькие индейцы не знают, что такое компас. Странствуя по дремучим лесам, они привыкают угадывать путь по солнцу, луне и звездам, по очертаниям деревьев и форме холмов, по движению животных и по многим другим приметам. Они настолько хорошо ориентируются в лесу, что не боятся отправиться в трудное, долгое путешествие и смело идут навстречу опасностям, как это было с детьми — героями этой повести.

Не трудясь, не проживешь в индейском становище; тот, кто ленится, очень скоро остается без крова, одежды и голодает. В минуты нужды индейцы охотно делятся всем, что у них есть, но лентяев они не терпят.

Однако и в трудовой жизни есть часы отдыха. Молодежь всегда находит время поиграть в подвижные и веселые игры. По вечерам, при мерцающем свете северных звезд, труженики леса, большие и маленькие, иногда собираются вокруг костра отдохнуть и послушать рассказы стариков. Здесь услышишь и про охотничьи скитания, и про индейцев далеких племен, и о великих людях седого прошлого, и о самых странных приключениях в лесу.

Но удивительнее всего рассказы стариков, побывавших в далекой стране на юге, где живут бледнолицые. Там, где огромные сани со скоростью ветра мчатся на колесах по железной тропе; где дымящиеся челны почти так же быстро плывут по воде; где нет индейцев, где совсем мало деревьев, только ряды высоких каменных домов, между которыми, суетясь и спеша, бродят шумными толпами люди, и кажется, будто они пришли ниоткуда и идут никуда. В той стране, говорят, нельзя ни спать, ни есть, если у тебя нет денег. И это кажется особенно странным, потому что в любом индейском становище и в лагерях трапперов-охотников путника всегда радушно встретят, накормят и приютят.

Жадно слушают эти удивительные рассказы черноглазые веселые детишки и даже взрослые — ведь они так же мало знают о жизни людей в больших городах, как, наверно, вы — о лесной жизни индейцев. Я рос среди индейцев, вместе с ними сидел у костра и слушал рассказы о чужих странах. Вот и мне захотелось рассказать про свою далекую дикую родину.

Много рек протекает в тех темных, дремучих лесах, где живут неведомые вам люди и животные. Это водные пути для индейцев, которые странствуют в своих быстрых челнах. Это пути и для многих зверьков: для бобра, выдры, норки, мускусной крысы. Бесчисленные тропы выются в лесной глуши; вы ни за что не нашли бы их — это дороги сухопутных животных.

Все четвероногие обитатели леса находятся в постоянном движении. Они, как и люди, много трудятся. Им нужно прокормить не только самих себя, но и позаботиться о своих детенышах.

Есть среди диких зверей одиночки, которые не имеют постоянного жилья; другие живут обществами, строят большие города с подземными тоннелями и коридорами. Самые умные из них — бобры; они строят теплые дома, сооружают запруды, откладывают запасы корма на зиму, работают почти как люди и часто в часы отдыха что-то лепечут друг другу, словно разговаривают между собой; у них очень много своих, «бобровых», забот.

Индейцы удивляются уму и трудолюбию этих зверьков, с интересом следят за их поведением и готовы считать бобров особыми племенами людей, лишь немногим отличающимися от них самих. В звуках бобрового лепета они даже улавливают сходство с человеческой речью. И хотя большинство индейцев, по старому обычаю своего народа в борьбе за существование, занимаются охотой, они с большим уважением относятся к

животным и напрасно не беспокоят их, они понимают, что все животные, даже самые маленькие, занимают свое особое место в природе; а так как звери делят с людьми лишения и трудности жизни в лесу, индейцы называют их своими Младшими Братьями.

Вблизи вигвама часто можно встретить ручного медвежонка или олененка, резвящегося на свободе, а иногда и бобрят. Индейцы любят животных и охотно приручают их. Четвероногие малыши так привыкают к жизни в индейском лагере, что не уходят в лес. Они покидают своих хозяев, только когда становятся взрослыми. Но их место скоро занимают новые питомцы леса...

А теперь, когда вы немного познакомились с нашей страной и узнали, как живут индейцы, я расскажу вам историю, начавшуюся на одном из тех водных путей, о которых я уже говорил, где мирно и счастливо жило семейство бобров.

Я расскажу вам про одного охотника-индейца, про его сына и дочь и двух ручных бобрят. Вы услышите об их приключениях в глухих лесах севера и в шумном городе; о том, как они все дружили, об их разлуке и радостной встрече, о страшных опасностях, минутах веселья и о том, что из всего этого получилось.

Итак, забудьте автомобили, радио, кино и все те вещи, без которых, как вы, наверно, думаете, нельзя жить, и перенеситесь вместе со мной в далекую волшебную страну вигвамов, собачьих упряжек, быстроходных лыж и легких челнов. Там вы увидите огромные реки и озера, дремучие леса, животных, которые умеют говорить и работать и живут в своих собственных городах. Высокие деревья будут кивать вам макушками, вы услышите нежную песнь ручейка...

Давайте же разместимся вокруг костра в дымном темно-коричневом вигваме, и я поведаю вам свою повесть о Далекое Прошлом.

Глава II **Гитчи Мигуон - Большое Перо**

Вверх по быстрому течению широкой Березовой Реки, в те дни, когда взор бледнолицего еще ни разу не скользил по ее прозрачным студеным водам, как-то на заре плыл в легком челне индеец. Это был высокий, стройный человек с умными темными глазами и черными волосами, заплетенными в две длинные косы. Он был одет в обычное индейское платье из дубленой оленьей шкуры медно-коричневого цвета, украшенное бахромой, и выглядел точно так, как выглядят те индейцы, которых вы видите на картинках или про которых читаете.

Его ярко-желтое каноэ⁹ было выкрашено соком ольхи под цвет золотистых стволов желтой березы, которая росла на соседних холмах; все щели каноэ были тщательно залиты темной сосновой смолой, чтобы не просачивалась вода. На носу у человека — огромный расписной глаз, словно у сказочной птицы, а на корме привязан лисий хвост, развевающийся на ветру. Для индейца челн — все равно как живой, и ему кажется, что он зоркий, как птица, легкий и проворный, как лиса. На дне лежали туго свернутая палатка, маленький мешок с провизией, топор, котелок и длинное старое ружье.

С верхушек берез доносился к холмам тихий шепот, шелест, который никогда не смолкал, — это ветерок набегал и играл листьями. Индейцы так и называли эти холмы Холмами Шепчущихся Листьев. Вдоль берегов тянулся темный бор; его стройные сосны распростерли свои могучие ветви высоко над водой. Реполовы, черные дрозды, зеленушки кружились над изумрудной травой и распускающимися почками пушистой ивы в поисках пищи. Воздух был напоен сладким ароматом шиповника и вереска; колибри, словно ослепительные рубиновые стрелы, носились от цветка к цветку. Это был май, на языке индейцев — Месяц Цветов.

---

⁹ Каноэ — индейский челн из березовой коры.

Гитчи Мигуон — Большое Перо (так звали индейца) — принадлежал к племени оджибуэй. Много дней плыл он в своем челне против быстрого течения Березовой Реки и уже далеко отъехал от дома. Настойчиво день за днем продвигался он вперед — то скользил, как сейчас, по спокойной воде, то преодолевал опасные стремнины, направляя свою легкую ладью вверх по бурным, пенящимся порогам, огибая зубчатые подводные скалы с искусством, которым владеют немногие бледнолицые и далеко не все индейцы.

В это утро путь Гитчи Мигуону преградил водопад, дикий и прекрасный; он соперничал с соснами в высоте, и солнце играло радугой в пенящихся брызгах у его подножия. Пришлось причалить к берегу ниже разъяренного, жадного водоворота, который чуть было не увлек каноэ под грохочущий водопад.

Взвалив челн вверх дном на плечи, Гитчи Мигуон понес его по берегу реки. Индеец пробирался между шумящими великанами деревьями по тенистой столетней тропе, на которую никогда не падал луч солнца. Он проделал этот путь еще один раз, чтобы перенести свою скромную поклажу, нагрузил челн и продолжал путешествие по спокойной воде, под ослепительным солнцем. Водопад остался позади.

Когда река сделала поворот, Большое Перо зорко огляделся вокруг и увидел много интересного, чего не заметил бы человек, который никогда не был охотником. Вот два настороженных пушистых уха приковали его внимание — другие звери куда-то скрылись, два горящих глаза уставились на него из темноты леса.

Через мгновение в зарослях, словно тень, промелькнула серебристая рысь. То здесь, то там испуганная лань вскачь бросалась к лесу; оттуда доносился ее пронзительный свист, когда она бежала, подпрыгивая, будто рыжая лошадь - качалка; ее белый хвост, как флажок, развевался между деревьями. А один раз индеец наткнулся на лося, огромного, словно конь. Лось стоял по грудь в реке, погрузив голову в воду, — он откапывал со дна корни лилий. Занятый своим делом, он сначала не почуял Гитчи Мигуона, а потом вдруг гордо вскинул могучую голову и в недоумении уставился на охотника. Вода струилась по его морде и шее. Потом лось повернулся, бросился к берегу и тут же исчез. Правда, тяжелый топот его копыт, треск ломающихся веток и подлеска доносились еще несколько минут, пока испуганное животное мчалось, прокладывая себе путь в глубь лесной чащи.

Но ничто не радовало Гитчи Мигуона: дома, в поселке, — а теперь это было так далеко — он оставил своих двух детей — дочку и сына. У них умерла мать, и, хотя женщины-односельчанки относились к ним с участием, все равно детям очень недоставало матери, и Большое Перо знал, что они теперь тоскуют в разлуке не меньше, чем он. Их маленькая семья жила очень дружно; отец обычно брал детей с собой в охотничьи странствования, чтобы не расставаться надолго. Но на этот раз ему пришлось отправиться одному, так как он знал, что на пути его ждут опасности. Большое Перо выстроил для семьи чудесную бревенчатую избушку, и там, собравшись вместе на лето, они мирно отдыхали после трудной зимней охоты. Нежданно-негаданно индеец племени кри принес им тревожную весть о том, что в их краях появилась шайка трапперов-метисов, которые массами уничтожают бобров. Настоящий индеец никогда не станет ловить пушного зверя на чужом охотничьем участке, считая это воровством, но метисы — полу-белые - полу-индейцы, — испорченные городской жизнью, забыли старые индейские обычаи и были готовы ограбить любой лесной участок. А что будешь делать без пушного зверя? Как кормить семью, чем платить за хлеб торговцу?

Вот и пришлось Большому Перу отправиться на свой зимний охотничий участок, чтобы оградить его от набегов. Но он никого не встретил на своем пути и не нашел ничьих следов. А так как пора стояла теплая, весенняя, пушной зверь линял и не представлял соблазна для воров, то Гитчи Мигуон решил, что делать ему тут нечего и завтра можно собираться домой.

С этими мыслями он спокойно плыл вдоль берега, хотя все еще искал глазами следы непрошенных гостей. Вдруг он услышал острый, пряный запах — какой-то зверь, а может

быть, и человек пробирался здесь и растоптал листья мяты. Насторожившись, Гитчи Мигуон бросил быстрый взгляд на берег, и вдруг оттуда прыгнуло в реку прямо перед носом его челна маленькое темное коренастое тельце. Бултыхнулось в воду, словно камешек, и исчезло. Но через минуту показалась черная голова и коричневая, покрытая шерстью спина; зверек поплыл, быстро огибая лодку, пока не очутился в таком месте, куда ветер доносил до него запах человека, очень страшный для обитателей леса. Широкий плоский хвост громко плеснул по воде. Как стрела, метнулось маленькое тельце в глубину, подняв целый фонтан брызг.

Большое Перо отряхнул капли воды с рукава своей кожаной рубашки и улыбнулся. Его-то он и хотел видеть. Это был бобр. И не замер еще встревоженный крик бобра, как в ответ донесся другой — громкий и пронзительный, словно ружейный выстрел. Бобров было два.

Индеец снова улыбнулся — теперь он уже больше не сомневался, что никто не охотился в этих краях. Таких бобров ничего не стоило поймать. И если этих беззаботных зверушек, которые подпускали к себе так близко, не изловили здесь, на открытом месте, значит, и остальные в целостности и сохранности. Но все же, чтобы убедиться в этом окончательно, Гитчи Мигуон решил отыскать жильё, в котором ютилась вся семья.

Бобровую хатку нетрудно найти, потому что бобры во время своих странствований сгрызают там и сям тонкие побеги ольхи, тополя и вербы, объедают с них кожицу и разбрасывают их по пути; эти ободранные прутики, белые и блестящие, всегда приводят к их жилью. Очень скоро индеец подъехал к месту, где в реку впадал маленький ручеек; у его устья он обнаружил, как и ожидал, остатки бобрового обеда — кучку тонких блестящих прутиков. Не оставалось сомнений, что бобровый дом находится где-то вверх по ручью, в какой-нибудь тихой заводи, где любят селиться бобры.

Бобры пообедали на краю открытой полянки, где несколько сосен-великанов стояли врассыпную, словно они забрели сюда из леса и не могли вернуться обратно.

Гитчи Мигуон развел костер и тоже решил здесь пообедать. Он воткнул тонкий шест одним концом в землю, наискосок над пламенем костра, а на другой его конец повесил чайник — индейцы любят пить чай во время своих скитаний. После этого на прутики с развилкой он насадил кусочки оленины и укрепил их над горячими углями. А чтобы вкусный мясной сок не пропадал, когда оленина жарилась, он подставлял снизу кусочки индейского хлеба — баннок.

После обеда Гитчи Мигуон спокойно покурил, прислушиваясь к напевам ветерка, игравшего среди ветвей. Так сидел он некоторое время, прислонившись к сосне, и следил, как дымок рисует причудливые узоры в воздухе. Это были его картины и его музыка — ничего другого он не знал, и удовольствие, которое он получал, было ничуть не меньше того, которое получаете вы, смотря кинокартины и слушая радио.

Отдохнув, Большое Перо перевернул свой челн вверх дном, спрятал под него снаряжение, взял дробовик и пошел вверх по берегу ручья в поисках бобрового пруда, который, как он догадывался, находился у истоков ручья.

Он продвигался легкой походкой среди тишины и спокойствия задремавшего леса; его бесшумные мокасины не оставляли за собой следов. А высоко в ветвях щелкали и цокали что-то белки да зимородки веселой стайкой провожали его, пересаживаясь с дерева на дерево. Иногда они залетали вперед, словно для того, чтобы лукаво взглянуть на него и присвистнуть, когда он пройдет. Гитчи Мигуон радовался этим встречам и шел не спеша.

Вдруг он остановился, прислушиваясь. Его чуткий слух уловил какой-то странный, неожиданный звук. Звук становился все громче и громче, пока не превратился в рев. И тогда Гитчи Мигуон увидел, как вниз по ручью, прямо навстречу ему, несется поток изжелта-мутной воды, увлекая за собой массу прутьев и сухой травы. Поток разливался до самых краев речного ложа, он бушевал с дикой силой. Что-то страшное случилось с бобровым прудом! Этому могло быть только одно объяснение: человек либо зверь прорвал запруду, и стремительный поток был той самой водой, которую с таким трудом берегли бобры и без

которой они станут беспомощны.

Не теряя ни минуты, с ружьем в руках, Гитчи Мигуон помчался через лес, который только что казался ему таким приветливым и вдруг сделался грозным и мрачным. Охотник бежал со всех ног, чтобы спасти бобров от гибели. Он перескакивал через сваленные бурей деревья, пробирался сквозь лесную чащу, оставив далеко позади друзей — белок и зимородков, неся с быстротой оленя через темный лес к пруду, надеясь, что поспеет вовремя. Он хорошо знал, что случилось.

Выдра, лютей враг всего Бобрового Народа, вышла на военную тропу, и бобры теперь бились не на жизнь, а на смерть.

Глава III

Бобровый дом

Если бы мы поспешили вверх по ручью в то время, когда обедал Гитчи Мигуон, а не остановились посмотреть, что он делает, мы пришли бы к бобровому жилью прежде, чем выдра прорвала плотину, и увидели бы, как там все было устроено и как жили бобры. Нам бы пришлось идти довольно долго, пока вдруг мы не очутились бы на берегу маленького глубокого пруда. На противоположной стороне его мы заметили бы высокую толстую стену, которая перегораживала русло ручья. Она была сделана из туго сплетенных сучьев и прутьев, щели ее были законопачены мхом, а сверху все было обмазано илом. Вдоль всей стены наверху лежали тяжелые камни, чтобы придать ей большую прочность. Почти сто футов в длину и больше четырех футов в высоту была эта стена. Пруд питался водой из ручья, которая стекала в него по желобу, сооруженному из прутьев. Такой водослив был устроен только в одном месте, и поэтому нетрудно было следить за ним, содержать его в порядке. Казалось, что здесь трудились люди — так искусно все было сделано, а между тем эту работу проделали животные. Стена, которая представляла собой настоящую плотину, удерживала маленький пруд в его берегах. Без этой плотины не было бы пруда, здесь протекал бы только ручей.

Пруд был залит солнечным светом. И так тихо ютился он там, среди Холмов Шепчущихся Листьев, и зеркальная поверхность его была так прозрачна, что утки, дремавшие на воде, казалось, плыли в воздухе. И до того четким было отражение стройных серебристых тополей, что трудно было сказать, где кончалась вода и где начинались деревья. Совсем как в сказочной стране: голубые озера, яркие цветы и деревья, отливающие серебром. Ни шороха, ни звука. Если бы не дремавшие утки, можно было бы подумать, что там никто не живет.

Бобровая хатка (A1, A2). Комната (B). Площадка-спальня (C). Нижняя площадка-сушилка со стоком в нырялку (D). Подводный тоннель (E, E). Боковой, или запасной, вход (F). Главный вход (J). Плотина (H, H). Водослив, регулирующий уровень воды в пруду (K). Деревья, подточенные острыми зубами бобров (L, L, L). Плот-столовая; основная часть его погружена под воду ниже уровня льда (P, P). Волок, по которому бобры спускают «спиленные» деревья (S, S). Русло осушенного ручья снова наполняется водой (W). Ручей впадает в пруд и продолжает свой путь, пройдя по желобу-водосливу (Y). Бобры опускают дно пруда под плотом-столовой и у плотины (X, X). Выброшенный ил идет на плотины и хатки (Z, Z). Раньше здесь была суша; благодаря плотине теперь все залито водой. Не будь плотины, на этом месте не было бы пруда, а протекал бы только ручеек.

Но на деле было совсем не так. Стоило только приглядеться внимательнее, стараясь не шевелиться, не разговаривать и даже не шептаться, и вы очень скоро заметили бы, как вода *около* берега нет-нет да вдруг подернется зыбью. Из-под воды между тростниками, прислушиваясь и нюхая воздух, осторожно выглянет темно-коричневая голова с круглыми ушами. За головой покажется покрытое шерстью тельце; у вас на виду зверек быстро, но беззвучно поплывет к противоположному берегу и исчезнет в тростниках.

Высокие тростники раскачивались бы и трепетали минутку, пока зверек работал там. Скоро он появится снова, на этот раз с большим пучком травы. Он поплывет к огромному черному земляному бугру, который мы внимательно рассматривали и не могли понять, что это такое: зверек нырнет возле него вместе с травой.

Не успеет он исчезнуть, как другая голова, тоже с пучком травы покажется с противоположной стороны.

Кто-то неосторожно пошевелился — и в ответ огромный плоский хвост тяжело ударит по воде, и тут же с громким всплеском голова и пучок нырнут в воду.

Такую именно сценку пришлось наблюдать Большому Перу в то утро на берегу ручья. Огромная насыпь, выше роста человека, была бобровым домом, а зверьки — бобрами.

Они были очень заняты.

Землянка возвышалась больше чем на шесть футов в высоту, а длиною была не меньше десяти футов. Только недавно бобры обмазали свое жилище глиной. Тяжелыми бревнами подперли они его покатые стены. Вся постройка выглядела очень прочной, словно крепость, и если бы даже оленю вздумалось взобраться на ее крышу, все равно ничего бы не случилось.

Сбоку проходила широкая дорожка, по которой доставлялся строительный материал. И если бы вы были очень терпеливы и ветер не выдал бы вас этим чутким зверькам, то могли бы увидеть, как старый бобр, подрыв с берега ком глинистой земли, вместе с ним направился к хатке. Он плыл медленно, стараясь не рассыпать землю по дороге. Потом встал на задние лапы, выпрямившись во весь рост, совсем как человек, взобрался на крышу, держа ком в охапке, и там опустил его.

После этого он стал замазывать землей щели и дыры, ловко работая лапами. И наконец, чтобы получше скрепить все, он воткнул большую палку.

Эта работа делалась неспроста. И сколько еще других хлопот было в это горячее время — в Месяц Цветов! Стоит ли удивляться: внутри причудливого домика, скрытые от всего света, жили четыре крошечных бобренка.

Маленькие пушистые зверьки с черными блестящими глазками были очень хороши собой. Их задние лапы были большие, перепончатые, передние — маленькие, удивительно похожие на ручки ребенка, а плоские хвосты казались резиновыми. У них был прекрасный аппетит и, наверное, очень хорошие легкие, потому что иначе они не могли бы заливаться без умолку таким громким криком, который можно было принять за плач маленького ребенка. Как и все малыши, бобрята доставляли много забот своим родителям.

Внутри хатки была большая комната. Даже человек, свернувшись калачиком, мог бы поместиться в ней. Комната была очень чистая, пол устлан ивовой корой и подстилкой из душистых трав.

Попасть в хатку можно было только через круглое отверстие в полу — «нырляку»; она вела в наклонный тоннель, спускающийся к самому дну пруда. Плотина поддерживала воду в пруду почти на уровне с полом, поэтому нырляка всегда была полна водой до самых краев, и неуклюжие бобрята могли напиться из нее, не бултыхнувшись вниз. В случае же такой беды — а ее не всегда минуешь — они без труда выкарабкивались оттуда.

Весь тоннель, вместе с входным отверстием у дна пруда, находился под водой, а поэтому никто из сухопутных животных не мог не только попасть в него, но даже его увидеть. Но если бы прорвало плотину и вода ушла из пруда, бобрам грозила бы страшная беда. Не только их враги — волки, лисицы и другие хищники — смогли бы пробраться к ним

в хатку, но и сами бобры не имели бы возможности ни защищаться, ни спрятаться, нырнув в воду, как мы недавно наблюдали.

Если вы взглянете на рисунок, то будете знать, как все это было устроено, и вам станет понятно, почему старый бобр так внимательно следил за плотиной и, лишь только обнаруживал течь, сразу же начинал ее чинить. Много хлопот доставлял бобру и желоб-водослив: нужно было все время вычищать из него всякий мусор, чтобы вода текла свободно, но не слишком быстро, иначе она затопила бы хатку: уровень воды в пруду необходимо было поддерживать на одной и той же высоте.

А сколько приходилось возиться с бобрятами! Одной бобрехе ни за что бы не справиться без помощи бобра. Заботливые родители очень часто меняли травяную подстилку, приносили бобрятам корм — нежные побеги и листья, — причесывали и приглаживали их шерстку и бормотали им какие-то нежные бобровые слова, которые издали звучали, как шепот людей. Зато громкий жалобный плач бобрят, их лепет, прерываемый криками и взвизгиваниями, вырывался даже за толстые стены землянки. Очень шумными становились малыши, когда они были голодны, когда радовались чему-нибудь или же попадали в какую-либо беду, что постоянно с ними случалось. Когда кто-нибудь из родителей возвращался домой (они никогда не отлучались вместе) после работы на плотине или с охапкой душистой травы для подстилки — была ли то мать или отец, — всегда раздавалось тихое певучее приветствие, в ответ на которое бобрята громко визжали и кричали от радости, и этот неистовый шум продолжался гораздо дольше, чем требовало благоразумие. Только во время сна бобрята притихали.

Весь день-деньской бобрята возились друг с другом, царапались, ползали всюду, и, наверно, им было очень весело. Вообще же это бобровое семейство ничем не отличалось от остальных семей. Им было хорошо и уютно у себя дома.

Теперь малыши уже подросли настолько, что могли попытать свои силы в нырялке. Сначала они просто лежали в воде, случалось и вверх ногами, или же барахтались там, визжа от радости. Они были очень легкими и пушистыми, совсем воздушными, поэтому им никак не удавалось погрузиться в воду достаточно глубоко, чтобы можно было грести одновременно двумя перепончатыми лапками. Вот и приходилось подгребать то одной, то другой лапкой, переваливаясь с боку на бок, захлебываясь, извиваясь, барахтаясь. А старые бобры озабоченно плавали вокруг, подбадривая их и, вероятно, давая советы на своем звучном бобровом говоре. Наблюдая эти сценки, я пришел к заключению, что задача научить плавать малышей была нелегкой для бобров - родителей, но бобрята, казалось, получали большое удовольствие, барахтаясь в воде, а с этим, как вы сами понимаете, надо считаться.

Однако малыши быстро утомлялись. Тогда они вылезали из воды и отдыхали в «сушилке». Сушилка была устроена немного ниже уровня пола — вероятно, для того, чтобы вода, струившаяся с шерсти зверьков, не замочила их зеленых постелей. Каждый бобренок очень тщательно выжимал, стряхивал, вытирал воду со своей шерстки спереди, сбоку, сзади — всюду, куда только мог дотянуться; бобрята сидели выпрямившись и работали очень усердно, сопя и вздыхая, точно дети после купания.

Наконец, когда работа была закончена и шерсть у них высыхала или же им казалось, что она высохла, они переворачивались вверх ногами, портя этим все дело, и раздавался целый хор пронзительных криков. Тогда появлялись свежие зеленые листочки и водоросли, которые бобры приготавливали заранее для того, чтобы скорее успокоить малышей, и крики нетерпения переходили в довольное чавканье и бормотание.

Скоро все затихало, маленькие глазки закрывались, и бобрята, сбившись в кучу и вцепившись передними лапками друг дружке в шерсть, засыпали на постелях из душистой травы.

И так день проходил за днем в бобровом доме. Когда бобрятам исполнится двадцать дней, в их жизни наступит необыкновенный праздник. Нырнув в темный тоннель, малыши вдруг очутятся в неведомом ослепительном мире, который окружал их со всех сторон, но которого они никогда не видали. А пока бобрята спали, родители по очереди оставались

возле них, по очереди осматривали плотину, от которой зависела их жизнь, следили, не подкрадывается ли хищник к их маленькому замку. Нужно было приготовить и корм и подстилку. Бобры хорошо знали: как только проснутся малыши, снова придется делать сто дел сразу. Месяц Цветов — очень хлопотливое время.

Наши четыре маленькие героя или героини, а может быть, и те и другие, дожили наконец до той чудесной поры, когда научились нырять по-настоящему и уже не выскакивали из воды хвостом вверх, словно резиновый мяч, а могли проплывать довольно большое расстояние, не взывая о помощи. Как вдруг как-то днем — это было в тот самый день и час, когда Гитчи Мигуон обедал в лесу, — старый бобр заметил, что вода в нырляке стала убывать. Он насторожился. Бобриха тоже услышала бульканье и пришла посмотреть, в чем дело. Вода, кружась воронкой, опускалась в тоннель все ниже и ниже. Потом воды не стало.

Кто-то сломал плотину!

Бобры друг за другом бросились вниз через пустую нырля-ку. Нельзя было терять время. У них не будет воды — драгоценной воды, от которой зависит жизнь детенышей! Их дом теперь открыт для всех на свете, а это грозит смертью.

Четыре бобренка ужасно испугались. Они почувствовали, что случилась беда, но были еще слишком малы, чтобы понять, в чем дело. Бобрята подползли друг к другу и тихо похныкивали.

Встревоженные родители кинулись вплавь по обмелевшему пруду — прямо к плотине. В самом низу стены они обнаружили отверстие величиной с бочку — скоро в пруду совсем не останется воды!

Бобры тотчас принялись за работу. Они таскали сучья откуда попало, выдирали большие комья земли с болотистого берега, отгрызали острыми зубами ветки с упавших деревьев, катали камни и все это бросали прямо в дыру, а потом затыкали отверстия травой и ветками кустарника. Они рыли глину и таскали ее к дыре в плотине; глина, пропитавшись водой, становилась вязкой и хорошо замазывала щели между сучьями, ветками и камнями. Но пруд был слишком мал для такой большой течи» и родниковая вода, которая питала пруд, собиралась гораздо медленнее, чем вытекала из него.

И вот теперь, когда плотина снова была в порядке, в пруду совсем не осталось воды!

Пока бобры трудились, отчаяние не раз охватывало их (не верьте тому, кто будет уверять вас, что животные не способны чувствовать отчаяние!), но они все-таки продолжали работать до тех пор, пока не починили плотину; только тогда, усталые и измученные, бобры побрели к своим четверем детенышам, которых они так любили, и к дому, который уже не был больше защитой для них. А как они трудились, чтобы построить его, и как нужен он был для семьи!

Бобры не умеют быстро ходить. Они легко переплыли бы пруд, но пробираться по скользкому илистому дну через камни и заросли спутанных водорослей было тяжело. Сколько драгоценного времени уйдет, пока они доберутся, карабкаясь и спотыкаясь, до своей хатки, которая теперь казалась так далеко! Любой зверь может их настигнуть. А если повстречается волк или медведь, все погибло. Бобры были беззащитны теперь, потому что природа создала их не для борьбы, а только для мирного труда.

Спешите! Спешите, Гитчи Мигуон! Беги со всех ног! Твоя помощь очень нужна маленьким братьям, нужна немедленно! Скоро, с минуты на минуту, охотник будет здесь...

По вязкому дну пруда на усталых коротких ножках медленно и мучительно плелись два несчастных бобра; они спешили как могли к своим детенышам, которые теперь остались в незащищенной хатке.

А там четыре бобренка, сбившись в кучу и вцепившись передними лапками друг дружке в шерсть, с ужасом смотрели на блестящее черное чудовище с плоской головой. Оно подползало к ним медленно, оскалив зубы, шипя, как змея. Нигик — выдра!

Голодная, злая, хитрая, она сломала плотину, осушила пруд, и теперь добыча была перед ней — четыре маленьких бобренка.

Ее длинное тело загородило вход. Казалось, спасения нет. Выдра подобрала под себя лапы, готовясь к прыжку...

Как раз в эту минуту Гитчи Мигуон, задыхаясь от быстрого бега, с ружьем наготове, выскочил из тростников и, перескакивая с камня на камень, бросился к бобровой хатке.

Глава IV

Первое приключение

Выдра прыгнула. Жадная, она хотела схватить всех маленьких бобрят зараз! Но те отскочили, как четыре пружинки, в разные стороны. Не рассчитав прыжка, она упустила их всех, а сама со всего размаха налетела на стену. На минуту хищника оглушил удар. И это спасло бобрят. Они бросились к выходу, теперь свободному.

Разъяренная своей неудачей, выдра пустилась было вдогонку, но выход в конце тоннеля был загорожен. Кем? Она еще не знала.

Не прошло и минуты, как началась жестокая схватка между выдрой и двумя бобрами. Они подросли как раз вовремя. Бобры, такие добрые и игривые от природы, теперь бились не на жизнь, а на смерть ради спасения своих детенышей. Выдра была более ловкой и более свирепой, чем они. Уж если она вцепится зубами, словно бульдог, то не выпустит своей жертвы; но у бобров шкурка толстая, ее нелегко прокусить, а их острые, похожие на резец зубы, которые до сих пор никого не кусали и только подтачивали стволы деревьев, с отчаяния впивались в тело хищника. Бобры упирались лапками и всё сильнее и сильнее кусались.

Выдра билась жестоко — она была не из трусливых — и все норовила стиснуть своими крепкими челюстями морду бобра, чтобы хоть один из них перестал кусаться. Но пришлось ей спасать свою собственную голову.

Она вертелась и извивалась, как огромная мохнатая ящерица, забрасывая то влево, то вправо свою змеиную голову, шипя, щелкая зубами, рыча. Бобры же не издали ни звука, пока она таскала их с места на место, и только снова и снова впивались в нее зубами. Перед ними был враг — самый страшный из всех врагов, — его надо было уничтожить во что бы то ни стало. Раз и навсегда надо положить конец его злодействам.

И снова враги набрасывались друг на друга, боролись, кувыркались, пока не выкатились вниз по тоннелю, извиваясь бесформенной массой ног, хвостов, сверкающих зубов, прямо к ногам Гитчи Мигуона — он только что сделал последний длинный прыжок с камня на камень и очутился перед бобровым домом.

Встреча с новым врагом обескуражила выдру. Метнувшись что было силы, она вырвалась на свободу и одним прыжком отскочила далеко в сторону, так что бобрам уже было не догнать ее.

Не обращая внимания на индейца, бобры побрели за убежавшим хищником, увязая в иле; а для выдры, наоборот, это была прекрасная дорога. В один миг она проскользнула футов на двадцать вперед. Два-три прыжка — и снова скользила, и так до тех пор, пока не очутилась у плотины. Махнула через нее — и поминай как звали!

Никогда больше не станет она нападать на Бобровый Народ!

Большое Перо стоял поблизости на камне и видел, как убегала выдра. Он направил было на нее дуло своего ружья, но потом решил, что злодейка и так достаточно наказана, и не стал стрелять: ведь бобрам она больше не причинит вреда.

Как бы то ни было, но теперь уже все наладилось: вода начала снова собираться в пруду — ее удерживала плотина, которую, как вы, наверно, помните, починили бобры; пруд становился все глубже. Охотнику нужно было поспешить обратно к берегу, пока не залило камни.

Индейца немного беспокоила судьба маленьких бобрят. Он видел, как они убежали из хатки, но вернулись ли малыши, этого он не знал. Поэтому, выбрав место, откуда его не было видно и нельзя было почуять, он присел на берегу и стал следить за тем, что

происходило около бобрового домика.

Скоро он увидел, как бобриха стала собирать малышей. Двое бобрят появились из укромного уголка, где они притаились, спасаясь от страшного врага. Мать по очереди провожала их домой: бобрята становились на широкий плоский хвост бобрихи, придерживаясь лапками за ее шерсть, чтобы не упасть, и так, словно на салазках, подъезжали ко входу в хатку. И, пока малыши ехали, они смотрели по сторонам, разглядывали все кругом и, по-видимому, были очень довольны.

Мне кажется, что Большое Перо получил не меньшее удовольствие, чем они,— он тихонько посмеивался, любуясь этой забавной сценкой. Потом он задумался. Присматриваясь ко всему, что происходило, он вдруг почувствовал, что очень жестоко убивать этих зверьков, которые так самоотверженно трудятся, чтобы защитить своих детенышей и свой скромный дом, и которые так любят друг друга,— это было, казалось ему, равносильно убийству маленьких людей. Никогда еще он не видел того, что довелось ему увидеть сегодня. Теперь только понял он, почему старики индейцы часто называют бобров Говорящими Братьями и Бобровым Народом.

Большое Перо решил переночевать у пруда, хотя не захватил с собой ни одеяла, ни еды: он боялся, что вернется злодейка выдра или же появится другая, потому что эти хищники часто рыскают парами.

Но никто не нарушил покоя бобрового пруда. На рассвете, когда Гитчи Мигуон покидал это место, пруд уже наполнился водой до краев, потайной вход был закрыт, и все, казалось, было в полном порядке, словно ничего и не случилось.

Вот и все, что узнал Большое Перо. Но индеец не знал, что двое бобрят, напуганные до полусмерти, выкарабкались из хатки, побрели по длинному потайному ходу под заболоченной землей (бобры часто выкапывают такие ходы для разных целей) и, пройдя его до конца, очутились около плотины. Вряд ли они знали, куда бредут, да, верно, и не думали об этом — им только нужно было уйти подальше от злого чудовища. Никто не заметил, как они перебрались на противоположную сторону плотины и продолжали свой путь по осушенному руслу ручья/ Зловещее шипение выдры все время преследовало их по пятам, словно в страшном сне. И так отчетливо оно вдруг стало слышно и так близко, что зверьки в ужасе забились в маленькую пещерку на берегу. Это произошло как раз вовремя: не успели они укрыться, как выдра — настоящая, страшная выдра — прошмыгнула мимо них. К счастью, бобрята, как и многие другие молодые зверьки, не распространяют никакого запаха; даже лиса, несмотря на свой чуткий нос, могла бы найти их только случайно. Вот и выдра не узнала, где они спрятались. Она мчалась без оглядки все дальше и дальше от пруда.

А скованные ужасом бобрята прижались друг к другу в своем убежище, не смея двинуться вперед и боясь вернуться. Они стали поджидать свою мать — не придет ли она к ним на помощь?

Но отсутствие запаха, которое только что принесло им спасение, теперь оказалось для них бедой. Старые бобры обнюхали все кругом, но не смогли обнаружить никаких следов и так и не узнали, что бобрята перебрались через плотину. А испуганные зверьки не догадались, как недалеко они находились от пруда. Вот и сидели они, словно два заблудившихся ребенка, забившись в свою пещерку, обездоленные, понурые, и все прислушивались, не донесется ли к ним любимый ласковый голос. Малыши всё ждали и ждали свою большую маму, такую заботливую и добрую,— она всегда утешала их в их маленьких бедах, согревала своим коричневым пушистым телом и так старательно причесывала и прихорашивала каждый день. Ну конечно же, она или отец — это он играл с ними так хорошо, учил плавать и всегда приносил им душистую траву для постелей и веточки с нежными листьями на обед, — кто-нибудь из них да придет. Теперь у бобрят не было ни душистой подстилки, ни лакомых листочков — ничего, кроме твердых камней и жесткого песка, а ни мать, ни отец не шли за ними. Напрасно прождали бобрята всю долгую ночь, дрожа от холода, голода и страха.

Один раз какой-то длинный темный зверь, похожий на ласку, но гораздо крупнее ласки,

заглянул к ним; но они сидели тихо, как две мышки, и почти перестали дышать. Он громко засопел у самого входа в пещерку и побежал дальше. Это была норка... Она увидела, что они вдвоем, и побоялась напасть на них.

Не скоро набрались зверьки храбрости, чтобы выглянуть на минутку, но сейчас же спрятались обратно — нужно было спастись от огромного серого чудовища, которое спускалось на них сверху. Круглые желтые глаза засверкали близко-близко... Но вот чудовище взмыло вверх и уселось на ветку. И смотрело оттуда, смотрело на них, щелкало клювом, громко, протяжно кричало и очень страшно смеялось.

Вопахо — Лесная Сова Хохотунья — подкарауливала их, хотела сделать бобрят своей добычей. Она терпеливо ждала, и каждый раз, когда малыши выглядывали из пещерки, страшные желтые глаза всё еще глядели на них.

На рассвете сова исчезла. Вода уже струилась через плотину, и ручеек снова за журчал. Бобрята спустились к нему и поплыли в поисках своего дома. Если бы они только знали, как близко была их хатка! Но в маленьких головках все перепуталось, и они окончательно заблудились. Не в силах бороться с течением, они отдались воле воды и спускались всё ниже и ниже по ручью, всё дальше и дальше от дома, от родителей, от сестренок¹⁰, с которыми так хорошо играли и возились всю свою коротенькую жизнь.

Так они плыли, слабые, голодные, не умея найти себе корм. И все-таки теперь они чувствовали себя как-то безопаснее, потому что были в воде, и продолжали свое бесцельное путешествие, которое не могло привести к добру. Ручеек становился все спокойнее и спокойнее, и зверьки незаметно очутились в ленивых водах Березовой Реки.

Лань, которая паслась на отмели, подняла голову и увидела их.

Она насторожила уши и долго следила за ними своими добрыми глазами. Дальше на пути повстречалась ондатра — мускусная крыса; она поздоровалась с ними, громко пискнув, и прошмыгнула мимо. Птицы глядели на них с верхушек деревьев и что-то щебетали им. А солнце грело так ласково и мир был так прекрасен! И они продолжали плыть всё дальше и дальше, неизвестно куда. Так бы они и плыли в забытьи от голода и слабости, пока не заснули бы, чтобы никогда больше не проснуться.

В тот самый момент, когда бобрята очутились на зеркальной поверхности Березовой Реки, их заметил Гитчи Мигуон.

Он сидел на берегу ручья на том самом месте, где недавно обедал. Спустив осторожно на воду свой челн, он тихонько поплыл к ним. Бобрята услышали шум, приоткрыли глазки и увидели его. Но почему-то они не испугались даже тогда, когда он поднял их за крошечные черные хвостики, чтобы опустить в лодку. Наверное, им все уже было безразлично. А может быть, большой настороженный глаз, нарисованный на носу лодки, не выглядел уж так сердито, как задумал художник; или, скорее всего, они чувствовали, что индеец не обидит их: зверьки, даже самые маленькие, узнают своих настоящих друзей.

Большое Перо, сложив ладони вместе, осторожно держал бобрят — зверьки были такие маленькие и жалкие. Их крошечные передние лапки сжались в кулачки, словно они приготовились к бою¹¹, но круглые головки отяжелели и поникли, глазки смыкались. Индеец знал, что они умирают, и ему стало их жаль. Охотники часто бывают добрыми людьми.

---

¹⁰ Только маленькие самцы могли проявить такую смелость. (Примеч. автора.)

¹¹ Это положение бобры применяют при защите. Они способны нанести быстрый и сильный удар, то пуская в ход крепкие когти, то сжимая переднюю лапу в кулак. Последний прием применяется в борьбе между бобрами, когда они щадят своего противника. Обратите внимание на то, что измученные до крайности бобрята прибегают к более безобидному приему борьбы, — таков их характер. (Примеч. автора.)

Большое Перо решил во что бы то ни стало спасти бобрят. Он жил охотой, и ему часто приходилось убивать бобров ради их ценной шкурки. А вот теперь он имеет возможность сделать доброе дело для бобров — спасти этих заблудившихся малышей, которых унесло течение и которые очутились у него в руках.

Причалив к берегу, он достал банку с молоком, разбавил его водой и стал вливать зверькам в рот. Маленькие пушистые тельца распростерлись на огрубелых ладонях индейца, и он почувствовал, какие они легкие и как слабо бьются их сердечки. Пока шло кормление, бобрята ухватились своими лапками, словно крошечными ручками, за сильные пальцы индейца. Большое Перо совсем растрогался, но как дальше поступить со зверьками, он еще не знал. Ему следовало бы спешить домой — он обещал своим детям, Саджо и Шепизну, вернуться в определенный день, и, чтобы не огорчать их, ему нужно было сдержать свое слово. Если отнести бобрят к пруду, вряд ли они найдут дорогу к хатке — ведь надо весь пруд переплыть. Оставить их тут на месте — еще хуже: они наверняка умрут с голоду либо погибнут в когтях орла, ястреба; даже голодная рыба опасна для них. Большое Перо подумал, не взять ли бобрят с собой, хотя понимал, что в далеком пути возни будет очень много. Но как можно покинуть этих малышей в беде? Это было бы жестоко. У старых индейцев очень строгие правила в таких случаях.

Бобриха-мать, наверно, считала своих детенышей очень красивыми, но индейцу они казались уродливыми: у бобрят были длинные задние ноги и коротенькие передние, шарообразные тельца и курносые носики. Они напоминали сказочных Бакваджис — индейских волшебниц.

Большое Перо в конце концов решил, что их уродство — небольшая беда, зато они очень забавны и будет интересно их приручить. Приближался день рождения его дочери Саджо — ей исполнится одиннадцать лет. Бобрята с курносими носиками, наверно, очень понравятся девочке. Это будет забавный подарок для нее! А когда они вырастут и их уже будет неудобно держать дома, тогда бобрят снова отвезут в родные места.

Бобряткам понравилось молоко, и они стали просить еще. Если бы вы слышали их жалобные голоса! Они еще сильнее растрогали Гитчи Мигуона. «Как можно покинуть малышей, которые плачут совсем как дети», — подумал он и снова принялся хлопотать и поить их молоком.

Потом он подошел к березе, которая росла среди сосен, срезал с нее большой кусок коры и стал мастерить корзинку для бобрят. Он обвязал ее кедровым лыком, чтобы сохранить форму. Вслед за этим сделал плотно прилегающую крышку и проделал в ней дырочки, чтобы воздух проходил свободно. Еще он сплел ручку из коры кедра. Когда корзинка была готова, он выстлал ее дно травой и положил сверху сочные листики и молодые побеги тех растений, которыми питаются бобры.

Когда Большое Перо поднял своих питомцев за плоские хвостики, чтобы положить в корзинку, они почувствовали запах душистой подстилки — совсем как дома — и нашли нежные почки и листики, которыми так хотелось полакомиться; они слушали добрый, успокаивающий голос своего нового друга — он так хорошо напоил их молоком! — и от всего этого им сразу стало лучше.

Казалось, они теперь забыли и страшное шипение выдры, и сову с ее круглыми желтыми глазами и злым хлопающим клювом. Как жутко она смеялась над ними в ту темную ночь! И вот они подползли друг к другу, что-то бормоча и урча про себя — уже давно они этого не делали, — и ели, ели, пока не наелись досыта.

А Большое Перо, делая быстрые взмахи веслом, гнал каноэ домой, к своим любимым детям. Он очень радовался подарку, который вез им. Он не сомневался, что и сынишка, хотя был тремя годами старше сестры, вместе с ней будет забавляться зверьками. И он был рад, что помог этим маленьким страдальцам.

Беседуя со своим каноэ или с ружьем, быть может, с бобрятами или просто сам с собой, он говорил:

— Мино-та-кия! (Хорошо!) Кэгет мино-та-кия! (Очень хорошо!)

Маленькие искатели приключений тоже, наверно, были всем довольны, так как они совсем притихли. И в самом деле им было хорошо в их гнездышке. Сквозь оконца берестяного домика к ним доносились звонкая песня дроздов, веселое журчание воды и убаюкивающий гомон лесных насекомых. Только время от времени, видно вспомнив своих близких и родную землянку, они жалобно похныкивали и теснее прижимались друг к дружке. И тогда тоска затихала, усталые головки склонялись, а круглые черные глазки отказывались смотреть... Все звуки словно замирали вокруг, и все горести куда-то исчезали. Бобрята спали.

Вот как получилось, что два маленьких заблудившихся бобренка, таких маленьких, что они легко поместились бы вдвоем в пол-литровом горшочке, ехали теперь к новому дому и к новым друзьям; они видели много удивительных вещей, о которых даже самые умные бобры ничего не слыхали, и пережили приключения, которых не переживал никто из бобров, я в этом вполне уверен.

Большое Перо был прав, когда говорил «мино-та-кия». Это было на самом деле чудесно!

Глава V **День рождения Саджо**

Почти неделю спустя после описанных событий Саджо и Шепизэн хлопотали по хозяйству, готовясь к встрече с отцом. Они жили недалеко от поселка Обисоуэй. Этот поселок лежал в Долине Лепечущих Вод, вблизи небольшого водопада, чье тихое, убаюкивающее журчание напоминало индейцам лепет сонных голосов. Отсюда и пошло такое название.

Около озера на зеленом пригорке стояла бревенчатая избушка Большого Пера. Лес подступал прямо к ней. Но участок вблизи домика был старательно расчищен от бурелома и молодняка, сквозь ряды стройных деревьев открывался чудесный вид на озеро.

Это было огромное озеро. Его холмистые, заросшие лесом берега убежали в голубую даль, словно волны необъятного изумрудного океана. Узкая тропинка вилась от избушки вниз по склону холма, к роще высоких, стройных тополей, стоявших у самой воды. Там Гитчи Мигуон любил коротать с детьми часы своего досуга в жаркие летние дни.

Хижина охотника была невелика, но снаружи выглядела очень живописно: она была срублена из золотистых сосновых бревен, а все щели были тщательно законопачены желтовато-зеленым мхом. И хотя внутри находилась лишь одна единственная комната, в ней было уютно. Пол из гладко отесанных, крепко сколоченных бревен отличался ослепительной чистотой, потому что его усердно скребли и мыли, и ни один пол не мог состязаться с ним в чистоте. На трех скамьях-кроватях, поставленных в ряд вдоль стены, красовались аккуратно сложенные индейские одеяла, привезенные с Гудзонова залива. Они радовали глаз своими яркими красками. Некоторые из них были красные, другие белые или зеленые; на всех цветных одеялах по краям шли белые широкие полосы. Три одностворчатых оконца сверкали на солнце; на стеклах не было ни одного пятнышка, и они блестели, по выражению Шепизэна, как внутренняя сторона ружейного дула, — таково было его понятие о чистоте. В таком состоянии он поддерживал обычно и свое ружье. А сегодня он особенно усердно смазывал и начищал его внутри и снаружи, пока ружье не заблестело весело в своем углу, напротив входной двери, так что не заметить его было бы невозможно. Мальчик выменял это ружье у скупщика Американской меховой компании на четыре дорогие норковые шкурки и хранил его, как бесценное сокровище; других собственных вещей у него было немного, смею вас в этом уверить.

Саджо насушила тростниковых стеблей, нарезала их ровными кусочками и выкрасила в голубой, алый и желтый цвета. Потом она стала нанизывать их на длинные нити, искусно подбирая в затейливый узор. И когда она повесила эти разноцветные нити тростниковых бус густыми рядами по бокам окошек, ей казалось, что они выглядят как настоящие занавески.

Девочка долго не могла налюбоваться на свою работу.

Потом она начала хлопотать около стола. Расставила жестяные тарелки, положила ножи и вилки, как им полагается лежать. Скоро появился на середине стола большой каравай индейского хлеба баннок, только что испеченный и еще теплый. И хотя до рождества было далеко, Саджо украсила хлеб настоящей, только совсем маленькой елочкой. Девочка чувствовала себя по-праздничному, и ей очень хотелось, чтобы стол и все вещи в комнате выглядели нарядными.

Маленькая железная печурка была начищена так старательно, что казалась совсем новой. У этой печурки не было ни духовки, ни ножек. Пришлось подложить два больших плоских камня, что оказалось весьма удобным приспособлением для печения хлеба. А делалось это так. Сначала тесто ставилось на плиту, а потом, когда оно подходило, — под плиту, между двумя нагретыми камнями: там оно пеклось и даже подрумянивалось от огня в печке, который горел сверху. Иначе хлеб пришлось бы переворачивать на сковороде, когда он был наполовину испеченным, и не было бы полной уверенности в успехе. А Саджо, поверьте, прекрасно пекла хлеб, она не раз угощала и меня.

И Шепиэн тоже не сидел сложа руки. Он разостлал посреди пола новую оленью шкуру, недавно растянутую и высушенную, принес охапку дров и положил их возле печки, на которой тушились в огромном горшке лакомые куски оленины — его охотничья добыча. Шепиэн подстрелил оленя из своего ружья, которое красовалось теперь в углу комнаты.

Меднокожий, черноглазый, как и все индейцы племени оджибуэй, Шепиэн казался не по летам серьезным мальчиком и ростом был выше своих сверстников.

Закончив хлопоты по хозяйству, он сел в ожидании отца. Мальчик был уверен, что отец непременно вернется к их семейному празднику, как обещал; он всегда держал свое слово, если только в лесу с ним не случилось чего-нибудь неожиданного. А Саджо? Она продолжала суетиться и бегать взад и вперед по комнате, и вслед взлетали две черные косички, а карие глаза ее блестели от возбуждения. То она хлопотала у плиты, то расставляла у стола чурбаны, заменявшие им стулья, то поправляла свои тростниковые занавеси.

Шепиэн смотрел в окно. Перед его взором открывалась широкая даль озера. Он не отрывал глаз от воды и напряженно ждал, что вот-вот появится каноэ отца. Но мальчик не хотел выдать свое волнение, поэтому и сел в стороне, у дальнего окна — ведь уже целый месяц, как он оставался в доме старшим; хотя ему исполнилось всего четырнадцать лет, он должен был вести себя, как подобает мужчине.

Саджо распевала песенку и, казалось, не ходила, а летала по комнате, едва касаясь пола своими расшитыми бисером мокасинами, — так и мелькало ее яркое клетчатое платье. Девочка чувствовала себя по-праздничному: этот чудесный день был не только днем приезда ее горячо любимого отца, но и днем ее рождения.

Только подарков она не ждала. С тех пор как могила ее матери заросла дикими цветами, некому было баловать девочку. Правда, отец смастерил как-то две деревянные куклы и подарил их ей ко дню рождения. Но на этот раз ему не до игрушек — он вернется из далекого пути.

Саджо достала своих любимиц — одну из них звали Чилёви, а другую Чикёни — и усадила их на край скамьи. На куклах тоже были веселые клетчатые платьица, как и у Саджо, но вид у них был какой-то печальный — краска сошла с их лиц, наверно, во время купания. Надо было помочь беде. Девочка побежала за кисточкой и быстро навела алый румянец на побледневшие щеки своих безмолвных подруг, пестрой шалью повязала их деревянные головки. И все-таки они выглядели очень странно — у них не было ни пальцев, ни носа, ни рта; но, видно, они об этом даже не догадывались... «Что делать? Придется любить их и такими, ведь других игрушек нет», — подумала Саджо.

Но мы-то — вы и я, — мы знаем секрет, который был тайной для девочки, когда она весело хлопотала, — она ничего не знала о том замечательном сюрпризе, который ожидал ее.

Шепиэн по-прежнему сидел очень тихо в глубине комнаты и не сводил глаз с озера. Он все ждал, когда же сестренка угомонится и будет вести себя более степенно. «Однако два

таких больших события, как возвращение отца и день рождения, могут вывести из равновесия любую женщину», — подумал он. И вдруг его собственное сердце стало биться все быстрее и быстрее — он с трудом сдержал себя, чтобы не броситься к окну. Далеко-далеко на озере показалась движущаяся точка.

— Сестра, — сказал он, как всегда, ровным, спокойным голосом, — наш отец возвращается.

— Где? Где? — воскликнула Саджо и, не дожидаясь ответа, схватила свою шаль, стремглав бросилась к двери и растерянно стала глядеть во все стороны.— Где? Покажи скорее, Шепиэн!

Шепиэн указал рукой в том направлении, где он заметил точку на воде:

— Вон там, сестра. Видишь — крошечное пятнышко?

— О-о-о!.. — разочарованно протянула Саджо.

И в самом деле, мало ли чем могло быть это пятнышко.

— А вдруг это плывет медведь или олень, — сказала девочка, надеясь все же, что брат будет настаивать на своем.

Однако ему не пришлось доказывать.

Издали послышался звук, слабый, отрывистый, — то был выстрел из ружья. А вслед за ним другой. Дети продолжали слушать. Последовала пауза, во время которой можно было сосчитать до трех. Потом раздался еще один выстрел.

— Это он! Это он! — закричала Саджо.

— Да, это сигнал нашего отца,— с трудом сохраняя спокойствие, подтвердил Шепиэн.

И, забыв обо всем, он вместе с сестренкой бросился в хижину.

— Теперь скорее за работу! — скомандовал мальчик.

И несмотря на то что челн был еще очень далеко и ожидать отца можно было не раньше чем через час, в хижине пошел дым коромыслом. Дети подбежали к полке, уставленной горшками с вареньем из голубики и земляники. Саджо делала эти запасы ежегодно, но в этом году она впервые сварила варенье сама, без чьей-либо помощи, а так как девочка много потрудились, то варенье получилось очень вкусным, и теперь ей хотелось убедить себя, что она давно овладела этим искусством. Затем они поставили на плиту большой чайник, потыкали длинной вилкой оленину, чтобы узнать, готова ли она, снова бежали к столу, еще раз возвращались к печке, метались взад и вперед — словом, вели себя так, как обычно ведут себя дети в подобных случаях, независимо от того, богаты они или бедны, принадлежат ли к королевскому роду или же они просто маленькие индейцы.

И когда наконец наступил долгожданный момент и желтое каноэ с настороженным птичьим глазом и виляющим хвостом врезалось в песчаный берег, все заговорили в один голос.

Не успел Гитчи Мигуон выйти из челна, как он уже сжимал одной рукой две детские руки; другую он почему-то держал сзади. Он пытался ответить на все вопросы сразу, и лицо его, которое бывало иногда таким суровым, сияло веселой улыбкой, когда он заговорил:

— Дети, дети, подождите, дайте же мне сказать... Да, я здоров... Метисов не видел, нет — наш охотничий участок в порядке... Да, еще как скучал! Но теперь уже мы вместе. Ну, с днем рождения, Саджо! С днем рождения, дочка!

Только теперь он протянул вперед руку, которую держал за спиной. В ней была берестяная корзинка с плетеной ручкой из кедровой коры.

— Смотрите! Это тебе подарок, Саджо. Ко дню рождения.

Охотник отдал корзинку дочери, предупредив, чтобы она несла ее очень осторожно. Потом он обратился к сыну:

— Тут и для тебя, Шепиэн, их там двое.

— Двое? Кто же это там, отец? — спросил Шепиэн, следуя за сестрой, которая уже прошла вперед. — Что в корзинке?

Но Большое Перо ответил уклончиво:

— Подожди немного и увидишь.

И они пошли вслед за Саджо вверх по тропинке к дому. Девочка смешно семенила ногами, ее распитые бусами мокасины мелькали из-под клетчатой юбки, но корпус, начиная от колен, она старалась совсем не сгибать, вероятно для того, чтобы не шелохнуть корзинку. Она держала ее в вытянутой руке, словно это было большое и очень хрупкое яйцо, которое могло разлететься на тысячу кусочков при малейшем толчке. Не удивительно, что Саджо шла так осторожно: из таинственной корзинки доносились очень странные звуки.

«Ребеночек! — подумала она. — Кажется, даже два. Как только они могли поместиться в такой маленькой корзиночке? Наверно, совсем крошечные».

И как только Саджо вошла в хижину, она тихонько опустила корзинку на пол; Шепиэн уже был тут как тут и придерживал таинственную корзинку за края, пока Саджо поднимала крышку. Заглянув внутрь, она увидела то, что для вас уже не тайна: двух маленьких пушистых зверьков. Они уцепились крошечными лапками, словно ручками, за край корзинки и смотрели на нее так доверчиво своими блестящими черными глазками-пуговками!

— О-о-о! — У нее захватило дыхание.— Ах, ах!..— Это все, что ей удалось произнести, и ничего другого она не могла придумать. — Ах! — снова вырвалось у нее. — Медвежата, живые медвежата! — воскликнула она и осторожно опрокинула корзинку набок.

Зверьки вылезли, и только теперь, когда Саджо увидела их плоские хвостики, она поняла, что это за малыши.

— Это еще лучше, чем медвежата!

— Маленькие бобры! Маленькие бобры! — побледнев от волнения, закричал Шепиэн. От его мужской выдержки и чувства собственного достоинства не осталось и следа. — Настоящие, живые!

Большое Перо улыбался, глядя на детей. Вряд ли можно было ожидать лучшей встречи для бобрят. Саджо сидела на полу все еще с полуоткрытым от изумления ртом, но уже ни один звук не вылетал из него. Она даже забыла показать отцу занавески, которыми так гордилась; правда, можно не сомневаться, что они не ускользнули от зоркого глаза Большого Пера. И обед тщетно ждал на плите, а знаменитое ружье Шепиэна, такое чистое и блестящее, стояло незамеченным в углу.

Большое Перо много возился с бобрятами во время долгого путешествия и хорошо их кормил — они стали толстенькими, кругленькими, упитанными. Саджо казалось, что эти зверьки — самые прелестные существа на свете. А когда они кое-как вскарабкались к ней на колени, девочка наклонилась и прижалась щекой к их пушистой шерстке, которая так хорошо пахла от подстилки из душистой травки и ивовой коры.

Большое Перо и Шепиэн пошли за свежей подстилкой и кормом для маленьких гостей.

Саджо осталась одна. И пока никого не было, она взяла на руки сначала одного, потом другого бобрёнка и держала их по очереди в сложенных ладонях, где они очень удобно поместились, и что-то нежно шептала им. А они ухватились своими ручонками (иначе нельзя назвать их лапки) за ее пальцы и — о чудо! — что-то по-детски пролепетали ей в ответ и при этом внимательно смотрели на нее своими черными блестящими глазками.

Потом Саджо держала обоих бобрят вместе, и они тыкались своими теплыми влажными носиками в ее шею, сопели и пыхтели совсем как маленькие ребята.

Саджо поняла, что будет очень сильно любить их.

Но вот девочка встретилась взглядом со своими куклами Чилеви и Чикени, и ей показалось, что они стали еще печальнее и смотрят на нее с упреком. Чтобы не огорчать кукол понапрасну, она посадила их обратно на полку и повернула лицом к стене.

В скромной бревенчатой хижине, приютившейся в далеком северном лесу, в тот день было трое счастливых: Гитчи Мигуон, потому что его возвращение домой оказалось таким радостным; Шепиэн — ведь отец подарил и ему бобрят, а кроме того, похвалил его за работу; и маленькая Саджо, потому что она никогда еще не получала в день рождения такого

чудесного подарка.

Глава VI

Большая Крошка и Маленькая Крошка

Конечно, люди не могли заменить бобрятам их близких, но семья охотника сделала все, чтобы зверьки почувствовали себя как дома. И бобрята скоро привыкли к новой жизни.

Шепиэн у себя под кроватью устроил им домик со стенками из березовой коры; только одну сторону он оставил открытой — для входа. Гитчи Мигуон прорезал дыру в полу, укрепил в ней лоханку — вот и получился пруд, правда не очень просторный, но все-таки он был величиной с нырялку; бобры проводили там полдня и, плавая на поверхности воды, жевали листики и стебли.

Каждый раз, когда бобрята вылезали из лоханки, они усаживались тут же и прихорашивались. Сначала они обсушивались, выжимая воду из шерсти передними лапками, потом причесывались очень усердно собственной «гребеночкой», которой их наделила природа: на задних лапках у бобров есть раздвоенный ноготь, им они и причесываются.

Все это они проделывали так серьезно, старательно и неторопливо, что Саджо не могла оставаться безучастной. Девочка усаживалась рядом с ними и помогала им как могла: кончиками своих пальцев она приглаживала им шерстку то в одну сторону, то в другую; бобрятam это, видно, нравилось, и они еще усерднее продолжали свою работу. Очень потешно они прихорашивались, особенно когда поднимали одну лапку высоко над головой, словно собирались плясать шотландский танец, а другой скребли себе бок. И есть они любили сидя. Усядутся и обглаживают кору с прутиков, вращают их между острыми зубами — ни дать ни взять два пастушка играют на свирелях. Иногда же, если это были очень молодые и нежные стебли, они съедали их целиком: засовывали один конец в рот, другой подталкивали лапками и грызли, грызли, грызли... Шум и треск, который бобрята при этом производили, был похож на шум двух неистово работающих швейных машин. Своей же позой, когда они запихивали в рот прутики, они напоминали двух шпагоглотателей, которым закуска из шпаг пришлась очень по вкусу.

А молоко все же им нужно было еще давать. Саджо удалось выпросить у одной женщины в поселке бутылочку с соской. Но пока сосал один, крепко ухватившись обеими лапками за горлышко бутылки, другой поднимал такой неистовый крик и возню, что в конце концов, случалось, переворачивал жестянку с молоком. Пришлось раздобыть еще одну бутылочку с соской. С тех пор дети кормили бобрят одновременно: Саджо — одного, Шепиэн — другого.

Скоро бобрята научились есть с блюдца. В молоко им стали крошить хлеб, и дело с кормежкой пошло куда проще. Бобрята брали кашичку одной лапкой и быстро запихивали себе в рот, но, боюсь, их манеры за едой не были очень хорошими, потому что они громко чавкали, сопели и часто разговаривали с полным ртом. Зато они отличались одним достоинством, которым не каждый из нас обладает: они никогда не забывали прибрать свои блюдца и заталкивали их куда-ни-будь в угол или под печку. Нельзя сказать, чтобы они делали это очень аккуратно: если кашичка была недоедена, то, передвигая блюдца, они расплескивали и растаптывали остатки пищи, оставляя по всей комнате липкие следы, так что нередко приходилось скоблить и отмывать пол по пути их следования. Саджо всегда собирала посуду бобрят и мыла так же, как мыла посуду «больших людей».

Бобрята знали своих хозяев, и, когда дети звали их: «Ундас, ундас, эмик, эмик!» («Сюда, сюда, бобры, бобры!»), каждый шел к тому, кто его всегда кормил.

Сначала у них не было кличек. Но как-то Саджо вспомнила свой день рождения, печальные лица двух кукол; давно уже бобры вытеснили прежних любимиц из ее сердца. «Да, — подумала девочка, — все равно с куклами покончено», — и решила назвать бобрят их именами. Итак, одного бобренка назвали «Чикени», а другого — «Чилеви», — что в переводе с индейского значит: «Маленькая Крошка» и «Большая Крошка». Того, который был

побольше, назвали «Чилеви», а того, который был поменьше, — «Чикени». Эти имена им очень подходили, потому что они действительно были очень маленькими и очень походили на две пушистые игрушки, которые вдруг ожили и спустились с полки. Очень скоро бобры привыкли к своим кличкам и тотчас вылезали из своего домика под кроватью Шепизна, когда слышали, что их зовут. Однако их имена звучали настолько одинаково, что бобрята обычно приходили вдвоем, даже если звали только одного из них. Да и сами они были похожи, как две горошинки; разница в величине была очень небольшой, и дети часто путали зверьков. Дело осложнялось еще и тем, что бобрята как-то смешно росли: сначала один рос быстрее, потом он вдруг переставал расти и другой его догонял и перегонял. Сначала один бобренок был больше другого, потом другой. И дети делали неожиданное для себя открытие: оказывается, под именем «Большая Крошка» скрывался «Маленькая Крошка» и наоборот. Но стоило это обнаружить, как они снова менялись размерами, а когда на некоторое время становились одинаковыми, их вообще невозможно было отличить.

И такая все время происходила путаница, что Саджо в конце концов надумала дать им одно общее имя: «Крошки». Но случайно все само собой устроилось. Чилеви очень любил дремать под печкой между камнями. Однажды очень сильно запахло паленой шерстью, но никто не мог понять, в чем дело. Посмотрели в печку. Выгребли золу, постучали по трубе, однако ничего не обнаружили. Между тем запах гари становился все сильнее. Наконец кто-то догадался заглянуть под печку. И что же оказалось? Чилеви безмятежно спал, а его пушистая шерстка на спине опалилась и почернела. Получилось нечто вроде клейма, как у скота на фермах, и бобрята все лето было легко отличать друг от друга. Теперь, когда следовало позвать обожженного, говорили «Чилеви», а необожженного — «Чикени». Так они и привыкли к своим кличкам, и все наконец уладилось.

А что за говоруны были эти малыши Чилеви и Чикени! Они все время неугомонно болтали, иногда издавая очень странные звуки. А когда кто-нибудь из детей обращался к ним, что случалось весьма часто, бобрята вместе отвечали потешными взвизгиваниями.

Стоило бобрятам заметить, что в хижине происходит что-то интересное — несут дрова или воду, подметают пол, смеются и говорят громче обыкновенного или же зашел кто-нибудь из чужих, — они выскакивали из своего убежища узнать, в чем дело, и начинали возиться и проказничать. Известно было, что когда бобрята получали угощение со стола, они тащили его к себе в домик и там ели или прятали про запас. Поэтому, когда они, как непослушные дети, мешали разговаривать с гостями и нужно было от них отделаться, им давали кусочек хлеба. Зверьки удалялись, но ненадолго. Скоро они снова приходили за хлебом и снова убегали, а потом опять возвращались к столу.

Очень быстро они поняли, что, когда приходят гости, можно получить хлеб. Не упускали они и других возможностей, и как только хозяева садились за стол, бобрята уже начинали вертеться около них, тянуть за платье, кричать, карабкаться на колени. А получив требуемое, они, трясая головой и пружиня ножками, убегали в свой домик под кроватью.

Бобрята были неразлучны с детьми и все время следовали за ними по пятам. Очень смешно передвигались они на своих коротеньких ножках: когда зверьки бежали, казалось, что катятся на колесиках две игрушки, которые кто-то завел и они не могут остановиться.

Всё, что бобрята находили на полу — мокасины, щепки или другие предметы, — они начинали таскать по комнате из угла в угол. Потом, когда бобрята подросли и стали сильнее, даже дрова начали исчезать из ящика около печки — они волокли их к себе в дом под кроватью и там отдирали острыми зубами волокна древесины, чтобы устлать свои постельки, которые всегда отличались чистотой и аккуратностью. Если бобрята замечали на полу какую-нибудь небольшую вещь — принадлежность одежды, — они поспешно, пока хозяин не успеет спохватиться, тащили ее к себе в дом. Бобрята играли всем, что только находили, но все-таки любимыми их игрушками были щепки и метла. Мне кажется, что им нравился шум, который получался в этой игре.

Больше всего они любили бороться. Став на задние ножки и обхватив короткими ручками шею противника, они упирались головой в чужое плечо и пробовали повалить друг

друга. Это давалось нелегко. Их широкие хвосты и большие перепончатые лапы служили им хорошей опорой, и зверьки напрягали все силы — толкались, храпели, пыхтели, сопели до тех пор, пока кто-нибудь из них, почувствовав, что теряет равновесие, не начинал отступать; второй продолжал наступление, тесня противника что есть мочи. Иногда отступающий, собрав все силы, переходил в наступление, и тогда борцы двигались в противоположную сторону. И так взад, вперед и вкруговую бобрята отступали, наступали, кружились совсем как в вальсе.

Борьба сопровождалась пыхтением, повизгиванием, топали лапки, хлопали хвосты. В конце концов один из хвостов подгибался, и отступающий падал на спину. Тогда борьба прекращалась, и противники дружно улепетывали, как два провинившихся проказника. Состязания всегда проходили весело, и дети не могли насмотреться на зверьков.

Подумать только, сколько у бобрят было дел и как они были заняты целый день! Состязание в борьбе, игра на свирели, глотание шпаг, выпрашивание лакомых кусочков, таскание дров и всякие шумные проказы. Бывали дни, что они успокаивались, только уходя спать. Очень занятная и шумная была эта пара, с ними некогда было скучать.

Но случалось иногда, что бобрята вдруг притихнут. Бывало, усядутся они рядышком, тихие, словно мышки, прижав передние лапки к груди, загнув хвост вперед, и, не издавая ни единого звука, смотрят вокруг и прислушиваются, словно стараясь вникнуть в смысл окружающей жизни. Когда они сидели так, Саджо опускалась перед ними на колени и рассказывала им сказку, размахивая в такт пальцем прямо перед их носиками, словно она управляла хором. А они сидели тихо, слушали и следили за пальцем и вдруг начинали кивать головами вперед и назад, из стороны в сторону, как обычно делают бобры, когда бывают довольны. Они раскачивались всем тельцем и кивали так сильно, что опрокидывались назад и катались по полу, и тогда казалось, будто они поняли смысл сказки и теперь просто надрываются от смеха¹².

Шепиэн в таких случаях держался в стороне, боясь уронить свое мужское достоинство, хотя в глубине души он, наверно, не прочь был бы принять участие в дружеской беседе. То, что он считал себя взрослым, не раз мешало ему позабавиться.

Иногда малышам становилось тоскливо, и они так жалобно скулили в своей маленькой, тесной камерке, что Саджо, которая знала, почему они тоскуют — ведь и она была сиротой, — брала их на руки и напевала им тихую песенку, стараясь убаюкать их. Бобрята прижимались к ней, вцепившись крепко друг дружке в шерсть, словно боясь расстаться, и тыкались носиками в шею девочки. Скоро горе рассеивалось, бобрята переставали скулить; глубоко вздохнув и счастливо бормоча что-то, они забывались в крепком сне. Ведь они были бездомными сиротками, эти смешные шалуны; они полюбили детей охотника так, как любили отца и мать, которых потеряли, но не могли забыть.

Особенно Чикени любил Саджо. Он был слабее Чилеви, спокойнее и нежнее. Чилеви отличался веселым, бесшабашным нравом, он был одним из тех, для кого жизнь — лишь шутка. Чикени же нередко охватывали приступы тоски, и он часто сидел, забившись в угол. В такие минуты его нужно было приласкать, взять на руки. Очень часто он скулил по ночам около кровати Саджо и не успокаивался до тех пор, пока девочка не укладывала его рядом с собой. А Чилеви тем временем громко похрапывал в камерке, развалившись на спине.

Когда Чикени попадал в беду — разобьет ли нос около печки или проиграет состязание в борьбе, — он бежал к Саджо, ища сочувствия. Саджо всегда жалела его, потому что он был более слабым; она опускалась на колени, а Чикени карабкался к ней на руки и устраивался там, успокоенный и счастливый.

А Чилеви приходил, чтобы его приласкали, только когда уставал от проказ. Тогда и он

---

¹² В этом нет ни вымысла, ни преувеличения — во всей книжке поведение бобров описано правдиво. Молодые ручные бобры часто реагируют таким образом на внимание человека, которого они хорошо знают. Дикие бобры выражают свои чувства по отношению друг к другу этим и другими столь же удивительными способами. (Примеч. автора.)

забирался на колени к Саджо; бывало, примостится около Чикени, повздыхает немного, а потом затихнет, видимо довольный своими похождениями. Саджо сидела тихо, боясь пошевелиться, пока бобрята не пожелают слезть.

Теперь уже не трудно было их отличить друг от друга. Чилеви был сильнее, отважнее и предприимчивее, чем его братишка; он потешно шалил и, казалось, не без удовольствия стучался лбом о ножки стола, ронял вещи себе на лапки или летел кувырком в ящик с дровами. Он был любопытен, как попугай, и совал свой нос всюду, куда только мог. Однажды проказник взобрался на край ведра с водой, которое не успели убрать с пола, и, решив, вероятно, что это нырялка, со всего размаха бросился на дно. Ведро с грохотом опрокинулось, вода разлилась по полу! И что же? Чилеви был удивлен не меньше других.

Несмотря на всю свою бесшабашность, он способен был на глубокую привязанность, и, подобно тому, как Чикени ходил по пятам за Саджо, он ходил за Шепиэном — конечно, если только не был занят какой-нибудь новой проделкой.

Длительную разлуку со своим братцем Чилеви переносил с трудом. Всюду, куда бобрята отправлялись, они брели друг за дружкой или странствовали бок о бок. Когда же случалось им разлучиться, они начинали звать и искать друг друга. И когда встречались снова, то усаживались рядышком, прислонившись головками и вцепившись друг дружке в шерсть. Но недолго могли они просидеть тихо. Дело чаще всего заканчивалось борьбой, что происходило во всех радостных случаях.

И Саджо часто думала, как было бы жестоко разлучить их.

Глава VII **Торговец**

Как-то раз Большое Перо сказал детям, что бобрят можно выпустить на волю. Теперь они уже были довольно большие, очень сильные и живые, и дети боялись, что зверьки куда-нибудь забредут и навсегда потеряются. Но отец уверял их, что бобрята никогда не уйдут из дому, если с ними хорошо обращаться, что они обязательно вернуться в свою каморку, как вернулись бы в настоящий бобровый дом. Он сказал, что зверьки очень быстро соскучатся и будут отсутствовать не больше часа или двух.

Итак, настал наконец незабываемый, прекрасный, волнующий день, когда в первый раз преграда, заслонявшая нижнюю часть двери хижины, была снята и бобры направились к выходу.

Только вышли они не сразу. Сначала они заглядывали во все углы, словно прислушивались к каким-то звукам, поводили носиками, как будто чуяли какие-то запахи, которых вовсе не было. Они сделали две или три попытки, прежде чем наконец рискнули направиться прямо к озеру.

Саджо и Шепиэн сопровождали их по бокам, как телохранители.

Бобры переступали ножками вначале очень медленно, осторожно, часто присаживались, словно высматривая, нет ли поблизости волков и медведей. Было очень занятно наблюдать их осторожность. А когда они приблизились к озеру, то вдруг ускорили шаг, побежали мелкой рысцой, потом поскакали галопом и — бух! — шлепнулись в воду, но затем тотчас же выскочили обратно на берег, словно недоумевая, что это за огромная лоханка. Но скоро они опять были в воде и плавали, ныряли, визжали, плескались, усиленно работая хвостами.

«Совсем как настоящие бобры», — подумала Саджо.

Очень скоро они принялись сгрызать молодые побеги тополя; спрятавшись в высокой траве или в тростниках у самого берега, они разгрызали эти прутики на небольшие куски и с удовольствием сдирали с них кожу.

Весело было на озере; бобры боролись, бегали взад и вперед по берегу, догоняли своих хозяев, бросались в воду и выскакивали оттуда.

Чикени и Чилеви совали свои носики в каждую ямку и наконец обнаружили на берегу,

под водой, пустую нору мускусной крысы. Это убежище пришлось им как раз по вкусу, потому что хозяйка была такого же роста, как и они. Бобрята залезли в норку и начали рыть. Земля летела во все стороны, расплывалась в озере темным облаком; сквозь взбаламученную воду ничего нельзя было разглядеть.

Мальши долго не появлялись. Шепизн не мог понять, что это значит. Он побрел в озеро и, пошарив рукой под водой, нащупал норку, но бобрят там не оказалось.

— Саджо, — закричал он, встревоженный, — они пропали!

Дети не на шутку забеспокоились. Они обыскали все тростники и заросли на берегу... когда вдруг услышали позади себя жалобные, испуганные всхлипывания: Чилеви и Чикени бежали за ними вдогонку с быстротой, на которую только способны были их коротенькие ножки. Дело было так: наработавшись вдоволь, они поплыли под взбаламученной водой и, никем не замеченные, вышли на берег в каком-то другом месте.

Теперь малыши устали. И вот они уселись поудобнее, как два пушистых гномика, и начали скрести, вытирать и приглаживать свою шерстку; а когда кончили прихорашиваться, то важно и торжественно пошли рядышком по тропинке прямо к хижине. Получив по ломтику хлеба, они отправились в свою берестяную каморку, взобрались на зеленую подстилку, прижались друг к дружке и крепко заснули. Так кончился для бобрят первый чудесный день на воле.

— Теперь это настоящие бобры, — сказала Саджо.

С тех пор каждый день стоило только открыть дверь хижины, как бобрята бежали к озеру. Часами они возились, откапывая какую-то старую бочку, которую им посчастливилось найти. В бочке не было дна; бобрята оттащили ее в сторону — видно, это место казалось им безопасным. (Можно было подумать, что местность кишит драконами, так подозрительно зверьки оглядывались кругом.) Выбрав место, бобрята установили бочку стоймя в воде на уровне с берегом, так что получилось нечто вроде нырялки. К огромному удовольствию Саджо и Шепизна, они построили над этой бочкой потешную бобровую хатку. Вот и обзавелись бобрята своим домиком и маленькой комнаткой внутри, с подводным входом, тоннелем и нырялкой. Правда, домик был не слишком устойчив и плохо обмазан, но все равно это было отличное убежище.

Потом бобрята набрали всяких прутиков, побегов тополя и ивы и устроили плот - кормушку напротив подводного входа в хатку, как это делают большие бобры; только их кормушка была гораздо меньше. Конечно, все эти прутики гнили в воде и не попадали бобряткам в пищу, да и вообще лето не время, чтобы делать запасы, и шаткая хатка плохо защищала их от дождя. Но бобрята об этом не беспокоились. Ведь в хижине их всегда ждала теплая постелька и вкусный хлеб, и иногда они даже получали по ложке-другой варенья — у каждого было даже маленькое блюдечко для этого угощения.

И если принять все это во внимание, они, эти малыши, были обладателями довольно-таки большого имущества. Им не нужны были ни забавная хатка, ни плот-кормушка — ничего, если бы только они не получали столько радости от того, что сами строили, сами подгрызали и валили маленькие деревья, рыли землю и играли с песком (строить домики из песка, должно быть, гораздо интереснее, чем делать песочные пирожки) и делали все, что так нравится делать бобрам и без чего они не могут жить счастливо.

Саджо и Шепизн с большим интересом следили за тем, что делали зверьки. Часто дети помогали им в работе, и, если удавалось достать какой-нибудь строительный материал — палки, хворост, землю — или же прикатить камень, бобрята сейчас же тащили их к себе на стройку. Иногда маленькие строители вылезали на берег, с ног до головы покрытые грязью, заигрывали с детьми и лезли к ним на колени. И тут начиналась потеха.

Шепизн построил вигвам на берегу, у самой воды, и в нем отдыхали и прятались от зноя не только дети, но и бобры. Особенно частым гостем у ребят был Чикени — он все искал свою Саджо и всегда прибегал туда, когда она его звала.

Зато Чилеви, маленький искатель приключений и ужасный проказник, бывало, только заглянет в вигвам и опять исчезнет. Он все время где-то пропадал. Сам-то он, конечно, знал, что никуда не исчез, — так думали только окружающие, но бобренок в этом не разбирался. Его непрерывно искали и находили в самых неожиданных местах. То вдруг он окажется у Шепиэна в вигваме, когда думали, что там уже никого нет, или же в каморке под кроватью, когда предполагали, что он в вигваме; то он прятался в бобровой хатке, то под пирогой, где его нередко заставляли спать. А только найдут его, он усядется на задние лапки, загнув хвост вперед, и начнет раскачиваться всем телом, вертеться волчком и кивать головой, словно пляшет или радуется, что ловко всех провел.

Если случалось какое-нибудь неожиданное происшествие, то виновником его неизменно бывал не кто иной, как Чилеви, и во всех скандалах голос сорванца-бобренка заглушал все остальные голоса; его можно было слышать из самых неожиданных мест и в любое время.

Нельзя сказать, чтобы Чикени был тихоней, и он не прочь был повозиться, как всякий бобренок. Только иногда он вдруг прервет свою игру, словно что-то промелькнет в его головке — быть может, это было смутное воспоминание о родном пруде, — и тогда, если около него не было Саджо, он, бывало, брел на своих неуклюжих ножках искать ее. Найдет, усядется рядышком и начнет прихорашиваться. Потом ляжет возле девочки, положит свою мордочку к ней на колени и станет лепетать что-то на своем таинственном бобровом языке — должно быть, рассказывать, что за беда с ним случилась; или же лежит с полузакрытыми сонными глазами, издавая какие-то тихие звуки, то ли от удовольствия, то ли от тоски, а может быть, он что-то лепетал о любви — мы этого не знаем.

Очень, очень хорошие друзья были эти двое, и там, где появлялся один, скоро появлялся и другой.

И теперь, вспоминая те далекие счастливые дни в Обисоуэй, все шалости, проказы и работу (не слишком тяжелую), все эти игры, я затрудняюсь вам сказать, кто из этой компании был счастливее — те ли, у кого были две ноги, или же те, у кого их было четыре. Одно могу сказать, что это была веселая, счастливая четверка из Долины Лепечущих Вод.

Ломтики хлеба становились все меньше и меньше. Прошло уже несколько дней, как Большое Перо отправился за запасами, а он все еще не возвращался. Мука почти вся вышла. Дети и бобры стали недоедать.

Но однажды, когда дружная четверка вернулась с прогулки, они застали в хижине Гитчи Мигуона. Он выглядел серьезным и очень озабоченным, хотя большой мешок муки и какие-то свертки с продуктами лежали на полу. Тут же стоял белый человек, незнакомец, держа в руках какой-то ящик.

Большое Перо ласково приветствовал сына и дочь, но не улыбнулся им, как обычно; почему, дети не могли понять. Незнакомец тоже стоял молча.

Что-то было неладно. Даже бобрята словно почуяли беду и сидели притихшие, будто выжидая, — животные часто чувствуют настроение людей.

Шепиэн понял, что отец сказал гостю по-английски, потому что он учился в школе.

— Вот они. Какого вы себе берете?

Что это может значить? Что он хотел этим сказать?

С тоской, внезапно защемившей сердце, Шепиэн взглянул на сестру. Она еще ничего не поняла.

— Дайте мне получше присмотреться к ним, — ответил незнакомец отцу. — Пусть побегают немного.

Это был толстый человек с багровым лицом и холодными голубыми глазами. «Как стекло или лед», — подумал про себя Шепиэн.

В карих глазах Большого Пера засветилась грусть, когда он взглянул на детей. Он попросил незнакомца подождать немного, пока он поговорит с сыном и дочкой.

— Саджо и Шепиэн, моя дочь и мой сын, — сказал Гитчи Мигуон по-индейски, — я должен вам кое-что сказать.

Теперь Саджо уже поняла, что пришла беда. Она придвинулась к Шепиэну и робко взглянула на незнакомца.

— Почему... почему он так уставился на бобрят?

— Дети,— продолжал отец,— вот новый скупщик пушнины из Поселка Пляшущих Кроликов. Того человека, с кем я имел дело раньше и кто был нашим другом, уже нет. Теперь хозяйничает новая торговая компания, и они требуют, чтобы я уплатил долг. Мой долг велик, и я не смогу его уплатить, пока не кончится зимняя охота. Старые хозяева всегда рассчитывались с индейцами весной, но эти ждать не хотят. Вы сами знаете — у нас дома нет никаких запасов. И теперь мы ничего не получим, пока я не уплачу свой долг. Что же делать? Мне придется вместе с другими индейцами нашего племени отправиться далеко, на озеро Мускодейсинг, чтобы грузить товары для белых хозяев. Моя работа оплатит долг, но я не получу денег до своего возвращения. Чем же вы будете жить все это время? Я не могу бросить вас здесь голодными. Этот человек оставит нам провизию, — Большое Перо указал на мешок и другие свертки, — но взамен он хочет... он хочет взять одного из бобрят.

Отец замолчал. Никто не пошевелился, даже бобрята.

— Ручные бобры высоко ценятся, — продолжал Большое Перо. — Зверек останется в живых. Но мне тяжело за вас, мои дети, и... — он посмотрел на Чилеви и Чикени, — и за маленького бобренка, с которым нам придется расстаться.

Шепиэн стоял выпрямившись, безмолвно; его черные глаза в упор смотрели на торговца.

Саджо, не веря своим ушам, прошептала:

— Разве это правда? Нет, этого не может быть!..

Но Шепиэн не проронил ни слова, только обнял сестренку и продолжал сурово смотреть на человека, который пришел, чтобы отнять у них радость. Он подумал о своем ружье — оно было заряжено и стояло совсем близко, в углу. Но можно ли послушаться отца? Шепиэн не двинулся с места.

Торговец съезжился под взглядом этого четырнадцатилетнего мальчика и, схватив одного из бобрят, поспешил посадить его в ящик и задвинул крышку.

— Значит, через два дня мы увидимся в поселке, — сказал он, кивнув головой Гитчи Мигуону, взял ящик под мышку и захлопнул за собой дверь.

Тогда Саджо тихо опустилась на колени возле брата и уткнулась лицом в его рукав.

Торговец выбрал Чикени.

А Чилеви вдруг стало очень страшно. Недоумевая, в чем дело, он спрятался в своем домике.

Глава VIII

Саджо слышит голос матери

Наутро три пироги отчалили от берега озера. В Поселке Пляшущих Кроликов, где находилась американская контора по сбыту пушнины, Большое Перо и семнадцать его односельчан-индейцев должны были нагрузить товарами пироги и плыть дальше на север, к озеру Мускодейсинг, на берегу которого была вторая контора того же американского предприятия.

Индейцы отправились на заработки, чтобы иметь возможность уплатить долги новым хозяевам. Бригаде — так назывался караван пирог — предстоял очень дальний путь: целый месяц, а может быть, и больше пройдет, пока туда доберешься. Саджо, Шепиэн и Чилеви остались одни в Долине Лепечущих Вод.

Когда торговец вдруг захлопнул дверь, унося бобренка, которого Саджо любила больше всех на свете, если не считать отца и брата, девочке показалось, будто и на сердце ее захлопнулась дверь и незнакомец унес его в своем ящике вместе с Чикени.

Все изменилось после этого в жизни детей и бобрят. Не слышно было веселых игр около вигвама, не звенели песни, не раздавался детский смех на озере. Чилеви больше не

шалил, его пронзительный голос, который привыкли слышать всегда и везде, вдруг затих. Бобренок совсем перестал играть, забыл свою потешную пляску и все бродил понурый взад и вперед вдоль озера, целыми днями искал Чикени. Казалось, в его маленькой головке не укладывалось, что братца больше нет.

Каждое утро как будто с новой надеждой Чилеви рысцой выбегал из хижины и начинал свои поиски, заглядывая во все уголки вигвама, шаря в тростниках и траве, где они так часто боролись, грелись рядышком на солнце и прихорашивались. Он плывал взад и вперед вдоль берега, обнюхивая все свои бобровые пристани, нырял через бочку в шаткую бобровую хатку. Его не оставляла уверенность, что он найдет братца.

Так и проводил он в поисках целые дни, пока не устал до изнеможения; тогда он медленно брел на своих коротких ножках вверх по тропинке к хижине. Там он залезал в осиротевшую каморку и лежал тихо-тихо. Чилеви не был больше ни бесшабашным шалуном, ни шумным проказником, он был просто печальным, тоскующим бобренком. Он не был теперь Большой Крошкой, он был просто Крошкой, потому что остался единственной Крошкой — другой у детей не было.

Саджо и Шепизэн ходили за Чилеви по пятам и прикидывались, будто и они тоже ищут Чикени. Конечно, они знали, что поиски бесполезны, но не могли равнодушно смотреть на скитания осиротевшего зверька. Когда он обедал, дети присаживались на корточках и держали его блюдечко с обеих сторон. Иногда одна или две больших слезы скатывались в кашу, когда Саджо вспоминала о Чикени, — бедная Маленькая Крошка, его теперь нет с ними... А он был такой нежный и ласковый, чуть-чуть грустный! Где же он теперь? В большом городе, где негде бегать и играть, где нет домашнего хлеба баннок и нет веселья.

Отсутствие Чикени почему-то казалось невероятным, и все время ждали, что вот-вот увидят малыша сидящим на корточках в вигваме или заметят, как рядом с Чилеви выбегает из берестяной каморки еще одно коротконогое пушистое создание, чтобы получить свою долю хлеба с молоком; все время казалось, что нет-нет да раздастся вдруг его голосок у бобровой пристани. Отпечатки маленьких ног, гораздо меньших, чем у Чилеви, некрасивых, с пальцами, обращенными внутрь, — трогательные маленькие следы — все еще отчетливо вырисовывались на илистом берегу у самой воды. Саджо все ходила и смотрела на них, и, когда никого не было, она опускалась на колени, гладила землю и что-то шептала. Но вода смывала следы — они исчезали. Только в одном еще месте остался след лапки; девочка покрыла его березовой корой и каждый день приходила смотреть. Но земля постепенно подсыхала, превращалась в пыль, и след исчез.

Теперь уже ничего не осталось от Чикени.

Хотя голоса Чилеви не было теперь слышно днем, зато он стал скулить и метаться по ночам. Тщетно пытался он нащупать в темноте другое круглое пушистое тельце, его нигде не было. И Саджо тоже не могла спать. Она вставала со своей кровати, влезала в бобровую каморку, опускалась рядом с Чилеви на подстилку из травы, прижимала зверька к себе и рыдала над ним, пока сама не засыпала.

Шепизэн молча сидел, целыми часами глядя на озеро, на уходившие вдаль холмы. Его сердце болело за сестренку — теперь уже в хижине не звенели больше веселые песни и счастливый смех Саджо. И вдруг комок подкатывался у него к горлу, душил его — он сурово оглядывался, потому что никто не должен был знать, как трудно сдерживать слезы. Как он ненавидел эти мешки и свертки, которые они получили в обмен на Чикени.

Кусок хлеба вставал у него поперек горла. И как не сообразил он отдать торговцу свое ружье! Оно стоило четыре норковых шкурки, и вряд ли маленький, совсем крошечный бобренок стоил больше.

Хотя Чилеви был питомцем Шепизэна, мальчик отдал его в полную собственность сестренке. Саджо брала иногда сиротку с собой на далекие прогулки вверх по ручью, который стремительно бежал с окрестных холмов к маленькому водопаду. Там девочка садилась под старой шумящей сосной и все думала и думала о том, как спасти Чикени. А

Чилеви тем временем плавал, нырял и даже немного играл в маленьком зеркальном пруду поблизости. Саджо казалось, что Чилеви здесь уютнее, чем в безбрежном пустынном озере, раскинувшемся на много миль, — маленький одинокий бобренок, должно быть, чувствовал там себя совсем потерянным.

И пока Чилеви купался, или сдирал кожицу с ивовых прутьев, или же, взобравшись к Саджо на колени, прихорашивался, девочка прислушивалась к шуму водопада. Он то ревел очень громко, то стихал и, казалось, совсем замирал. Иногда Саджо вдруг слышала чьи-то голоса. Всем индейцам чудились эти голоса; и даже бледнолицые, когда они прислушивались к журчанию ручья, тоже слышали тихие поющие голоса. Индейцы утверждали, что это голоса умерших людей, что они пытаются говорить со своими близкими. И вот, когда Саджо сидела здесь, она старалась разобраться, что они говорили. Она была уверена, что когда-нибудь это ей удастся, — язык индейцев так сильно напоминает журчание воды, вздохи ветра, шепот деревьев. Чилеви сидел рядом с девочкой, как будто тоже к чему-то прислушивался, и, наверно, слышал больше звуков, чем Саджо, — ведь слух у бобров гораздо острее, чем у человека.

Саджо очень любила это место у водопада — она уже давно стала ходить туда, когда ей бывало грустно или хотелось помечтать и подумать о чем-нибудь. Она ложилась в тени большой сосны и смотрела на темные узоры ее зелени. Лучи солнца скользили меж веток, создавая причудливую игру света и тени. Саджо казалось, что над ней какая-то неведомая волшебная страна, населенная феями и другими сказочными существами.

Когда она лежала и смотрела на тихо раскачивающуюся вершину сосны, прислушиваясь к пению ручейка, ей почему-то казалось, что мать ее находится совсем недалеко и даже что-то говорит ей. Тогда Саджо чувствовала себя счастливой.

Один раз, когда девочка сидела там, держа на коленях Чилеви, и слушала сонный лепет водопада, ей показалось, что звуки становятся отчетливыми и ясными; она прислонилась к сосне и закрыла глаза, чтобы лучше слышать. Через некоторое время журчание воды стало затихать, потом совсем замерло. Саджо почудилось, что она слышит вблизи чей-то нежный голос. Скоро она начала различать слова — она узнала родную индейскую речь:

Саджо, Саджо,
Ма-жан, ма-жан...
Саджо, Саджо,
Ден-на жа-дан!
(Саджо, Саджо,
Иди, иди...
Саджо, Саджо,
В город пойдиди!

Голос все повторял и повторял эти слова, словно это были строки из песни. То громче, то тише звучали они, то замирали, напоминая бормотание водопада. И вдруг звуки стали такими отчетливыми, что девочка даже узнала голос — голос, которого она не слыхала так давно: то был голос ее матери.

— Мама, Саджо здесь! — воскликнула девочка.— Говори, говори еще.

Саджо протянула руки навстречу звукам и коснулась чего-то теплого, влажного; она открыла глаза и увидела, что ее рука лежит на курносом носике Чилеви. Бобренок сидел у нее на коленях и тянул за шаль. Саджо поняла, что задремала на минутку.

Слова снова затерялись в песне воды, водопад журчал и журчал, как всегда.

Саджо вскочила на ноги, подняла Чилеви и сказала ему:

— Чилеви, Чилеви, мы поедем к Чикени! Мы поедем с тобой в город за Чикени! Так сказала мама. Я знаю!..

С бобренком на руках Саджо побежала домой и по пути все время повторяла:

— Да, это был голос моей мамы, она сказала, чтобы мы поехали в город. Подожди

немножко, пока я скажу все Шепиэну.

Девочка бежала так стремительно, что бобренка совсем укачало. Ему это совсем не понравилось, он начал вырываться из рук и визжать что есть силы, чего уже давно с ним не случалось.

Саджо подумала: «К нему вернулся голос, он теперь такой же громкий, как перед тем, как увезли Чикени, а это означает, что мой сон сбудется». Она очень этому обрадовалась и побежала еще быстрее.

Запыхавшись от бега, девочка остановилась около хижины с бобренком на руках, который совсем охрип от крика. Шепиэн, обеспокоенный их видом, поспешил выйти навстречу и спросил, в чем дело. Саджо рассказала про свой сон и сказала, что надо собираться в город.

Шепиэн не спешил соглашаться с сестрой. Он должен был сначала все обдумать; к тому же он не видел этого сна.

— Это неразумно, сестра, — сказал он. — Город далеко, мы не знаем дороги. У нас нет денег, а без денег не получишь ни ночлега, ни пищи. А как же с Чилеви? Ведь и его придется взять. И что скажет отец?

От этих слов можно было бы впасть в уныние, но Саджо, если уж она что решила, не так легко удавалось отговорить.

— Отец? Он горюет вместе с нами и обрадуется, когда Чикени вернется. Сам знаешь — мы все стали несчастными с того дня...

Конечно, Саджо не могла дать никаких советов, как добраться до города и что делать там. Она только верила, что ее сон сбудется¹³ и произойдет чудо. Шепиэн смотрел на сестренку и не верил глазам — девочка сразу ожила, повеселела, словно гнет упал с ее сердца.

Исполнить ее желание очень трудно — это труднее всех дел, которые ему до сих пор приходилось совершать. Но отказать сестре, даже не сделав попытки, и видеть, как она будет еще больше горевать, он был не в силах. Ведь отец перед отъездом просил его сделать все возможное, чтобы рассеять горе сестры. Выход был только один.

Выпрямившись, с твердой решимостью в голосе Шепиэн ответил:

— Да, мы поедem. Я отвезу тебя в город. Завтра.

Но, несмотря на свой гордый, мужественный вид, Шепиэн совсем не знал, как предпринять этот трудный путь, и даже представить себе не мог, какие ужасные приключения им придется пережить.

Глава IX **Огненный враг**

Поздно вечером того же дня все было готово для путешествия. Дети знали, что им предстоит неделя пути до Поселка Пляшущих Кроликов. Там они собирались сойти на берег. Но что было дальше, за поселком, этого они совсем не знали. Поэтому следовало взять побольше запасов. Саджо напекла много хлеба, насыпала в разные мешочки муку, соль, чай, запаслась вяленой олениной, а спички, чтобы сохранить их сухими, положила в жестяную коробочку с плотно закрывающейся крышкой. Шепиэн свернул палатку, одеяло, наладил удочку, наточил маленький топор, который он носил за поясом, приготовил охотничий нож и уложил в ящик котелок, крынку и другую походную утварь.

Солнце еще не успело взойти, как дети уже позавтракали и все было погружено в челн вместе с ружьем Шепиэна. Как ни дорого оно было мальчику, он решил продать его, если удастся, и на вырученные деньги купить билет до города. Что случится дальше, об этом он

---

¹³ Простодушные индейцы часто принимают решение действовать в зависимости от поразившего их воображение сна. (Примеч. автора.)

боялся даже думать. Чилеви отправился в путешествие в той же самой берестяной корзиночке, в которой он вместе с Чикени прибыл в поселок Обисоуэй. В ящик с кухонными принадлежностями Саджо положила посуду бобрят — два маленьких блюдца; это придавало ей как будто большую уверенность, что вернутся они все вместе, с Чикени и с Чилеви.

— Нам понадобится и то и другое блюдечко, — сказала она, — потому что, — продолжала она совсем тихо, — мы найдем его, так мне кажется. — А потом, кивнув головой и сжав губы, она произнесла решительно: — Я в этом уверена! — И, чтобы ее слова были более убедительны, она добавила: —

Моя мама сказала это. Я слышала ее голос в журчании воды, она мне сказала!

Для маленькой Саджо сны казались реальностью и значили для нее очень много.

Хижина Большого Пера стояла в стороне от поселка. Дети никому не выдали своей тайны, так как боялись, что взрослые не одобряют их намерения. Они почти не сомневались, что старый вождь не пустил бы их в этот рискованный путь.

Итак, в предрассветных сумерках они пробрались к берегу, и, когда каноэ уже отчалило, Саджо подняла весло над головой и закричала:

— Чикени! Чикени!

Она видела, что так делают индейцы, когда отправляются в далекий путь. Правда, по обычаю их племени нужно было бы назвать место, куда они направлялись, но она и сама этого не знала. Да, в конце концов, не все ли равно? Куда бы они ни ехали, важно то, что они ехали за Чикени. Шепиэн не поднял своего весла и ничего не крикнул. Что он мог добавить?

Так началось памятное для детей путешествие, полное опасностей.

Они плыли в том самом челне с птичьим глазом и лисьим хвостом, в котором Большое Перо рассекал когда-то воды Березовой Реки. Птичий глаз зорко глядел вдаль, лисий хвост повиливал из стороны в сторону. Дети гребли быстро, и с каждым взмахом весел казалось, что челн подпрыгивал вперед. Иногда они останавливались, чтобы дать бобренку напиться и поплавать, потому что день был очень знойный.

Под вечер они причалили к берегу, разбили палатку в лесу и провели там ночь. Наутро, еще до зари, снова отправились в путь и плыли до сумерек, останавливаясь только чтобы перекусить и дать бобренку поплавать.

Восходящее солнце каждое утро заставляло детей в пути, каждый вечер они делали привал на берегу в каком-нибудь защищенном месте. Там бобренок плавал всю ночь, а на рассвете всегда возвращался в палатку и засыпал в своей корзиночке, где он спокойно проводил весь день.

Кое-где приходилось перебираться через отмели. Шепиэн ловко взваливал на плечи челн и нес его один, а Саджо помогала переносить поклажу. Иногда приходилось возвращаться за вещами еще раз, так как сразу всё захватить было не под силу. Но дети не считали это тяжелой работой, они даже не задумывались над таким вопросом, так как привыкли к подобным путешествиям.

Так день за днем они продвигались всё дальше и дальше. Две детские спины сгибались и разгибались, и весла погружались в воду и рассекали воздух в строгом и мерном ритме. А знойное солнце вставало, поднималось над ними и заходило багровым диском за темную стену леса. Так день за днем верный челн из березовой коры настойчиво и упорно вез их вперед, в далекое плавание в поисках Чикени.

На серебряной глади безбрежного озера легкий челн казался маленьким скольльзящим пятнышком. Дети были одни в молчаливой глуши. Казалось, они остались одни на всем свете. Но их юные сердца были полны мужества, и надежда не покидала их. Было и еще одно сердечко — оно билось с ними рядом. Владелец его, наевшись вдоволь хлебца, спал, похрапывая в корзиночке; может быть, он и не был счастлив, но, во всяком случае, доволен.

Однажды, проснувшись рано, дети почувствовали слабый запах дыма — пахло горелым мхом, листом и травой. Где-то, по-видимому далеко, был пожар.

Но пожар оказался ближе, чем думал Шепиэн. Как только дети выплыли в озеро и оглянулись вокруг, они увидели огромный столб дыма, который поднимался из-за дальних

холмов. Они продолжали грести, продвинулись еще немного вперед, и тогда им стало ясно, что путь их лежит по тем местам, где неистовствовал пожар.

Озеро становилось все уже, а потом превратилось в узкий канал, через который пламя могло перекинуться мгновенно. Шепиэн решил проскользнуть по этому опасному пути как можно быстрее, чтобы выплыть в большое озеро, которое лежало впереди. Там они будут в безопасности.

Дети налегли на весла, и, пока они продвигались вперед, дым поднимался все выше и стелился все шире. Теперь это уже был не столб, а огромная белая стена, которая тянулась к самому небу, расплывалась в обе стороны до горизонта. Она становилась все плотнее и плотнее, пока не заслонила солнце. Воздух стал тяжелым, удушливым и совсем неподвижным.

Казалось, весь восток объят пожаром. И хотя пламя было еще за холмами, но уже и сюда доносился его глухой, протяжный, несмолкаемый рев. С каждой минутой этот рев становился все громче — он устремился почти прямо к ним.

Дети попали в полосу пожара.

Озеро находилось еще довольно далеко, за отмелями, но нельзя было терять время, ибо пламя лесного пожара не всегда движется медленно — иногда оно несется со скоростью тридцать миль в час.

Дым, остывая, спускался вниз, стелился темной синеватой мглой по всей земле, скрывая дали, заволакивая пеленой ближние предметы. Вскоре ничего не стало видно, кроме ряда деревьев у самого берега; чтобы не сбиться с пути, дети не выпускали деревьев из виду и прислушивались к шуму порогов, бушующих впереди.

Наконец они достигли переката. На протяжении нескольких сот ярдов на каменистом ложе меж обнаженных гребней скал с дикой силой бурлила и пенилась вода. Это была опасная переправа. Но делать было нечего. Огибать пороги берегом, перетаскивать поклажу — на это ушло бы слишком много времени.

Пожар был уже совсем близко, наверно, за крутым поворотом реки, выше порогов. Клокотание пламени заглушало гул потока. Шепиэн понял, что переправа, прежде чем они достигнут озера, будет тяжелой и стремительной, а дальше пойдут на большое расстояние отмели.

Когда челн приплыл вплотную к порогам, дым стал таким густым, что видно было только на расстоянии пятнадцати футов, и Шепиэн смог лишь найти проток к порогам.

Встав по весь рост, чтобы лучше видеть, мальчик направил челн к стремнине. В одно мгновение дети очутились в неистовом, кипящем седом потоке. И хотя Шепиэн почти ничего не мог разглядеть сквозь дым, он ловко вел свое каноэ по изломанному, трудному протоку между скал.

Огромные косматые волны, шипя, набросились на легкую лодку, швыряли ее из стороны в сторону. Темные вздувшиеся водяные громады обхватили ее, как страшные чудовища, захлестывали через борт и грозили утопить. Маленькие кружащиеся водовороты коварно цеплялись за весла, а каноэ, как дикий конь, неистово мчалось между черными страшными скалами, которые, казалось, сдвинулись тесней, чтобы растерзать ее на части.

Рокоту бушующих волн грозно вторил глухой рев пожара. Дым валил через узкую полоску воды густыми клубами, а маленький челн все мчался и мчался вперед, унося своих гребцов от гибели.

Сонный узник берестяной темницы пробудился, встревоженный шумом, и, почуяв что-то страшное, присоединил свой слабый голос к мощному реву стихии. Он раскачивал свою корзинку так неистово, что пришлось урвать мгновение и притиснуть свертком берестяную крышку.

Шепиэн изо всех своих детских сил боролся с мчавшимся потоком. Мальчик ловко поворачивал челн то в одну, то в другую сторону, заставляя его качаться на волнах, скользить по омутам и водоворотам, вставал, чтобы разглядеть путь, и снова направлял челн в седую пучину.

А Саджо усердно налегала на весла, отталкивалась, гребла и табанила, послушная возгласам брата:

— Гиюк-аник!.. (Направо!)

— Машк-аник!.. (Налево!)

— Уи-беч!.. (Быстрый ход!)

— Пи-беч!.. (Тихий ход!)

Брызги пеленой отлетали от лодки, а иногда и заливали ее, так что Саджо, сидевшая впереди, скоро промокла до нитки.

Если бы не дым, застилавший путь, Шепиэн не стал бы тревожиться — он, как и все индейцы племени оджибуэй, молодые и старые, отлично владел челном и знал тайны движения воды. Не раз приходилось ему переправляться по этим порогам с отцом.

Саджо ничего не боялась рядом с братом. Она смеялась, и визжала, как будто это была интересная игра, и выкрикивала что-то, подгоняя каноэ, как делал это отец и другие индейцы во время опасного плавания, — тогда она, Саджо, только наблюдала за ними с берега.

Но Шепиэн хорошо понимал, какая большая опасность грозила им, и не издавал ни звука, кроме команд, которые он, как капитан своего маленького корабля, выкрикивал громким голосом; и, когда можно было оторвать глаза от бурлившей воды, он с тревогой смотрел в сторону огненного врага.

Пожар догонял их с быстротой ветра, спускался вниз по холмам, расстилался багряным морем, взвивался рокочущими змеями по макушкам пылающего леса.

Один раз, когда Шепиэн оглянулся назад, он увидел, что пламя перекинулось через узкий поток позади них. Теперь оставалась одна дорога — вперед.

Клубы дыма, повисшие в воздухе, становились всё темнее и темнее, пока наконец свет не померк; казалось, что сумерки спустились очень рано. Уже почти ничего не было видно. Все кругом стало каким-то диковинным. Дети продолжали свой путь словно во сне.

Изо всех сил гнал свой челн Шепиэн — он хорошо знал, что если они задержатся, то гибель неизбежна: они сгорят или задохнутся. Теперь отмели были уже недалеко, а за ними находилось озеро, до которого они должны добраться во что бы то ни стало. Кончились пороги. Челн проскочил в тихую заводь. Здесь детей окружили какие-то странные движущиеся тени, едва заметные сквозь облака дыма. Это звери лесной глуши со всех сторон мчались вдоль берега, плыли по воде, барахтались на отмелях — в одиночку, парами, стадами. Все они ринулись к озеру, каждый спасал свою жизнь.

Животные, которые редко рисковали ступить в воду, теперь плыли по озеру: белки, кролики и даже дикобраз. Олень перепрыгнул через заросли кустов, мелькнув своим белым хвостом и озираясь вокруг широко раскрытыми, полными ужаса глазами. Медведь мчался быстрым и неуклюжим галопом; два волка бежали легко и стремительно рядом с оленем — их обычной добычей, но на этот раз хищники даже не удостоили его взглядом. Потому что сейчас не было врагов, никто не был ни голоден, ни жесток, никто никого не боялся. И все обитатели леса — те, кто передвигался по земле, кто парил в воздухе и кто плавал в воде, — звери, птицы, пресмыкающиеся, — все спасались бегством от самого безжалостного из всех недругов, смертельного для каждого из них, от страшного врага их дикой родины — лесного пожара.

Недалеко от челна глубоко в воде остановился лось-великан. Его шерсть была опалена на спине, наполовину выросший рог сломан¹⁴, бока ввалились от тяжелого дыхания. Наверно, он уже взглянул в лицо гибели и мчался много миль, преследуемый отчаянным врагом. Могучая сила и быстрые ноги спасли зверя.

---

¹⁴ Лесной пожар случился в июле месяце; в это время года рога у лося только наполовину развиты. (Примеч. автора.)

Шепиэн мог бы тронуть его веслом — огромный зверь просто не замечал детей; но вот лось передохнул немного, поплыл к берегу и побежал вместе с другими зверями, большими и маленькими, рогатыми и безрогими. В этом великом смятении все стали братьями, у всех был один путь к спасению — озеро. И вместе с ними в этой дикой и странной процессии оказались наши маленькие индейцы и их крошечный питомец.

Теперь Саджо охватил жуткий страх. Шепиэн был близок к отчаянию, однако он не подал виду и мужественно успокаивал сестренку. И она гребла. Но лес, который всегда был их родным домом и казался таким приветливым, теперь вдруг превратился в ужасное место. Любой взрослый испытал бы такое же чувство; а эти дети — не забывайте, одному из них было одиннадцать лет, другому четырнадцать — не растерялись и боролись, как настоящие солдаты, за свою жизнь, за жизнь маленького Чилеви. Что касается Чилеви, то он был плохим для них помощником, в чем вряд ли вы сомневаетесь; наоборот, он всячески беспокоил детей и задерживал их. Инстинктивно, как и все звери, он почуял опасность, его обуял страх, и, услышав звуки и запахи от мчавшихся со всех сторон зверей, он стал визжать что есть мочи, биться о крышку своей корзинки, которая теперь, наверно, казалась ему темницей; и если бы дети не догадались, как успокоить его, он скоро вырвался бы на свободу, а в воде его ни за что не найти в такой спешке и смятении.

Наконец они добрались до отмелей. Густой дым стлался, скрывая тропу; а по склону холмов с хриплым ревом уже подползал пожар, красным полыхающим пламенем он прорезал дымную мглу, обдавал жаром.

Дети выбросили челн на берег. Чилеви сейчас был в таком состоянии, что, кроме него, уже ничего не удалось бы нести. Здесь, на берегу, пока было безопасно, но что творилось на том конце отмели, этого никто не знал. Поэтому решили Чилеви пока оставить на месте. Потребовалось лишь одно мгновение, чтобы перевернуть челн вверх дном и спрятать под него корзинку с Чилеви; челн своей тяжестью придавливал крышку корзинки бобренка (как и все бобры, когда они пугаются, Чилеви забыл прибегнуть к помощи зубов). Подхватив поклажу, дети бегом направились к озеру. Со всех сторон валили клубы черного и желтого дыма; они принимали странные формы и словно протягивали руки, чтобы поймать детей. Сквозь кружащиеся облака дыма деревья возле тропы казались высокими, темными, неподвижными призраками; то здесь, то там сквозь мглу светились красные глаза пламени.

Саджо и Шепиэн продолжали свой ритмичный бег мелкой рысцой¹⁵. Но вот потянуло прохладой с озера, и конец волока стал виден. С жадностью глотнув свежего воздуха, дети сложили на берегу свою ношу и побежали за бобренком и за челном.

Но бежать они не смогли. Задыхаясь, сбиваясь с пути, они пробирались ощупью, с закрытыми глазами; едкий дым слепил, жег глаза, сдавливал дыхание. Дети продолжали свой путь, но такого щемящего их сердца страха они еще никогда не испытывали. Когда они добрались до берега, где лежал челн, искры летели со всех сторон, сыпались горячие головни, а зловещее зарево полыхало так, что деревья, дым, вода — все кругом казалось багровым. Теперь уже совсем близко раздавался ужасный, унылый, стремительный звук.

Огненный враг почти догнал детей.

А под челноком бобренок Чилеви в тревоге за свою маленькую жизнь грыз тонкую берестяную стенку корзинки — еще немного, и он закончит свое дело. Если бы она продержалась еще пять минут!..

В один момент Шепиэн сорвал шаль с головы Саджо, намочил в воде, закутал голову и лицо сестры, так что остались видны только глаза и нос. Потом обрызгал ее всю водой и сказал:

— Не жди меня. Я скоро буду. Беги.

Крепко прижав обеими руками корзинку с бобренком, Саджо исчезла в этой ужасной

---

¹⁵ При переноске тяжести индейцы часто бегут мелкой рысцой, так им кажется легче, чем идти. (Примеч. автора.)

раскаленной мгле.

Глава X **Пустая корзинка**

Когда Саджо скрылась из виду, Шепиэн задержался еще на минутку; быстро обрызгал свою одежду водой и укрепил весла внутри челна, продернув их сквозь ременные петли.

Как недоставало ему отца! Все, что было в его детских силах, он сделал ради спасения трех жизней (он относился к маленькому бобренку так, как будто тот был его младшим братцем и его нужно было во что бы то ни стало спасти). Но правильный ли он выбрал путь?

Саджо ушла вперед одна, ему надо спешить!

Вскинув челн себе на спину, Шепиэн просунул голову в ременную лямку и быстро двинулся в путь. Но за эту минутную задержку пламя уже перекинулось совсем близко, почти догнало его. И пока Шепиэн бежал — быстро, как только в силах бежать четырнадцатилетний мальчик с челном на плечах, — он увидел недалеко в стороне полыхавшую сплошную огненную стену. А внутри этой стены деревья валились с грохотом, разрывались с громким треском ружейного выстрела.

Шепиэн бросился вперед, прямо в багровый дым, как в пещеру. Он задышался; от накаленного воздуха кружилась голова; дым слепил глаза. Стиснув зубы, мальчик продолжал свой путь под рев и грохот объятых неистовым пламенем леса. Еще не тронутые вершины деревьев ловили огонь второпях, с ужасающими зловещими взвизгиваниями, неистовыми звуками, и пламя скользило с дерева на дерево, развеваясь багряными стягами, все ближе подползая к тропе.

Под челном еще было немного чистого воздуха, что помогло Шепиэну, но жара становилась нестерпимой. Один раз охваченная пламенем сосна свалилась так близко от тропы, что ее пылающая вершина преградила ему путь целым вихрем огненных языков и горячих искр. Пришлось потерять несколько минут драгоценного времени, пока не улегся огонь под вспыхнувшей хвоей. Потом Шепиэн, не спуская каноэ с плеч, перескочил через горящий ствол. Гибнущая сосна обдала мальчика своим горячим дыханием, он чуть не задохнулся и упал на колени по ту сторону ствола. Но вот он поднялся и поспешил вырвать челн из пламени. Только лисий хвост воспламенился и весь обуглился. Шепиэн продолжал свой путь.

На перевернутый кверху дном челн падали куски пылающей коры, а раскаленная зола дымилась и тлела, и казалось, что челн горит, — по правде сказать, это могло вот-вот случиться.

Но почему же Шепиэн до сих пор не догнал Саджо? Ведь девочка должна была бежать медленнее с такой неудобной ношей, как берестяная корзинка, чем он с челном, хотя и более тяжелым, но зато хорошо сбалансированным устойчивым грузом. У Шепиэна вдруг мелькнула ужасная мысль: быть может, Чилеви прогрыз корзинку и убежал, а Саджо задержалась, чтобы найти его? Неужели она осталась где-то позади? Впереди дым начинал рассеиваться, потянуло свежим ветерком с озера.

Изнемогая от усталости, с затуманенными, слезящимися глазами, еле держась на ногах от головокружения, Шепиэн споткнулся еще раз и упал со всего размаха вместе с каноэ на что-то мягкое, что преградило ему путь. Поперек тропы ничком лежала Саджо! Одной рукой она крепко сжимала корзинку — пустую: Чилеви наконец прогрыз себе выход и убежал.

Не помня себя Шепиэн вылез из-под челна и с трудом поднялся на ноги; взяв сестренку на руки и тяжело переводя дыхание, он кое-как добрал до озера. Колени его дрожали, в ушах звенело.

Он положил девочку на берег, обрызгал ей лицо водой, стал растирать руки и закричал:

— Саджо, Саджо, скажи мне что-нибудь! Скажи!

Девочка открыла глаза и прошептала чуть слышно:

— Чилеви...

Шепиэн промолчал: он не мог сказать сестре, что бобренка нет, что корзинка пуста.

И вот снова дым повалил на них даже здесь, у озера. Весь волок был охвачен пожаром. Намочив быстро шаль и набросив ее на лицо Саджо, Шепиэн бросился к ладье. Поднять ее Шепиэн был уже не в силах; к счастью, она лежала невдалеке, и он поволок ее в воду, кормой вперед, носом к берегу, чтобы удобнее было нагружать.

Быстро побросав поклажу на дно челнока, Шепиэн на руках перенес туда Саджо и уложил ее поближе к носу. Девочка все еще сжимала корзинку и звала слабым голосом:

— Чилеви, Чилеви, Чилеви!.. — Стонала и снова повторяла: — Чилеви!..

Перескочив ловко через поклажу, Шепиэн занял свое место на корме и быстро стал отчаливать от берега. Он чуть было не разрыдался, вспомнив про маленького пушистого друга, которому теперь уже не в силах был помочь. Шепиэн утешал себя только мыслью, что чутье поможет зверьку найти путь к воде и что, быть может, теперь он уже достиг озера и остался жив, хотя и отбил от друзей... Вдруг позади раздался резкий удар по воде и громкий всплеск. И — что бы вы думали! — заблудившийся Чилеви был тут как тут, довольный и счастливый, высказывающий с помощью хвоста свое особое мнение по поводу огненного врага, который чуть было не погубил его. Шепиэн закричал от радости:

— Саджо! Саджо! Чилеви спасен! Чилеви на озере! Смотри!

Не в силах еще подняться, Саджо залилась слезами; лежа на дне каноэ, она рыдала так сильно, что казалось, сердце ее разорвется; она не плакала раньше, когда думала, что маленький друг погиб, но теперь, когда она знала, что он спасен, она позволила себе плакать сколько хочется, и так громко и так долго, как плачут только от радости!

Чилеви плавал поодаль, на глубоком месте озера, и был вне опасности. Челн все еще покачивался на мелкой воде, совсем близко от берега, потому что ему трудно было двигаться кормой вперед.

На опушке леса, наклонившись над водой, стояла огромная дуплистая сосна, объятая пламенем. Шепиэн все еще пытался оттолкнуть челн на достаточное расстояние от берега, чтобы иметь возможность сделать поворот (на все, что произошло, потребовалось гораздо меньше времени, чем рассказать об этом). Но вот кора дерева, иссушенная жаром, с треском отделилась от ствола, огненные языки побежали вверх, к макушке, и прекрасная, раскинувшаяся веером вершина сосны, веками царившая над лесной чащей, вспыхнула массой огней, которые разлетелись высоко в воздухе. Обгоревший ствол не в силах уже был сопротивляться полыхающему огню и сдался — могучее дерево дрогнуло и стало падать вперед, к озеру; пошатнулось немного в сторону, а потом устремилось по своей огненной тропе прямо к челну. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее падала гордая сосна, и страшный огненный веер на ее макушке летел вниз.

Непреодолимый ужас охватил Шепиэна. В отчаянии он круто затормозил челн, погнал его обратно и со всего размаха врезался в берег.

За кормой с оглушительным треском рухнул в воду пылающий ствол. Огонь, встретившись с водой, зашипел, неистово завыл и, умирая, заволок все кругом пеленой дыма и пара. Шепиэну ничего не стало видно.

Набежавшие волны качали и бросали каноэ из стороны в сторону. Маленькая Саджо, не помня себя от страха, вскочила на ноги и что-то кричала, кричала... Шепиэн перескочил через борт лодки и по воде подбежал к ней, обнял сестренку, приласкал, уверяя ее, что ничего больше не случится.

А вдали проказник Чилеви задорно шлепал хвостом по воде; может быть, он хотел показать, как падает дерево, — в таком случае, скажу вам, что это было довольно неумелое подражание.

Через несколько минут челн уже покидал берег, на этот раз без всяких приключений. Бобренок, радуясь, что его нашли, покорно позволил поднять себя за хвост. Очутившись в каноэ, зверек стал ползать по вещам, обнюхивать детей, бегать кругом и, казалось, был очень доволен и взбудоражен. Он вовремя успел выскочить из корзинки и не опалил ни одного волоска. По-видимому, это произошло благодаря тому, что на своих коротеньких ножках он

находился очень близко к земле и огонь скользил над ним; а вот теперь он радовался встрече с детьми на озере — это была минута, счастливая для них всех.

Саджо почувствовала себя лучше; она могла теперь сидеть, но грести Шепиэн ей не позволил. Девочка сидела лицом к брату и рассказывала ему о своих приключениях. Рассказывала о том, как, задыхаясь от горячего, удушливого дыма и не в состоянии ничего видеть, она искала Чилеви, когда он выскочил из корзинки; как у нее закружилась голова и она упала. Где это было, она не знала и встать уже не смогла. Дальше девочка ничего не помнила — она очнулась, только когда Шепиэн обрызгивал водой ее лицо. Она не помнила, что звала

Чилеви, но знала, что он убежал, и видела, словно во сне, как он исчез в облаках дыма.

Когда Саджо кончила свой рассказ, она вдруг залилась громким смехом, глядя в упор на брата. И чем больше она смотрела, тем громче смеялась. Шепиэн даже немного испугался: не помутился ли у сестры рассудок после всех пережитых волнений и страхов?

Но скоро все выяснилось.

— Шепиэн! — воскликнула девочка. — Твое лицо!.. Если бы ты только посмотрел на себя! Да ведь ты остался без бровей!

И вдруг Саджо притихла. Ощупывая свои брови, она с волнением спросила:

— А как мои? Все ли в порядке?

Девочка наклонилась через борт каноэ и стала смотреть в воду на отражение своего лица. Но челн двигался, по воде бежали круги, поэтому она, естественно, ничего не видела.

— Ах, останови же челн, я ничего не вижу! Скажи, как мои брови?

Саджо так волновалась, что теперь Шепиэн не мог удержаться от смеха. «У девочек всегда так, — подумал он про себя, — беспокоятся о пустяках. До бровей ли тут! Хорошо, что в живых остались».

Это было справедливое замечание — ведь жизнь детей висела на волоске: неосторожный шаг — и у этой повести не было бы счастливого конца.

Наши путешественники благополучно продвигались вперед, хотя челн, пострадавший довольно сильно, в нескольких местах дал течь. А поаади пламя перекинулось на отмели и ринулось дальше. Словно победоносная армия, оно оставляло на своей тропе только одну почерневшую, дымящуюся пустыню. Да, наши маленькие друзья были спасены, и, если бы не головная боль да резь в глазах, они были бы в очень хорошем настроении. Шепиэн чувствовал удовлетворение от того, что победил пожар. Маленькая Саджо утверждала, что нет ничего страшнее на свете, чем лесной пожар, и раз они благополучно прошли прямо через него (так ей казалось), то теперь, конечно, обязательно разыщут Чикени. Что же касается Чилеви, то он уже совсем забыл об этой неприятной истории и, ни о чем больше не размышляя, растянулся на дне челна, приткнулся головой к ногам Саджо и немедленно заснул.

В тот день дети рано разбили свой лагерь в хорошем безопасном месте — на острове посреди озера. Забот у них было очень много — нужно было все привести в порядок после схватки с пожаром.

Шепиэн ничего не мог сделать со своими бровями — оставалось ждать, когда они сами вырастут, — и занялся осмотром каноэ. От игривого прекрасного лисьего хвоста остался только почерневший, скрючившийся кусочек кожи. Краска на всей поверхности челна потрескалась, вздулась пузырями, местами совсем сошла; почти исчез настороженный глаз птицы. От сильного толчка, когда челн врезался в берег, оторвался большой кусок бересты на носу; растопилась сосновая смола, которой залиты были щели; во многих местах остались глубокие черные следы от упавших горячих углей, которые тлели там никем не замеченные. Палатка и одеяла были насквозь прожжены залетевшими искрами.

В общем же, надо сказать, что дети вышли из этой беды довольно благополучно, могло быть гораздо хуже.

Оказалось, что крышка с корзинки Чилеви потеряна, а сбоку зияет большая дыра — это была доля участия бобренка в общей битве. Но вокруг росло много берез, и Шепиэн стал

срезать с них кору, чтобы привести всё в должный порядок. Прежде всего он наложил заплату на дыру в корзинке, потом смастерил новую крышку, которая закрывалась почти так же плотно, как и старая, и, наконец, сделал несколько заплат на каное и залил их свежей смолой. Что же касается пострадавшего птичьего глаза на носу челна и лисьего хвоста на корме, то их восстановление пришлось отложить на некоторое время. А маленькая Саджо с иглой в руках уже усердно латала палатку и одеяла в прожженных местах, — надо сказать, что индейские девочки и женщины никогда не отправляются в путешествие, не захватив с собой иголку с ниткой.

Когда начало темнеть, все уже было готово, чтобы назавтра продолжать путь.

В тот вечер, усевшись рядышком, дети смотрели вдаль на Большую землю и думали, как близки они были от гибели и как легко могло случиться, что не пришлось бы им снова увидеться с отцом, по которому они так тосковали. Даже теперь доносился до них глухой рев пожара и видно было зловещее зарево, охватившее небесный свод на много миль. Небо зарделось от красивого, но ужасного света — самой страшной стихии диких мест, перед которой все беспомощны, которая может явиться так легко и шутя уничтожить огромные леса, тысячи животных и целые города, населенные людьми. Все эти ужасные несчастья могут произойти от спички, небрежно брошенной легкомысленным человеком.

Позже, когда Шепиэн лежал на подстилке из зеленых веток и смотрел на холщовую стенку палатки, он видел по отражению, как зарево понемногу блекло — огонь угасал среди болот и скал, куда он в конце концов перекинулся. Мальчик подумал, что еще одно такое испытание — и он станет совсем взрослым.

Глубоко вздохнув, Шепиэн посмотрел, как сладко спит сестренка, обняв Чилеви. Он закрыл глаза и скоро сам перенесся в волшебный мир снов.

Глава XI **В Поселке пляшущих кроликов**

Через два дня Саджо и Шепиэн вышли на берег недалеко от поселка, который индейцы называли «Вапусканимич», что в переводе на русский язык означает «Поселок Пляшущих Кроликов». Это название возникло оттого, что в окрестностях водилось очень много кроликов и, когда зверьки играли и прыгали при свете месяца, казалось, будто они пляшут.

Дети разбили свой маленький лагерь недалеко от торговой конторы по сбыту пушнины, на берегу маленькой бухточки, где Чилеви мог спокойно плавать. В том месте, где индейцы обычно разбивали лагерь и которое теперь пустовало, останавливаться было опасно: там рыскали огромными сворами голодные злые собаки, которые искали себе любую пищу, чтобы как-нибудь перебиться летом; они загрызали до смерти любое маленькое живое существо и пожирали все, что попадалось, кроме железных и деревянных вещей; даже маленьких детей прятали от них. После того как палатка была разбита, хворост для костра собран и все было разложено по местам, Шепиэн отправился в поселок.

Там он отыскал белого торговца — того самого скупщика, который был у них дома в тот роковой день в начале лета. Он только недавно приехал в эти края и почти не говорил по-индейски, а Шепиэн с трудом объяснялся по-английски. Они прошли в маленькую контору, которая примыкала к лавке, и наедине кое-как объяснились.

Выпрямившись словно стрела, стоял Шепиэн, рассказывая торговцу как умел обо всем, что случилось: как вся жизнь у них разладилась после продажи Чикени, как тосковала Саджо, как скучал Чилеви и какие они все были несчастные.

Торговец сидел за письменным столом и внимательно слушал рассказ мальчика, а Шепиэну казалось, что перед ним сидит судья.

— Значит, Чила... как его? — спросил торговец.

— Чилеви, — подсказал Шепиэн.

— Да, да,— продолжал торговец.— Значит, Чикели скучает? Так, что ли? И сестра тоже? И ты хочешь получить Чик... как его там... Чинави обратно? А?

— Да, — терпеливо ответил Шепиэн,— хотим Чикени домой.

Торговец громко кашлянул и немного засопел.

«Что за глупость! — подумал он.— Столько канители из-за какого-то скучающего зверька!»

Шепиэн продолжал спокойным, ровным голосом, старательно подбирая слова на чужом ему языке, который он так плохо знал:

— Моя хочет работай. Будет дрова делай (он хотел сказать —рубить дрова) для твоя зима. И лето будет работай. И ружье — на, возьми. Моя даст дрова, ружье, все даст за Чикени. Такие слова моя говорит.

Но эти слова заставили его голос дрожать: ружье было очень дорого мальчику.

— Мне не нужно твое ружье! — резко ответил торговец. — Наша контора продала его тебе. Обратно мы ничего не берем. Мы не ломбард.

И он сурово посмотрел на мальчика холодными голубыми глазами.

Что такое ломбард, бедный Шепиэн так и не понял. Он почувствовал, что у него задрожали губы, и опустил голову, словно рассматривая мокасины. Ему не хотелось выдать свое волнение. Потом он снова гордо откинул голову и сказал тихим голосом:

— Тогда зима работай тоже. Один год работай тебе, один год работай Чикени.

«Что за чепуха? — подумал торговец.— Не спятил ли малый?»

Этот человек не мог понять, что волновало мальчика-ин-дейца.

А потом он вдруг спросил:

— Пожар видел?

— Как не видел! — ответил Шепиэн.— Моя, Саджо, Чилеви ехали там. Много горело. Чуть нам конец не случилось.

Белый человек уставился на мальчика в изумлении. «Через пожар пробрались? Чепуха!» — чуть было не сказал он, но потом только откашлялся — даже ему стало ясно, что тут не до шуток. И он объяснил Шепиэну, что бобренок в городе, что его приобрел хозяин зоологического сада, что Чикени живет в клетке за железной решеткой (Чикени — дикий зверь!), что живые бобры высоко ценятся. Все это он говорил на грубом жаргоне, на котором обычно объясняются торговцы с индейцами; к этому надо добавить, что у него было красное, злое лицо и неприятные голубые глаза, — но все-таки он не был таким людоедом, каким хотел казаться. Под конец он добавил более мягким голосом, насколько это было для него возможно, что Чикени (на этот раз он назвал его «Чикару») продан месяц назад и что за него фирма выручила пятьдесят долларов.

Пятьдесят долларов! У мальчика опустились руки: он никогда не видел столько денег. Скупщики почти никогда не давали денег за мех, а обычно выменивали шкурки на товары или продукты.

Пятьдесят долларов! Но работа его не нужна и ружье, которым он так дорожил, тоже. А больше ему нечего было предложить. Однако Шепиэн не привык падать духом. Он вернулся в лагерь и спокойно сказал Саджо, что уже узнал, где находится Чикени. Саджо очень обрадовалась этой хорошей новости. Свою обиду на бессердечного торговца и все свои горькие сомнения относительно денег Шепиэн скрыл от сестры. И Саджо подумала, что все уже в порядке, придется только подождать, пока Шепиэн попилит немного дров и заработает деньги на билеты до города и на обратный путь (вряд ли это дорого стоит — ведь люди все время то приезжают, то уезжают!) и еще немного денег, чтобы выкупить Чикени. По-своему Саджо была права, именно это нужно было сделать. Но она не знала, как все было безнадежно трудно.

А Шепиэн мучился один и ломал себе голову, как заработать пятьдесят долларов. О стоимости билетов он даже боялся спросить. Иногда его тревожил вопрос: что скажет отец, когда узнает обо всем? Но ведь не было другого выхода, чтобы рассеять горе сестренки. И если не все получилось, как, быть может, отец от него ждал, то все равно он простит ему.

Всю ночь ворочался с боку на бок Шепиэн и все думал и думал, как быть дальше. Если бы только добраться до города! Он слышал, что среди белых людей встречаются иногда и добрые люди, особенно в городах, и они совсем не похожи на торговцев. Он пошел бы к новым хозяевам Чикени и рассказал обо всем, что случилось, и о том, сколько горя принесла разлука с бобренком. Возможно, они отдали бы Чикени, и Саджо могла бы с ним вернуться домой, а он бы остался, чтобы отработать плату за свободу маленького узника. Иначе, считал Шепиэн, понадобится не менее ста долларов — большей суммы бедный мальчик даже не мог себе представить. Он только слышал об одном счастливом индейце, которому удалось заработать сто долларов настоящих денег, работая проводником у американских туристов. Гитчи Мокоман — Большие Ножи, как индейцы называли американцев, — часто щедро расплачивались с проводниками и на прощание иногда оставляли им свои палатки, ружья и другие походные принадлежности.

И вот, когда Шепиэн размышлял над этим, его осенила новая мысль.

Через каждые два или три дня к пристани Поселка Пляшущих Кроликов причаливал неуклюжий двухпалубный пароход с огромными колесами по бокам. Это неуклюжее судно отвозило людей к железной дороге. Но попасть на борт парохода ни за что не удастся без денег. «Все время нужны деньги», — с досадой подумал мальчик и стал прикидывать, сколько капитан мог бы запросить за проезд. Конечно, больше, чем он, Шепиэн, мог заплатить, потому что у него вообще не было денег. Быть может, кому-либо понадобится проводник — Шепиэн смог бы, наверно, выполнить эту работу. С этими мыслями, наспех позавтракав, Шепиэн поспешил в поселок. Но, кроме скупщика, все утро там никого не было. Однако незадолго до полудня на реке запыхтел неуклюжий челн-великан и, властно рассекая полукругом воду, привалил к пристани. Он вертел колесами, вздымая фонтаны брызг, гудел, звонил — словом, поднял невероятный шум. Впрочем, этого и следовало ожидать от единственного парохода во всей округе.

И что же? Кучка туристов вышла на берег со свернутыми палатками и другими вещами. Вещей у каждого из них было так много, что Шепиэн считал, их хватило бы на сорок человек.

Туристы с любопытством стали рассматривать маленького индейца. Они смотрели на его ноги, обутые в мокасины из оленьей кожи, на черные волосы, заплетенные в две длинные косы; они стали шептаться между собой, чему-то удивлялись — некоторые из них никогда не видели настоящего индейца; потом направили на него какие-то черные ящики и шелкнули.

Шепиэну вдруг стало как-то стыдно и неловко перед этими людьми, которые так странно одевались, так шумно разговаривали и лица которых были или слишком бледными, или слишком красными. Он почувствовал себя совсем маленьким и очень одиноким. Ему сразу стало ясно, что никогда в жизни он не наберется храбрости стать проводником хотя бы у одного из них. Мальчик повернулся и почти бегом пустился в обратный путь.

— Подожди, сын мой, подожди! — вдруг кто-то крикнул ему вслед по-индейски. — Я хочу поговорить с тобой.

Среди приехавших Шепиэн не заметил индейцев. Он с удивлением обернулся и увидел человека, который говорил на языке оджибуэй почти так же хорошо, как он сам. Но то был не индеец, а бледнолицый: высокий стройный юноша с шапкой белокурых волос и голубыми глазами — не с холодными голубыми глазами, как у скупщика, а с улыбающимися, добрыми глазами. Его белая рубашка была расстегнута у ворота, рукава засучены выше локтя, обнаженные руки и шея так загорели на солнце, что были почти такими же смуглыми, как и кожа индейцев. На ногах у него были мокасины. Несмотря на свое волнение, Шепиэн заметил, что незнакомец ступал как-то несмело — видно, эта обувь была для него непривычной.

Незнакомец подошел к мальчику и положил руку ему на плечо. И почему-то Шепиэн перестал стесняться, забыл про шумных туристов, которые всё еще рассматривали его, и видел перед собой только улыбающееся загорелое лицо белокурого юноши (Шепиэн про

себя назвал его «Золотые Кудри»), слушал, что тот говорил ему по-индейски, так хорошо владея всеми мягкими переливами родной мальчику певучей речи.

— Не бойся, — говорил юноша, — это американцы — Гитчи Мокоман, они не обидят тебя. Они только хотели тебя сфотографировать, чтобы иметь твою карточку на память. Им нравятся индейцы.

Тем не менее незнакомец сам отвел Шепиэна в сторону и сказал ему:

— Пойдем в твой лагерь и поговорим. Я хочу, чтобы ты мне рассказал про ваши приключения во время пожара. Мне уже давно хотелось повидаться с детьми Гитчи Мигуона. Твоего отца я хорошо знаю.

Несмотря на то что они только что познакомились, Шепиэн почувствовал в этом юноше друга, которому можно довериться, и на сердце у него стало тепло. Мальчик повел его в лагерь через лес; он не решился сесть с ним в свой челн, боясь, что белый человек перевернет его, — Шепиэн не раз слышал об этом от индейцев. Только потом он узнал, что этот смуглый юноша прекрасно управляет челном.

Саджо готовила обед у костра. Увидев брата с каким-то незнакомцем, она спряталась в палатку, потому что, кроме торговца, которого Саджо ненавидела всем сердцем, она никогда еще не встречалась так близко с белым человеком, и Шепиэн подумал, что будет нелегко заставить сестренку выйти оттуда. Но когда Саджо услышала индейскую речь и веселый смех, она выглянула и встретилась с такими добрыми и веселыми глазами, каких она еще ни у кого не видела, если не считать отца. И тогда, набравшись храбрости, она вышла и стала снова хлопотать у костра.

Сначала Саджо ни на кого не глядела и, казалось, вся погрузилась в свои хлопоты, но потом надвинула шаль на лицо и украдкой взглянула на незнакомца. Не раз ловил бледнолицый гость робкий взгляд Саджо, и каждый раз, когда это случалось, девочка краснела и опускала голову, прячась под шалью. В конце концов обед был все-таки готов. Тогда все сели на землю, скрестив ноги по индейскому обычаю, и начали обедать. Шепиэн почувствовал еще больше уважения к юноше за то, что он даже сидеть умел по-индейски, — ему, Шепиэну, еще не приходилось встречать бледнолицых, овладевших этим искусством, кроме, пожалуй, трапперов.

Белокурый гость похвалил обед и сказал, что уже давно не наслаждался такой вкусной едой. Весь обед состоял из хлеба баннок с салом вместо масла, тонких кусочков вяленой оленины и на третье чая без сахара. Однако можно было подумать, что гость присутствует на пиру, так он держал себя.

После обеда юноша закурил. Саджо показалось, что он курит очень странно, потому что индейцы, в том числе и пожилые женщины, курят трубки, и девочке никогда еще не приходилось видеть сигарету. Вообще же она подумала, что у этого юноши, который так хорошо говорит по-индейски, много странностей в манерах, но это не мешало ему быть приятным, — об этом они немного пошептались с братом.

Гость курил и рассказывал о себе. Он сказал, что он миссионер, и тут же поспешил добавить, что он не такой миссионер, который во все вмешивается и хочет изменить все обычаи индейцев, — нет, некоторые их простосердечные верования и убеждения он считает прекрасными; он не собирается им ничего навязывать и хочет лишь стать их братом. Он изучил язык индейцев по книгам и, переезжая с места на место, жил и работал среди разных племен, говорящих на родственных языках. Так, он побывал у индейцев племени бушкри, сато, у алгонквинов и оджибуэев — учил детей, лечил больных, стараясь принести облегчение и радость, когда только было возможно. Он рассказал, что в городах есть добрые люди, которые дают ему деньги на расходы, так что он имеет возможность посвящать индейцам все свое время и ничего не просить у них взамен.

Саджо и Шепиэн ловили каждое слово гостя и просто не верили своим ушам. Они всегда думали, что индейцы забытый народ, что, с тех пор как у них отняли землю, никого

больше не интересуется, как они живут. Дети поверили, что незнакомец действительно друг, хотя кожа его там, где не тронуло ее солнце, была совсем белая, а глаза не черные, как у индейцев, а голубые, как небо в яркий полдень.

Чилеви в это время был в палатке; он высушил свою шерстку после купания и уже причесался, как вдруг услышал голоса; он сразу догадался, что кто-то пришел в гости, и прибежал посмотреть, в чем дело. Увидев незнакомца, он направился к нему знакомиться прямо через скатерть, разостланную на земле; пробрался между посудой, уселся перед гостем на задние лапки и стал внимательно его рассматривать. Бобренок, вероятно, решил про себя, что у такого большого друга можно получить изрядный кусочек хлеба. Как бы там ни было, но гость, видно, приглянулся маленькому бобру, потому что тот начал кивать головой взад и вперед, из стороны в сторону и покачиваться всем телом, как делал это раньше, танцуя, а потом опрокинулся на спину прямо на тарелки и давай кататься и валяться с боку на бок. Загремела, зазвенела посуда, что-то пролилось, чашки и тарелки полетели во все стороны, и Саджо поспешила сунуть бобренку большой ломоть хлеба, надеясь, что он удалится в палатку и там пообедает.

Но на этот раз зверька не удалось подкупить — наверно, ему не хотелось оставлять приятное общество, — и он уселся тут же, взял в лапки хлеб и начал уплетать его, поглядывая одним черным глазом на незнакомца.

Чилеви исполнил свой смешной танец в первый раз, с тех пор как увезли Чикени. И Саджо истолковала это как очень хорошую примету и еще крепче поверила, что все кончится как нельзя лучше. Золотые Кудри, которому еще никогда не приходилось видеть такое потешное зрелище, хохотал от души. Зазвенел и детский смех Саджо, и даже Шепиэн, на минуту забыв свои заботы, заразился общим весельем.

Золотые Кудри спросил у детей, как им удалось так хорошо приручить бобренка, в то время как бобры считаются самыми пугливыми зверьками. Юноша уже довольно много знал о бобренке от торговца, но все-таки задал еще много вопросов. И хотя сначала детям не хотелось отвечать, все же в конце концов они рассказали своему новому другу всю историю (он очень хорошо умел задавать вопросы, этот юноша) о том, как Большое Перо спас бобрят от гибели, как потом подарил их Саджо в день рождения, как вышло, что их назвали Большая Крошка и Маленькая Крошка. Дети рассказали ему и о печальной разлуке, о том, как все тосковали, а потом отправились на поиски и чуть не погибли в пути во время страшного лесного пожара. В заключение Шепиэн добавил, что должен найти работу, потому что нужны деньги на билет, иначе не доберешься до города. И еще нужны деньги, чтобы выкупить Чикени.

Золотые Кудри слушал рассказ детей улыбаясь, но под конец улыбка сошла с его лица. Он знал, как трудно найти работу для Шепиэна, но мальчику ничего об этом не сказал. Он протянул руку, чтобы погладить мягкую, шелковистую шерстку бобренка, и сказал по-английски, словно разговаривая сам с собой:

— Значит, это Большая Крошка, а Маленькая Крошка далеко в городе. И эти дети... Этого нельзя допустить!

Он украдкой взглянул на Саджо, потому что заметил, что она снова накинута на голову соскользнувшую на плечи шаль, и увидел, как две большие слезы медленно скатились по щекам девочки, сколько она ни старалась удержать их.

Гость встал, собираясь уходить.

— Я ваш друг и друг вашего отца, — сказал он. — Завтра я вернусь сюда, и мы снова вместе пообедаем. Быть может, мне удастся рассеять тучу, которая нависла над вами. Я в этом не уверен, но обещаю сделать все возможное. Моя работа и состоит в том, чтобы сгонять туман с лица солнца — оно должно светить всем нам.

С этими словами он ушел, помахав детям рукой на прощание.

Глава XII

Большие ножи

Сразу после своего возвращения в поселок Золотые Кудри зашел в контору торговца, и они долго беседовали. Когда юноша вышел оттуда, в руках он держал большой лист бумаги, на котором было написано: «Внимание». Этот лист он прибил гвоздиками на дверях конторы. Туристы всё еще прогуливались по поселку и, увидев, как молодой человек вешал объявление, решили узнать, что там было написано. Они прочли о том, что всех просят прийти на очень важное собрание, которое состоится в четыре часа дня в индейской школе на холме позади конторы. Вполне понятно, что в этом небольшом поселке новость быстро облетела всех; и так как ничего более интересного не предвиделось, а озабоченный на вид юноша заинтриговал людей своим объявлением, то на собрание пришли все, кто только мог.

Комната была маленькая, и некоторым пришлось стоять снаружи и слушать под окном или у дверей. Белокурый молодой человек стоял на учительской кафедре, и, когда все успокоились, он начал говорить.

Сначала было слышно перешептывание, кашель и шарканье ног, но все это скоро замерло, и люди слушали — слушали затаив дыхание. Юноша поведал людям историю, совсем не похожую на ту, которую они рассчитывали услышать, историю, какой им никогда еще не приходилось слышать. И надо сказать, что молодой человек покорила своих слушателей.

В комнате водворилась тишина, не было слышно никаких других звуков, кроме его голоса. Он рассказывал людям про Саджо и Шепизэна и их двух бобрят, про Маленькую Крошку и Большую Крошку.

Под конец он сказал:

— ...потому что на нас всё еще лежит забота о братьях. Мы должны помнить, что эти дети не остановились перед страшной опасностью в дремучем лесу, они проявили такую отвагу, на которую вряд ли был бы способен кто-нибудь из нас, и пусть цвет их кожи немного, отличается от нашего, пусть они говорят не на нашем языке, а их обычаи не наши обычаи, все равно мы — вы и я, — мы должны позаботиться о них. Ведь это не просто два маленьких индейца — это очень несчастные дети. И кто знает, быть может, их суждения совершенно верны: возможно, эти маленькие зверьки, их друзья, обладают чувствами, которые очень похожи на наши. Позвольте мне сказать в заключение, что когда вы будете выходить из дверей, то справа увидите большую жестяную кружку фирмы Хадсон-Бэй. Как насчет этого, друзья?

Когда юноша кончил свою речь, по комнате прокатился тихий гул голосов. Все, казалось, сразу захотели говорить. Дамы восклицали:

— О!!! Это просто невероятно!

— Подумать только: совершенно одни — в такую даль!

— Бедняжки! Через такой ужасный пожар!..

А мужчины встали, засунули руки в карманы и громко заговорили друг с другом.

— Я ни за что не упустил бы такой возможности, — сказал один.

— Где они? — спросил другой. — Нам надо что-нибудь сделать для них.

— Где же находится кружка? — сказал третий.

Как только люди начали выходить через дверь, где стояла кружка, послышался веселый звон монет, похрустывание новых долларовых бумажек и шуршание старых. И там были не только однодолларовые ассигнации — о нет, позвольте мне сказать: там были ассигнации стоимостью и в два доллара, и в пять, а иногда даже попадались и десятидолларовые. Были пожертвования и из детских кошельков — дети тоже делились своими небольшими сбережениями.

После всех вышел скупщик пушнины. Когда он подошел к дверям, он оглянулся вокруг, чтобы убедиться, что никто не смотрит на него, моргнув одним глазом (тем, который был дальше от кружки) и, быстро протянув вперед руку, словно боялся, что кто-нибудь заметит, опустил в кружку туго свернутую пачку бумажных денег, бормоча про себя:

— Вот, Чикави, или Чилаки, или Чикали, или как там тебя звать, — тебе на счастье!

Но загорелый юноша, который все еще оставался на кафедре, не только умел хорошо задавать вопросы и отвечать, не только был прекрасным оратором, но и обладал замечательным зрением. Он все видел.

В тот же день, немного позже, Золотые Кудри отправился в лагерь к маленьким друзьям. И когда Шепиэн увидел столько денег, он с трудом мог поверить, что это всё для них. Он даже немного испугался и спросил:

— Что же мне делать? Какую работу я должен выполнить для них?

— Ничего не надо, — ответил Золотые Кудри успокаивающим голосом. — Вам нельзя терять время. Завтра же отправляйтесь в путь. Надо спешить, иначе ваш маленький друг может погибнуть: животные тоскуют в неволе и часто умирают. Эти люди, Большие Ножи, просили меня сказать, что они дарят вам эти деньги. Их предки были очень жестоки по отношению к индейцам, и они теперь сознают вину своего народа и сожалеют о несправедливых поступках. Они хотят помочь вам. Только об одном они просят вас: если вы когда-нибудь встретите человека в беде, помогите ему, если сможете.

— Я сделаю это, — ответил Шепиэн серьезно. — Скажите им, что я это сделаю, и поблагодарите их от меня. — И слезы затуманили его глаза.

Саджо внимательно следила, как пачку денег бережно положили в конверт, и глаза ее стали большими и совсем круглыми от радости, волнения и еще от многих других чувств, о которых она никогда не смогла бы рассказать вам. Она совсем ничего не понимала в деньгах, но ей казалось, что теперь между ними и Чикени больше нет никаких преград. Она была очень рада, но вовсе не удивилась и заявила, что она так и знала: все будет хорошо, и бледнолицые совсем не такие плохие, как о них говорят, и сон ее сбывается!

Золотые Кудри положил также в конверт письмо к дежурному по станции, в котором он просил продать два железнодорожных билета до города и обратно. И хотя Шепиэну казалось, что он получил деньги со всего света, в действительности их осталось очень мало, после того как были оплачены билеты на поезд, ибо хотя туристы и оказались великодушными, их было не так уж много. Миссионер посоветовал Шепиэну отработать у владельца зоологического сада те деньги, которые он потребует за свободу Чикени. Юноша дал Шепиэну письмо и к своему другу с просьбой приютить детей и велел по приезду в город подойти к полисмену и показать ему адрес, написанный на конверте.

Золотые Кудри рассказал, как выглядит полисмен, объяснил, во что он одет, и, наконец, заставил Шепиэна упражняться в произношении слова «полисмен», что, правда, маленькому индейцу не совсем хорошо удавалось, но все-таки разобрать было можно. Чикени был продан, по словам юноши, хозяину зоологического сада, и любой полисмен отведет их туда.

Шепиэн надеялся, что теперь они успеют приехать домой как раз ко времени возвращения отца, так как его бригада не должна была долго задерживаться, и радовался тому, что объяснить свой поступок ему будет теперь гораздо проще, поскольку их розыски, несомненно, увенчаются успехом.

Под вечер все вместе наломали тополевых прутьев в дорогу для Чилеви; кроме того, Саджо испекла любимое лакомство бобренок — баннок. Золотые Кудри обещал детям присмотреть за каное и палаткой в их отсутствие.

На следующее утро, в час, когда должен был отчалить пароход, на пристани собралось много народу. Американские леди были в восторге от Саджо и придумали ей массу имен: то называли ее «Карие Глазки», то «Маленькие Мокасины», а одна даже назвала ее «Мадам Баттерфляй». А все мужчины пожимали руку Шепиэну, называли его храбрым парнем и говорили, что гордятся знакомством с ним.

Даже Чилеви оказался в центре всеобщего внимания, хотя, мне кажется, оно ему не очень пришлось по душе: бобренок повернулся ко всем спиной, что, конечно, было очень невежливо, и занялся своими делами.

Пришел и торговец. Вид у него был суровый, как будто ему все это очень не нравилось; ему страшно не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал о его участии в этой нелепой затее.

В последнюю минуту Золотые Кудри, который стоял в стороне от толпы и, глядя на

торговца, чему-то украдкой улыбался, подошел к сходням, взял за руку Саджо и Шепизна, погладил по носику бобренок и сказал:

— Счастливого пути, дети Гитчи Мигуона! Я расскажу вашему отцу обо всем. Желаю вам успеха и благополучного возвращения домой — всем четверым. Мы будем ждать вас.

В тот же день мимо берегов, опустошенных пожаром, мимо тех мест, где Саджо, Шепизн и бобренок Чилеви пережили ужасные приключения, плыли три пироги. Пироги скользили по воде с невероятной быстротой. В них сидели индейцы, обнаженные до пояса; их длинные волосы были завязаны узлом на макушке¹⁶. Это были молчаливые, угрюмые на вид люди. Они обливались потом от напряженной гребли. Меднокоричневые тела наклонялись вперед и откидывались назад. Весла сверкали на солнце, мелькая в воздухе.

Не успела передняя пирога причалить к берегу, как человек уже выскочил из нее. Это был Большое Перо. Возвратившись домой вместе со своими одноплеменниками, он нашел хижину пустой...

Припав на колени у самой воды, индеец отгреб руками пепел, теперь уже остывший, и увидел там след врезавшейся в берег пироги, а рядом — отпечаток маленького мокасины, наполовину смытый водой. Индеец вскочил на ноги.

— Они ехали этим путем! — закричал он. — Скорее за топоры! Надо очистить волок! Я буду искать их следы. Я боюсь, что...

Большое Перо замолчал, раздался голос седовласого старца с мудрым, покрытым морщинами лицом.

— Подожди, сын мой, — говорил старый вождь Ни-Ганик-Або. — Мои старые глаза много видели в жизни. Позволь мне первому пройти по тропе. Наверно, я смогу отыскать следы.

Гитчи Мигуон склонил голову, покорный слову вождя, и не двинулся с места. Впереди все было завалено почерневшими, изуродованными деревьями, вдоль и поперек загроздившими тропу. Индейцы взялись за топоры, и работа закипела. Они рубили направо и налево поверженные пожаром деревья — тропу нужно было очистить как можно скорее, чтобы протащить волоком пироги.

Гитчи Мигуон в томительном ожидании стал хлопотать у костра. Людям придется работать здесь долго, и надо было приготовить обед.

А старый вождь искал в разоренном пожаром лесу следы детей. Он поднимал каждое упавшее дерево, которое только был в силах поднять, и долго всматривался в землю. Пламя лесного пожара мчится иногда с такой быстротой, что не все успевает уничтожить на своем пути. Так, под одним деревом, повергнутым на землю, но только частично обгоревшим, он нашел крышку берестяной корзинки Чилеви, а на дальнем краю волока Ни-Ганик-Або обнаружил след каноэ, должно быть со всего размаха врезавшегося в берег. Почему? Ведь путь его лежал в противоположную сторону. Но вот пронизательный взгляд старого вождя упал на огромное, наполовину обгоревшее дерево, которое рухнуло в воду на расстоянии двух челнов от берега, и он понял, как было дело. Этот старик, который в молодости был храбрым воином, теперь отличался большой мудростью и умел читать следы в диких, незнакомых местах, как мы читаем книги. За это он и получил прозвище Ни-Ганик-Або, что в переводе с индейского означает: Человек-который-стоит-во-главе-своего-народа.

Он вернулся в лагерь и сказал убитому горем отцу, что не надо больше печалиться. Старого вождя окружили индейцы, и он долго рассказывал им, как удалось найти следы. Он уверял Гитчи Мигуона, что огонь не погубил детей. Большое Перо слушал его, сжимая обгоревшую крышку корзинки, и не мог успокоиться.

---

¹⁶ Индейцы обычно заплетают свои волосы в две косы и только во время напряженной работы завязывают их узлом, чтобы они не мешали. (Примеч. переводчика.)

Вечером, после того как разбили лагерь и стало темно, Гитчи Мигуон поднялся на огромный голый утес, у ног которого распростерлась разоренная пожаром земля. С омраченным скорбью лицом индеец поднял руку к небу и стал молиться вслух:

— О-уэй, о-уэй, Маниту! Владыка леса, сохрани моих детей от беды! Сохрани их от гибели!

Если их не станет, погаснет моя жизнь, как этот пепел сгоревшего леса у ног моих!

Солнце не светит мне больше, и я не слышу песен птиц. Только веселый голосок Саджо звучит в моих ушах, а перед глазами стоит отважное лицо моего сына — взором сокола встречает он огненного врага.

О, Маниту, я поступил дурно! Я признаю свою вину. Это я ранил сердечко моей Саджо, это я затуманил грустью ее глаза.

О, Гитчи Маниту, верни их невредимыми в Долину Лепечущих Вод! Сохрани их! О-уэй! О-уэй!..

И в то время как голос его раздавался над опустошенной пожаром землей, позади, в свете месяца, сидел седовласый вождь, с лицом, покрытым морщинами. Он мерно и тихо ударял в расписной барабан.

А Саджо и Шепиэн, ничего об этом не зная, спешили всё дальше и дальше от Долины Лепечущих Вод. Они давно пересели с парохода в поезд. Вперед, сквозь тьму ночи, к городу, с быстротой ветра мчали их колеса.

Глава XIII Маленький узник

Но что же случилось с Чикени?

Вспомним тот день, когда торговец унес бобренка из дома Большого Пера и, казалось, вырвал зверька навсегда из жизни друзей.

Пять дней в пироге на пути к Поселку Пляшущих Кроликов прошли для Чикени довольно благополучно: его поил и кормил индеец, один из спутников торговца. Бобренку только доставало Чилеви и, наверно, было непонятно, куда вдруг исчезли Саджо и Шепиэн. Он начал тосковать, часто скулил и все ждал, что Саджо, как всегда, откликнется на его зов.

Все было напрасно — приходил чужой индеец, менял воду и давал корм. По поручению торговца этот человек поехал с Чикени на пароходе, довез его до железной дороги, получил за бобренка деньги и там покинул его: зверек больше его не интересовал.

Здесь бобренок начал громко скулить и рваться на свободу: он, наверно, думал, что приехал домой, и ждал, что дети освободят его из душного и неудобного помещения.

Но никто не пришел.

Он стал грызть ящик. Тогда послышались какие-то чужие, недобрые голоса. Он попробовал было выкарабкаться по стенкам своей темницы, но они были слишком высоки; грубые голоса продолжали кричать, и кто-то застучал по ящику.

Сам не свой от страха, бобренок лежал теперь не двигаясь и только скулил в тоске. Где же, где Саджо! Она всегда утешала его в беде и брала на руки. И где Чилеви? Ведь он еще никогда не разлучался с братцем больше чем на час.

Скоро Чикени очутился в поезде, который помчал его с грохотом и ревом. Когда поезд тронулся, бобренок забыл закрыть уши, что бобры обычно делают при неприятных звуках или во время плавания, чтобы в уши не попала вода. Оглушенный и испуганный невероятным шумом, Чикени в своем неистовом стремлении вырваться на свободу бросился вниз головой в поилочку, видно приняв ее за нырялку, и перевернул ее. К довершению всех бед теперь его начала мучить жажда. И есть было нечего. Его выхватили из дома так быстро и неожиданно, что Саджо не успела положить в ящик хоть кусочек хлебца, которого хватило бы ему на несколько дней пути, а никто другой так и не позаботился о его еде. И вот, измученный голодом, жаждой, тоской, испуганный до полусмерти, Чикени снова принялся

грызть ящик, чтобы вырваться на волю. И если бы он не сломал о гвоздь один из острых резцов, то, наверно, добился бы своего, но теперь было слишком больно работать зубами.

Вся подстилка — ее и было-то немного — загрязнилась, и, когда поезд мчался, бобренка швыряло из стороны в сторону; он налетал на твердые стенки ящика, и все тельце его ныло от ушибов. Чикени пробовал удержаться посередине своей темницы, подальше от твердых стен, но у него ничего не получалось.

Один раз проводник сжалился над зверьком и поделился с ним завтраком — бросил ему корочку хлеба. Бобренок уцепился лапками за его руку, и этот человек решил, что Чикени — опасный зверь; он не знал, что бобренок просил помощи. После этого никто больше не подходил к ящику, поилочка по-прежнему оставалась без воды, никто не кормил Чикени, никто ни разу не переменял ему сбившуюся, грязную подстилку.

Бобренок продолжал жалобно скулить, и все звал и звал своих маленьких друзей, которые теперь не могли услышать его жалобный детский голос. Он просил их прийти и освободить его от большого несчастья, которое обрушилось на него. Грохот колес заглушал его слабый голосок, и никто, никто не обращал на него никакого внимания.

Много раз поезд останавливался и снова, рванувшись с места, мчался дальше, швыряя бобренка от одной стенки к другой в его тесной темнице. Даже когда поезд сделал последнюю остановку, мучительное путешествие не кончилось — тряска на грузовике была еще сильнее, чем в поезде. Только потом наступил покой.

Кто-то с треском и скрипом открыл ящик, чья-то большая, сильная рука бережно подняла бобренка за хвост, другая перевернула Чикени головой вверх, палец погладил одну из усталых горячих лапок, а тихий голос промолвил какие-то ласковые слова — и бобренку стало легче.

Это был Элек — смотритель и сторож, который ухаживал за зверятами в зоологическом саду, куда направили Чикени. Он очень хорошо знал свое дело. Увидев, в каких ужасных условиях пришлось ехать зверьку и какой он был грязный и жалкий (это чистюля Чикени!), Элек раздраженно сказал агенту по перевозке:

— Ни воды, ни корма! Нос как в огне, потрескался хвост, переломаны зубы! Разве так перевозят бобров? Это просто безжалостно! Ну ничего, малыш, мы тебя приведем в порядок, — добавил он, ласково взглянув на бобренка.

Смотритель уже все заранее приготовил для приема маленького гостя, так как его появление не было неожиданностью: контору зоологического сада уведомили о его прибытии.

Скоро Чикени доставили в его новое жилище. Оно было построено из чего-то твердого, похожего на камень, только камень гораздо приветливее. Со всех сторон возвышалась железная решетка.

И в этой тюрьме, сооруженной из железа и цемента, Чикени — зверек, который не совершил никакого преступления, — должен был просидеть до конца своих дней. Ласковый, нежный бобренок теперь считался диким и, должно быть, опасным зверем.

Здесь было особенно тесно после привольного озера, на берегу которого бобренок прожил большую часть своей коротенькой жизни. Но Чикени пока не жаловался — он почуял воду и забыл обо всем. Он увидел перед собой глубокий прозрачный пруд, не очень большой, но в нем была вода. Бобренок бросился туда и, плавая на поверхности, стал жадно пить.

Живительная влага освежила его тело, облегчила боль в лапках и хвосте. Отмокли и комья грязи, прилипшие к шерстке, пока он плавал взад и вперед. После трехдневного мучительного пути — грохота, голода, грязи — это купание показалось бобренку верхом блаженства. Он думал, что это нырялка. Там, где-то внизу, — выход, через него он, конечно, попадет в родное озеро и на берегу встретится со своими товарищами по играм. Чилеви прибежит навстречу и будет кататься от радости на своей пушистой спинке, а Саджо возьмет его, Чикени, на руки, прижмет к себе и будет шептать что-то на ушко, щекочу маленькое смешное местечко под подбородком. И тогда все тяжелые дни будут забыты.

И вот с важным видом Чикени нырнул прямо вниз, но налетел головой на цементное дно бассейна. Удар оглушил бобренка. Немного погодя он снова нырнул, вторая попытка кончилась такой же неудачей. Он начал царапать лапами и пробовал грызть зубами цементное дно, ища выхода в тоннель, но только поломал себе коготки и еще больше повредил зубы. Тогда бобренок выкарабкался из пруда, побрел к решетке и попытался перелезть через нее, но железные прутья не пускали. Чикени хотел перегрызть их — все напрасно, его поломанные зубы даже не поцарапали железа. Он стал бегать по своей тюрьме, иногда останавливался, пытался подрыть землю, но под ногами всюду был цемент. Долго он метался так от пруда к решетке, грыз железные прутья, скреб цемент, наконец, обессилев, растянулся на холодном полу и заснул от тоски. Так, бывало, скулил он и раньше, когда нападёт тоска; тогда Саджо убаюкивала его, и он урчал от радости. А как ему хотелось дотронуться лапкой до шелковистой шерсти Чилеви! Но здесь нет ни Саджо, ни Чилеви — только тюрьма, где заперт несчастный малыш.

Элек-смотритель все видел. Он стоял за решеткой и только качал головой, приговаривая:

— Горе-то какое, беда!..

Это была его работа — приручать диких зверей, которых время от времени к нему присылали. Несмотря на то что смотритель очень любил животных, он иногда ненавидел свое дело. Ему часто казалось, что это вовсе не дикие звери, а несчастные маленькие люди, лишённые дара слова, но нуждающиеся в ласке не менее тех, кто умел говорить. Ему всегда казалось, что человек, такой большой, сильный и знающий так много всего, чего не знают животные, должен быть добрым по отношению к ним и помогать им по мере сил своих. И вот теперь смотритель не мог равнодушно глядеть на маленького Чикени, который так беспомощно бился за свою свободу. Элеку и раньше приходилось иметь дело с бобрами, он знал их мягкий нрав. Смотритель открыл дверцу, шагнул за решетку и бережно взял на руки тоскующего зверька. Бобренок совсем не испугался, а почувствовал себя очень хорошо на руках у человека. Они были добрые и теплые, не то что цемент.

Человек понес Чикени к себе домой, в коттедж, который находился здесь же, на территории парка. Когда дети выбежали навстречу отцу и увидели у него на руках бобренка, они закричали от радости и стали хлопать в ладоши. Чикени, испугавшись шума, ткнулся мордочкой под полу пиджака смотрителя — он уже считал Элека своим другом. Отец уговорил детей вести себя потише и спустил бобренка на пол. Здесь Чикени почувствовал себя гораздо лучше, чем в клетке; наверно, он даже вспомнил свой дом. Вся семья обступила зверька и с любопытством ждала, что он будет делать. Жена смотрителя сказала:

— Ах ты малыш! У тебя ведь все косточки торчат. Джо,— попросила она сынишку,— сбегай за яблоком, пусть бобренок полакомится.

Джо сейчас же принес яблоко и положил перед Чикени. Бобренок потянул носиком — он никогда еще не слышал такого чудесного запаха! Он впился в яблоко изломанными зубами, схватился за него двумя лапками, с жадностью стал грызть, и скоро половины не стало. Смотритель очень обрадовался: некоторые из его питомцев совсем отказывались от пищи и умирали, но этот — Элек теперь знал — выживет. Дети звонко смеялись, любуясь забавным бобренком: он, когда ел, сидел совсем как человек.

— Вот увидите, он очень скоро поправится! — воскликнула жена смотрителя.

Элек принес свежие тополевыя веточки с сочными листьями; к ним бобренок не притрагивался, сидя за решеткой, но теперь стал их есть. А дети не отрывали глаз от потешного зверька и очень удивлялись, видя, как ловко он зажимает в кулачок пучки листьев и кладет их в рот.

Бобренок начал даже урчать от удовольствия, и дети пришли в полный восторг. Маленькая белокурая девочка закричала:

— Послушайте, послушайте только: он разговаривает, как малюсенький ребеночек! Пусть он поживет у нас на кухне. Можно, папа?

Жена тоже стала уговаривать смотрителя:

— Давай, Элек, оставим его у себя на некоторое время. Сейчас в саду все равно никого нет. Малышу тоскливо будет в клетке — ведь это все равно что запереть в тюрьму ребенка.

Элек ответил:

— Пожалуй, ты права. Мы устроим ему местечко, пусть переночует у нас.

Они принялись устраивать у себя на кухне уголок для Чикени. Элек-смотритель прикрепил к полу большую лоханку с водой, поставил рядом ящик и положил туда охапку чистой соломы. Бобренок провел там всю ночь. Вряд ли он был счастлив, но, во всяком случае, ему было удобно.

На следующее утро Элек отнес его в сад и посадил за решетку. Гуляющая публика смотрела на зверька. Но когда начало смеркаться и сад опустел, смотритель снова понес бобренка домой.

С тех пор все свободное от «работы» время Чикени проводил в доме смотрителя; там у него была своя постель на кухне, лоханка с водой; его угощали листиками и прутиками, и каждый день он получал красивое сочное яблоко, которое заставляло его забывать о многих своих бедах, но не обо всех: тоска о близких не могла затихнуть до конца его дней¹⁷.

Каждое утро Чикени оставлял после себя довольно большой беспорядок: ободранные прутики, огрызки веток, недоеденные листья — все это валялось на мокром после купания бобренка полу. Но дети охотно делали уборку, когда отец уносил бобренка для исполнения его обязанностей: дать посмотреть на себя публике, которая подходила к клетке. Никто из семьи смотрителя не сердился на зверька за беспокойство. Чикени по-своему хорошо ладил со всей семьей и скоро стал почти необходимым ее членом. Он теперь знал каждого из них и бегал с малышами, неуклюже переваливаясь с боку на бок; а дети на него смотрели как на смешную добродушную игрушку, похожую на тех пушистых щенят, которых часто видишь на елке.

Но все-таки Чикени не забывал свою жизнь в Обисоуэй, и часто ему совсем не хотелось играть; он тихо лежал в своем ящике, и его маленькое сердечко было переполнено неутолимой тоской по своим старым товарищам.

Прошло немного времени, и у бобренка подросли сломанные зубы. Он начал усердно точить их — все стучал зубами и тер нижние о верхние. Зубы у бобров растут непрерывно, и они постоянно скрежещут ими и точат их. И за шерсткой своей Чикени снова стал следить, а то она у него вся свалилась за дорогу. Теперь он причесывался и прихорашивался ежедневно, пополнял и стал похож на прежнего Чикени.

Его жизнь как будто немного наладилась — не совсем, правда. Чикени очень тосковал и мучился, когда попадал в клетку, и Элек знал это. Каждое утро, когда смотритель сажал бобренка за решетку — а она могла бы удержать и медведя, — он видел, когда, уходя, оборачивался, как грустно смотрит ему вслед маленький зверек, сидя на твердом цементном полу. Смотритель вспомнил, что бобры иногда живут больше двадцати лет. Двадцать лет в этой тюрьме из железа и бетона! За двадцать лет его дети станут взрослыми и уедут отсюда; да и он сам, быть может, уедет. Городок станет большим городом (теперь-то он не очень большой); люди будут приезжать и уезжать — свободные, счастливые люди, — а он, этот маленький несчастный зверек, который никогда никому не делал зла и только искал ласки, все это время будет глядеть сквозь решетку ужасной клетки — двадцать лет, длинных и тоскливых, как будто он был неисправимым преступником; и он будет ждать свободу, которая никогда не придет к нему, ждать для того, чтобы, так и не дождавшись, умереть. «И ради чего все это делается? — подумал смотритель. — Только ради того, чтобы несколько бездумных людей, которым было все равно, увидят они когда-нибудь бобра или нет, могли остановиться на минуту или две перед клеткой и посмотреть безразличными глазами на безутешного маленького узника; потом они уйдут и забудут о нем. Этому доброму человеку

---

¹⁷ Из всех североамериканских животных бобры обладают самой хорошей памятью, и в этом отношении они очень похожи на слонов. (Примеч. автора.)

казалось несправедливым, что люди обрекли бобренка на такую участь. И когда зритель наблюдал, как неуклюжий зверек потешно веселился с его детьми, он решил, что сделал все от него зависящее, чтобы скрасить жизнь маленькому узнику; он будет как можно чаще брать его к себе домой, где бобренок сможет играть с детьми на свободе.

Но Чикени еще не сдался, его не покидала надежда. Он ждал, что каким-то таинственным путем к нему придет Чилеви. В этом не было ничего странного, потому что раньше, где бы Чикени ни был, очень скоро возле него появлялся братишка — они не могли долго пробыть друг без друга. И вот осиротевший бобренок снова и снова принимался искать своего братца: то он заглядывал в деревянную хатку, которая стояла за загородкой, то терпеливо обнюхивал все углы в комнатах у зрителя, то выбегал во двор, направлялся к сараю и заглядывал во все щели, — видно, он не сомневался, что когда-нибудь найдет Чилеви. Однако после целого месяца ежедневных разочарований он стал терять надежду и наконец совсем бросил искать братца.

А на расстоянии ста миль тосковал другой бобренок, скитаясь в безнадежных поисках.

Чикени уже начал мириться со своей новой жизнью, когда случилось событие, которое оказалось для него и очень тяжелым и в то же время отвечало самым сокровенным его желаниям.

Как-то раз мимо его клетки проходила индианка с пестрой шалью на голове. Увидев ее, Чикени как безумный бросился к решетке, просунул сквозь железные прутья сжатые в кулачки лапы и, боясь, что она пройдет мимо, пронзительно закричал. Женщина сейчас же остановилась на зов бобренка и стала ему что-то говорить. Звуки, которые долетели к нему, были очень похожи на те, которые он так часто слышал на родине, где живут индейцы. Но голос был чужой, и, взглянув в лицо женщины и почуяв ее запах, Чикени повернулся спиной и удрученный побрел к своей пустой деревянной хатке. Ему показалось сначала, что это была Саджо.

Однако это происшествие не только взбудоражило бобренка — оно пробудило новые надежды: он стал ждать, что к нему придет Саджо.

Люди толпами гуляли днем в зоологическом саду и останавливались перед клеткой взглянуть, что это за зверь. Но «посетители» Чикени никогда не стояли долго, а быстро проходили мимо; для большинства он был лишь маленьким зверьком с плоским хвостом. Одни смотрели на него равнодушно, другие — с любопытством, третьи тыкали палками и что-то говорили грубыми, недобрыми голосами. Редко у кого он встречал участие. Только один или двое говорили ласково и угостили его орешками и конфетами. Но Саджо не приходила. И бобренок продолжал всматриваться в каждое лицо, принюхиваться к каждой руке, к которой только мог дотянуться носиком.

Он ни разу не увидел любимого лица и не услышал запаха маленькой ручки. И все-таки был уверен, что придет день, когда голос, который и сейчас звучал в его ушах, позовет: «Чикени!», и маленькая коричневая рука, которая так часто ласкала его, снова поднимет его, и тогда — о, что это за радость! — он ткнется носиком в теплую нежную шею, посопит, попыхтит немного, а потом задремлет и забудет обо всем...

Часами просиживал так бобренок в клетке, следя за прохожими. Он ждал и надеялся. А вечером, когда он лежал на соломенной подстилке у зрителя на кухне, смутные воспоминания о счастливых днях проносились в его голове. В памяти, наверно, вставала и маленькая каморка под кроватью у Шепизна, которая была нераздельной собственностью с Чилеви, и крошечный потешный бобровый домик — их собственное сооружение, над которым они так дружно трудились.

Но потом Чикени сделался ко всему равнодушным, и уже ничто не радовало его, даже когда он был в домике у зрителя; он перестал играть с детьми, уже больше не прихорашивался и не приглаживал свою шерстку. Зверек стал отказываться от пищи. Часто сидел он понурый, тяжело дыша, с закрытыми глазами и сжимал в лапках яблоко, пока

наконец не ронял его, даже не попробовав.

Смотритель с жалостью глядел на своего маленького питомца и знал, что теперь нечего думать не только о том, что будет через двадцать лет, но даже через год: Чикени долго не проживет.

Крошечный мозг был словно в огне от тоски, и бобренку иногда казалось, что он видит наяву милых друзей своего раннего детства. С думой о них он засыпал, а заснув, видел их во сне.

Да, это правда, животные видят сны. И вам, наверно, приходилось наблюдать, как часто просыпаются они в страшном испуге от кошмарных сновидений, как бывает с вами или со мной; по звукам, которые они издают, мы можем также сказать, что некоторые из их снов очень приятны.

Один раз вечером бобренок очнулся от сна, в котором все было как наяву. Ему приснилось, что он снова дома, у озера, со своими маленькими милыми друзьями. И вот он вскочил и стал бегать по кухне и, не обнаружив их нигде, жалобно завыл от горя и тоски. И, когда он жаловался и кричал, его голосок звучал совсем как детский.

Чикени не знал и не мог знать, что на другом конце города, в другой комнате появился такой же бобренок, как и он, и что вместе с ним были двое маленьких индейцев — мальчик с гордой осанкой и девочка в пестрой шали; они были слишком взволнованы, чтобы заснуть в ту ночь, и с трудом могли дожидаться, когда наступит утро.

В углу этой комнаты стояла знакомая корзинка из березовой коры.

Вы, наверно, догадались: Саджо и Шепиэн приехали наконец в город.

Глава XIV

В Городе

Когда поезд, в котором мчались Саджо, Шепиэн и их маленький четвероногий спутник Чилеви, сделал последнюю остановку и дети прибыли наконец в город, им вдруг стало так страшно, что они даже не решались выйти из вагона. И, наверно, они еще долго просидели бы на своих местах, если бы к ним не подошел проводник, который присматривал за ними в дороге; он сказал детям несколько напутственных слов, помог им сойти и, попрощавшись, вернулся к поезду.

Что это был за шумный мир, в который они попали! Гудела толпа спешивших куда-то людей, звенели звонки, визжали свистки, шипели и страшно ревели паровозы, останавливаясь с грохотом или отправляясь в путь. Оглушенные, испуганные, стояли как вкопанные наши маленькие жители леса, взявшись за руки, не зная, куда им идти, не смея двинуться с места. Впереди, позади, со всех сторон окружали их ужасная суeta и несмолкаемый шум. Неслись грузовики, доверху нагруженные вещами; один из них промчался так близко, что Шепиэн едва успел оттащить сестренку в сторону, а то бы она попала под колеса.

Вокзал показался им огромной гулкой пещерой, наполненной ужасными звуками, и дети почувствовали себя совсем маленькими и беззащитными. Никогда не были они так одиноки, даже в тихом лесу среди молчаливых деревьев, как здесь, среди шумной толпы. Люди глядели на них с любопытством, но все они куда-то спешили и быстро проходили мимо то в одну, то в другую сторону. Так и стояли они среди оглушающего шума города, эти два маленьких индейца из диких лесов. Ошеломленные неведомым миром, они были почти так же беспомощны, как два бобренка, когда их уносили широкие воды Березовой Реки, где нашел их Гитчи Мигуон.

В испуганном воображении Саджо все время вставал образ Чикени — как было страшно ему, когда он попал сюда один, без друзей! Шепиэн начал подумывать, не вернуться ли им обратно в лес. Там, среди лесных обитателей, даже в кольце огня он чувствовал себя уверенней, чем здесь. А Чилеви? Он крепко прижал свои ушки, чтобы ничего не слышать, и забился в уголок корзинки.

Детям казалось, что они простояли уже целый час (на самом же деле прошло всего несколько минут), и Шепиэн уже было отважился двинуться к огромной двери, через которую непрерывным потоком хлынули люди, когда к ним подошел мальчик почти такого же возраста, как и Шепиэн. Он был в красном костюме, с огромными блестящими пуговицами; на голове, приткнувшись с одного бока, торчала забавная шапочка, которая больше всего напоминала круглую коробочку.

— Алло, ребята! — сказал он развязно. — Заблудились? Или ищете кого-нибудь?

Бедный Шепиэн совсем растерялся перед этим самоуверенным блестящим юношей — ведь он ни разу еще не видел посыльного; он сразу забыл все, что знал по-английски, вспомнив только одно слово, которому его научил Золотые Кудри.

— Полисмен, — заикаясь от волнения, с трудом произнес Шепиэн.

— Провести к полисмену? Так, что ли? — переспросил посыльный, сразу смекнув, в чем дело. — Ступайте за мной, — добавил он бойко и быстро пошел вперед, постукивая каблуками своих начищенных сапог по твердой мостовой.

Маленькие индейцы бесшумно следовали позади, быстро скользя обутыми в мокасины ногами; им пришлось почти бежать, иначе они бы отстали. Не выпуская руки сестренки, Шепиэн в другой руке держал корзинку с бобром. Это было забавное шествие!

Лавируя в толпе, мальчик провел детей через главный вход и привел их в просторное помещение, где было так много народу, что Шепиэн подумал, не собрались ли здесь люди со всего света. На противоположном конце, у других дверей, стоял толстый человек. У него тоже был ряд блестящих пуговиц на груди.

— Эй, Пэт! — сказал посыльный. — Вот тебе пара ребят, к полисмену просились. — Подтолкнув довольно бесцеремонно своих спутников вперед, мальчик продолжал шутливо: — Такого толстяка, как ты, пожалуй, они отыскали бы и без меня. Похоже, что это индейцы. Ты смотри не зевай, а то, чего доброго, и без скальпа останешься.

Бросив лукавый взгляд на блюстителя порядка и подмигнув детям, мальчик повернул обратно и скрылся в толпе.

— Ого! — сказал полисмен и стал рассматривать детей, заложив одну руку за спину. — Ого! — повторил он. — Скальпы снимаете? Так, что ли?

И он уставился на ребят с таким свирепым видом, словно хотел их сразу отправить в тюрьму. Но глаза выдавали его — в них искрился лукавый огонек, и веселые морщинки расходились лучами от уголков его глаз.

— Значит, молодые индейцы будете? Вот оно что! Только дело-то ваше не выйдет, ребята: должен признаться, что бедная моя головушка уже годов двадцать голехонька, как яйцо. Не знаю, чего этому постреленку вздумалось привести вас ко мне — он-то уж знал небось.

Этот полисмен со своим круглым веселым лицом очень походил на деда-мороза. Каска сидела на его лысой голове как-то боком, почти задорно, так что можно было подумать, что работа полисмена очень веселое занятие. Только разговаривал он очень строго.

Заметив, что дети растерялись, Пэт заговорил с ними более тихим голосом (я же думаю, что тихо он вообще говорить не мог):

— Чем могу служить?

— Твоя полис-мен? — раздался в ответ несмелый голос Шепиэна.

— Точно так, паренек, — подтвердил ирландец, сдвинув каску еще больше набок. — Я полисмен, да еще какой! С нами шутки плохи. Из нас, сыновей О'Рейли, никто еще в грязь лицом не ударил! Ба, что это у тебя в лубке? — вдруг спросил Пэт, услышав жалобный голосок Чилеви.

— Эмик¹⁸, — ответил Шепиэн по-индейски, поднимая крышку корзинки, чтобы показать бобренка. — Э-мик, — повторил он еще раз.

---

¹⁸ Эмик (индейск.) — бобр.

К большому удивлению Шепиэна, полисмен залился громким смехом:

— Ха-ха-ха! Хо-хо! Так он называет меня Миком!¹⁹ Сразу узнал, что я ирландец, быстро соображает, постреленок! Ты сказал, паренек, что я э-Мик. Правильно сказал, так оно и есть, я и в самом деле э-Мик.

Полисмен очень гордился тем, что он ирландец, и вообразил, что Шепиэн догадался об этом, когда употребил индейское слово «эмик», что на самом деле означает «бобр». Потомок О'Рейли был приятно удивлен такой догадливостью индейского мальчика, а Шепиэн, услышав, как полисмен несколько раз повторил, что он «эмик», пришел к заключению, что этот человек принадлежит к какому-то странному племени бледнолицых людей, величающих себя бобрами, а это очень почетное звание! Таким образом при первом же знакомстве установились хорошие отношения как с одной, так и с другой стороны.

— А куда вы направляетесь?

Шепиэн забыл не только английские слова, но и про письмо, которое дал ему Золотые Кудри, а теперь, вдруг вспомнив, вытащил его из-за пазухи и протянул ирландцу.

Прочитав адрес, постовой сказал:

— Дело ясное. Если бы не дежурство, тотчас бы и пошли всей братией, куда сказано. Сам Пэтрик О'Рейли сопровождал бы вас. Понятно? Работа, ничего не поделаешь. Придется подождать. Вот отбуду дежурство, — сходим.

Пэт погладил Саджо по голове и попросил Шепиэна показать бобренка, — теперь только Шепиэн вспомнил английское слово «beaver» («бобр»).

— Ишь, зверь-то какой! Хорош! Верное слово, хорош! — улыбаясь, добродушно проговорил ирландец. — Только уж больно велик, смотреть-то не на что! — добавил Пэт и залился громким смехом.

Никогда еще Чилеви не казался таким маленьким и беспомощным. Наверно, он решил, что настал конец света, и съезжился весь, свернулся клубочком, подвернув под себя все четыре ноги, спрятав голову и хвост, чтобы стать как можно менее заметным.

Наши юные путешественники, немного успокоенные, присели на краю длинного ряда стульев. А блюститель порядка, находившийся в весьма приятном расположении духа, засыпал детей вопросами.

Шепиэн уже сумел кое-как рассказать на английском языке почти всю историю с бобренком, рассказал он и о приключениях в пути. Веселый ирландец, который все время смеялся — казалось, даже без всякого повода, — вдруг стал серьезным и сказал, что он, Пэтрик О'Рейли, собственной персоной проводит их к хозяину парка.

— И имейте в виду, — добавил ирландец, — всю правду в глаза скажу кому следует! Верное слово, скажу!

Пэта, видно, не на шутку взволновала история с бобренком, и он углубился в печальные размышления.

— Бедняжки! — бормотал он про себя. — Да тут человек с каменным сердцем слезы прольет, восковая свеча на елке расплавится! Что толковать!..

Прошло немного времени, и Пэта сменил другой постовой, который добродушно пошутил, сказав, что Пэт обзавелся «семейством». Ирландец повел своих новых друзей тихими боковыми улицами. По дороге он говорил и шутил без умолку, стараясь развлечь детей. Шепиэн тоже принимал участие в беседе на своем ломаном английском языке. Саджо слушала напряженно, широко раскрыв глаза, но она так ничего и не поняла. Девочка теперь уже перестала бояться; ей казалось, что они в полной безопасности рядом с этим большим человеком в синей форме; а когда она думала о том, что Чикени здесь, в этом же городе, быть может, даже на этой же улице, ей хотелось кричать от радости. Глаза у нее разбегались во все стороны.

---

¹⁹ М и к — прозвище ирландцев.

Сколько интересного было в городе! Лошади — о них она только слыхала, но никогда не видела раньше. Трамваи — как быстро они мчались, сами собой! Красивые дамы в нарядных платьях! Но лучше всего были чудесные витрины магазинов. Вот потянуло вкусным запахом обеда, и дети увидели за стеклом такие красивые пироги и пирожные, что не могли оторвать глаз; они стали шептаться по-индейски. Ирландец догадался, что его маленькие друзья голодны.

— Небось проголодались, на ногах еле держитесь? А я-то старый дурень, болтовней занялся! Виданное ли дело, чтобы кто-нибудь из сыновей О'Рейли спокойно смотрел, как его друзья с голоду помирают, как говорится, прямо на пороге! Пошли обедать!

— Да, прошу, — сказал Шепиэн. — Уже давно сестренка кушай хочет.

Про себя Шепиэн ничего не сказал, хотя неизвестно, кто из них был более голоден.

Пэтрик провел детей в столовую. Когда Саджо и Шепиэн уселись за стол, ирландец поинтересовался, когда же они ели в последний раз.

— Ещё посёлка были, — ответил Шепиэн. — Мой нет страха. Сестренка много страха было. Много сидела — ничего не кушала. Мой старший, мой сестренка много бережет, не оставляет одну сестренку. Никто не кушала, говорю, только Чилеви кушала мало-мало хлеба.

— Молодчина ты, братец мой! Мы, О'Рейли...

Но как О'Рейли поступили бы в этом случае, так никто и не узнал: в дверях показался человек с подносом, уставленным дымящимися блюдами. Угощение выглядело таким соблазнительным и от него распространялся такой чудесный аромат, что дети даже растерялись, когда перед ними поставили тарелки с кушаньем. У Саджо от волнения закружилась голова. Но скоро водворилось молчание — теперь не до разговоров было, все занялись едой и ели, ели, ели. Во время этого вкусного обеда Саджо вспомнила, что Чилеви, должно быть, тоже голоден, и отложила со своей тарелки в корзиночку бобренка кусочек хлеба с маслом, пирожок и еще кое-чего, так что теперь он был занят, как и другие, стараясь наверстать потерянное.

Они сидели в одной из тех маленьких столовых, которые обычно бывают при ресторанах, и, когда пир окончился и все были сыты и довольны, даже Чилеви не мог больше съесть ни кусочка, О'Рейли закурил сигару и пришел в такое хорошее расположение духа, что просто сиял, глядя на своих гостей. На голове у него не было каски, и Шепиэн имел возможность убедиться, что добродушный ирландец был не совсем прав, утверждая, что его «голова голехонька, как яйцо». На самом же деле широкая прядь волос, которая росла над одним ухом, была зачесана назад и тянулась до другого уха. Ничего подобного ни на одном яйце вы не увидите.

Саджо, как хорошая маленькая хозяйка, составила все тарелки аккуратно в одну сторону; ей нравилось держать в руках и притрагиваться к этим красивым и, как ей казалось, дорогим вещам. На самом же деле это была простая посуда, но бедная девочка никогда не видела таких тарелок, как она в этом призналась Шепиэну поздно вечером.

В комнате было тепло. Разогревшись после обеда, Саджо сбросила с головы шаль, и теперь ирландец увидел длинные черные косы и карие, сияющие добротой глаза. Залюбовавшись девочкой, он заявил, что с тех пор как покинул берега Ирландии, ни разу не видел такой красотки. И когда Шепиэн перевел это сестренке на индейский язык, она смутилась, склонила головку и снова набросила шаль. Но никто не мог долго стесняться этого добродушного человека, и Саджо снова взглянула на Пэта. Тогда шаль опять соскользнула, и девочка громко смеялась вместе с братом над всем, что говорил веселый ирландец, хотя смысла она и не понимала. О'Рейли даже в пот бросило от смеха, так что ему пришлось расстегнуть немного свой мундир. Он вытащил красный платок из рукава и усердно вытирал лысину. Чилеви тоже подал свой голос, и Саджо начала шептаться с ним. А пока они шептались, Шепиэн стал обучать ирландца индейскому языку. Дело шло довольно туго, но в конце концов Пэту все-таки удалось запомнить одно слово: «кэгет», что значит «конечно», или «разумеется», или «в самом деле»; когда очень уверен в чем-нибудь, говорят

«кэгет». С тех пор у ирландца все стало «кэгет»; он употреблял это слово на каждом шагу и, по-видимому, был очень доволен своими успехами.

Однако, когда нужно было сговориться относительно следующего дня, Пэт вернулся к английскому языку и пробовал для ясности подражать ломаной речи Шепиэна.

— Парк, — сказал ирландец, — крышка: закрыт нынче. — И, чтобы сделать свою речь более понятной, он закрыл дверь. — Завтра парк открывай, клади деньги, давай бобра.

При этих словах Пэт широко распахнул дверь и привычным движением вытянул руку вперед, словно ждал, что целый отряд бобров двинется по свободному пути.

Потом он вытащил из кармана письмо и, постукивая пальцем по адресу, сказал Шепиэну:

— Мой придет сюда. Завтра. Ты ждешь. Кэгет!

Шепиэну было трудно удержаться от улыбки. Пэтрик недооценивал его знания английского языка и искренне порадовался, когда мальчик сказал, что понял его. Сам же О'Рейли остался очень доволен своим уроком индейского языка и считал, что начинает уже кое-что смыслить в этом языке.

Ирландец проводил детей по указанному адресу до самых дверей, познакомил их с управляющим домом и передал ему письмо от его друга миссионера. Пэт еще раз повторил, что завтра он придет сюда, чтобы они обязательно дождались его и ни в коем случае никуда не уходили без него.

Человек, которому было адресовано письмо, радушно встретил своих гостей — он знал об их приезде, его предупредили телеграммой.

Устроив детей на ночь, он вышел, чтобы и самому послать телеграмму в ответ. Почти в это же время Пэтрик позвонил по телефону из своей скромной квартиры и долго с кем-то разговаривал о детях. В Поселке Пляшущих Кроликов тоже многие беспокоились о них. Приключения трех маленьких путешественников взволновали всех, но сами виновники ничего об этом не знали.

Дети тихонько перешептывались. Им было не по себе на верхнем этаже, в просторной комнате с белыми стенами. Они чувствовали себя такими маленькими и ничтожными, как два мышонка, которые прокрались в кладовую или в церковь. Шепиэн снял через голову мешочек из оленьей кожи, который висел у него на шее на шнурке, вытащил оттуда долларовые бумажки и стал бережно расправлять их на столе. Саджо стояла рядом, кивая черной блестящей головкой, словно хотела сказать: «Вот видишь, что мой сон наделал!»

Детям очень хотелось узнать, сколько там было денег. Саджо даже наклонилась, приложила палец к губам и смотрела так умно, как будто она все понимала. А Шепиэн морщил лоб, терялся в догадках, рассматривая в отдельности каждую бумажку. Но цифры ничего не сказали детям, и им пришлось отказаться от своей попытки сосчитать деньги. Ясно было только одно: денег здесь так много, как им никогда еще не приходилось видеть.

Шепиэн бережно свернул доллары, сунул их обратно в мешочек и спрятал на груди, под рубашкой.

Это был выкуп за свободу Чикени, и эти деньги должны быть у него все время под рукой.

А на полу Чилеви наслаждался купанием в лоханке. У бобренка было еще другое торжество в этот вечер: он досыта наелся хлебом, который ему дал хозяин. Недоеденные куски превратились в мягкую липкую массу, и поверьте мне, что ковер, покрывавший пол, не стал от этого более красивым.

В ту ночь никому не спалось. Маленькому бобренку — потому, что было слишком много новых вещей под кроватью и в разных углах комнаты; дети же были взволнованы ожиданием завтрашнего дня — самого замечательного дня в их жизни, ради которого они пошли навстречу опасностям, испытали так много лишений и которого так долго ждали.

Завтра они получают Чикени.

Ни один из них, казалось, не задумался над тем, что хозяева парка могут отказать, что они не отдадут бобренка, поскольку он попал в их руки и они считают его своим. У

Шепиэна, быть может, и возникали какие-то сомнения, но Саджо, уверенная, что ее сон сбывается, ни на минуту не теряла надежды и все время повторяла:

— Завтра мы будем с Чикени, я это знаю!

Глава XV

Сбылась мечта

На следующее утро Пэтрик О'Рейли, как и обещал, зашел за Саджо и Шепиэном. Дети думали, что ирландец сразу поведет их в зоопарк к бобренку, но оказалось, что сначала нужно зайти в большой дом, в контору владельца парка.

По дороге, боясь, как бы чего-нибудь не случилось с деньгами, Шепиэн все время нащупывал мешочек, который висел у него на груди, под рубашкой; он им очень скоро понадобится, поэтому, естественно, мальчик беспокоился. В другой руке он нес корзинку с Чилеви. Рядом еле поспевала за братом Саджо, закутанная в пеструю шаль.

В контору они поднялись на быстром лифте, но детям лифт не очень понравился. Потом они вместе с Пэтом очутились перед письменным столом, за которым сидел человек. От него зависела судьба бобренка.

Саджо, так непоколебимо верившая в свой сон, вдруг задрожала как листок: что делать, если он не отдаст Чикени? Девочке захотелось закричать и убежать. Но она не пошевелилась, решив, что останется до конца, что бы ни случилось.

У молодого человека за письменным столом было бледное, длинное лицо и маленький подбородок. Он неприятно прищуривал один глаз, чтобы в него не попал дым от папиросы, которая торчала сбоку изо рта, так что смотреть он мог только одним глазом, и поэтому казалось, будто он косой. Молодой человек разговаривал, не вынимая папиросы, и в упор уставился на детей тем глазом, который смотрел. Очень бесцветный и неприветливый был этот глаз.

— Что вам нужно? — резко спросил бледный человек.

На минуту водворилось молчание — гнетущее, напряженное молчание. Саджо и Шепиэн, казалось, даже перестали дышать. А потом...

— Сэр,— раздался голос ирландца,— вчера я звонил мистеру Нельсу, беседовал с ним насчет этих детей, моих друзей. Мы договорились встретиться здесь, чтобы обсудить небольшое дельце насчет...

— Можете доложить ваше дело мне, — прервал его молодой человек официальным тоном. — Мистер Нельс в настоящее время занят.

Он взглянул на дверь, которая вела в соседнюю комнату и была полуоткрыта.

— Ну-с, дело у нас такого рода... — снова заговорил Пэт, в то время как молодой человек взглянул на часы и еще раз прервал его:

— Нельзя ли поживей? Мне сегодня некогда.

Пэт, немного покраснев, снова начал свою речь, на этот раз удачно. Это была речь, над которой он долго трудился накануне вечером, — рассказ, который, по мнению ирландца, должен был тронуть до слез даже человека с «каменным сердцем». Но надо думать, что у молодого человека не было и каменного сердца, потому что он не пролил слез, а только несколько раз взглянул на часы, пока говорил Пэт, и прикурил новую папиросу от своего окурка. Ирландец почувствовал себя обескураженным, но все-таки закончил свой рассказ довольно торжественно:

— Эти маленькие граждане желают купить у вас свою скотину, и, осмелюсь сказать, вы сотворите доброе дело, если уступите им бобренка.

Сделав все, что было в его силах, Пэт замолчал и стал вытирать пот с лица своим большим красным платком. Молодой человек поправил бумаги на столе и откинулся на спинку стула.

— Это все? — сухо спросил он.

— Да, — растерянно ответил Пэт; у него уже закрадывались опасения, что его

красноречие пропало попусту.

— Что ж, благодарю вас, — снова заговорил служащий. — Должен сообщить вам,— его слова звучали так, словно куски льда падали на стеклянное блюдо, — что этого бобра мы купили за наличный расчет, и не от этих оборванцев, а от уважаемого представителя американской меховой фирмы. Мы заплатили за него пятьдесят долларов — эта сумма значительно превышает действительную стоимость такого ничтожного зверька — и согласились бы перепродать его только в том случае, если бы получили изрядную прибыль на этом деле. — Делец посмотрел на маленьких индейцев.— Судя по тому, как выглядят твои краснокожие друзья, я сильно сомневаюсь, чтобы они располагали такими деньгами, — добавил он.

Пэт покраснел еще гуще, но, догадываясь, что только одни деньги могут убедить этого крепколобого, толкнул Шепиэна вперед и хрипло прошептал ему:

— Деньги... Дай ему деньги!

Шепиэн понял почти все. Взволнованный и подавленный, он вышел вперед, порылся с минуту в мешочке и выложил на письменный стол маленькую пачку денег — все свое состояние.

Делец взял бумажки, пересчитал их и процедил сквозь зубы:

— Здесь только четырнадцать долларов.— Он протянул деньги обратно.— Ничего не выйдет.— И для того чтобы всем стало ясно, добавил: — Не годится. Нет.

Все поняли его. Все до одного.

Никто не говорил. Никто не шевелился. И Шепиэн почувствовал, что все кончено. Тишина словно навалилась на него. Бледное лицо человека за письменным столом становилось все больше и больше и быстро поплыло у него перед глазами. Пол пошатнулся под ногами у Шепиэна. Неужели он потеряет сознание, упадет в обморок, как девочка?.. Он закрыл глаза, чтобы не видеть бледного, злого лица, не видеть этих холодных глаз, стиснул зубы, сжал кулаки, выпрямился и принял привычную гордую осанку. Обморочное состояние прошло, но Шепиэн чувствовал озноб и дрожал как в лихорадке.

Между тем взволнованный и растерявшийся ирландец вытирал лысину красным платком и бормотал про себя хриплым голосом:

— Жалость-то какая! Обида! А я, старый дурень, надеялся и детишкам-то голову вскружил! Что станешь теперь делать?..

А Саджо? В мучительном ожидании она следила за каждым движением, и глаза ее металась от одного лица к другому, как две испуганные птички в клетке. Она все поняла. Ей можно было ничего не объяснять. Все пропало. В две минуты все кончилось.

Девочка тихонько подошла к Шепиэну.

— Я все знаю, брат, — сказала она совсем спокойно и таким странным голосом, что Шепиэн в изумлении взглянул на сестру и обнял ее.

Она подняла глаза на брата и продолжала:

— Теперь я знаю. Он не отдаст нам Чикени. Я неправильно разгадала свой сон. Мы должны были приехать в город не для того, чтобы взять отсюда Чикени, нет, мне кажется, мы должны были привезти к нему Чилеви. Наверно, это мне хотела сказать мама. Они должны быть вместе, чтобы больше не тосковать. Правда, Шепиэн? — Ее детский голос дрогнул и перешел в шепот, черная головка опустилась. — Скажи этому человеку: я... даю ему... Чилеви. Пусть берет.

Девочка поставила корзинку с бобренком на стол и отступила назад. Ее лицо стало совсем бледным, а широко раскрытые глаза горели лихорадочным огнем.

О'Рейли прервал свои замечания и замер. Что же произойдет теперь?

— А это еще что? — сердито воскликнул служащий.

— Еще одна бобр. Чилеви,— ответил ему Шепиэн. — Братишка будет. Братишки нет. Чикени плохо. Бери Чилеви. Такие слова сестренка сказала мне. Моя... — Голос его оборвался, он не мог больше говорить.

— Вот как? — сказал делец, улыбнувшись в первый раз, хотя улыбка не украсила его лица. — Это другой разговор! Ну что же, давайте покончим скорее эту сделку. — И он потянулся за пером.

— Нет! — вдруг воскликнул ирландец громовым голосом и ударил кулаком по столу что было силы.

Все вздрогнули. А на столе подпрыгнула чернильница, разлетелись в стороны карандаши и ручки. Даже бледнолицый человек подскочил на своем стуле, побледнел еще больше и выронил папиросу изо рта.

— Нет, этого не будет! — бушевал Пэт. — Ни один из сыновей О'Рейли не допустит, чтобы при нем обирали малых ребят! Грязная твоя душа! Мерзавец! — ревел он.

— Я блюститель порядка! Я арестую тебя за оскорбление, за грабеж, за насилие, за...

Хрипя от гнева, Пэт наступал на бледнолицего человека, который в испуге пятился к дверям соседней комнаты.

Саджо и Шепизэн стояли с вытаращенными от изумления глазами.

Но что намеревался предпринять неистовый потомок О'Рейли, так и осталось неизвестным: дверь из соседней комнаты открылась, молодой человек наткнулся на кого-то, путь к отступлению был отрезан.

— Прошу прощения, — раздался спокойный голос, и в комнату вошел худой высокий человек с седой головой.

Он остановился и стал смотреть поверх своих очков на присутствующих.

— Извините, если я помешал, — кашлянув, снова заговорил он, а затем добавил вежливо: — Прошу сесть.

Пэт все еще продолжал рычать на человека, которому грозил арестом и который не совсем был уверен в своей невинности, потому что руки его дрожали, когда он, отвернувшись, закуривал еще одну папиросу.

— Прошу вас сесть, джентльмены, — снова предложил седовласый человек.

Все сели.

Это был сам владелец зоологического сада — мистер Нельс.

— Ну-с, теперь давайте потолкуем обо всем, — сказал он, сначала взглянув на ирландца, потом на служащего, затем на детей и снова на ирландца. — Вчера, когда вы звонили мне по телефону, я обещал выслушать вас. Теперь я знаю все — мне все было слышно в той комнате. Пожалуй, даже хорошо, что я не присутствовал здесь, ибо при мне вряд ли пошли бы те разговоры, которые мне довелось услышать. Я узнал, какой далекий путь проделали эти дети, сколько лишений перенесли, чтобы отыскать своего четвероногого товарища. Однако из осторожности, опасаясь обмана и не понимая их языка, я решил проследить за их поведением, прежде чем вмешаться в это дело. Теперь мне все ясно, и, должен сказать, я считаю положение вещей очень трудным — для себя.

При этих словах своего шефа служащий окинул присутствующих самодовольным взглядом, будто говоря: «Ну что, разве я не говорил об этом?»

Мистер Нельс тоже взглянул на окружающих и, постукивая очками по колену, продолжал:

— Надеюсь, все слушают меня? Не так ли?

Ни для кого не оставалось сомнения, что этот человек привык, чтобы его внимательно слушали. Он поднял очки (это было пенсне) и, придерживая их большим и указательным пальцами на тонкой переносице, снова посмотрел на всех по очереди.

Его взгляд показался детям каким-то неприятным, пронизывающим.

— Итак, — сказал он, убедившись, что все его слушают (Саджо не понимала ни слова из того, что он говорил, но он приковал ее внимание своими напыщенными манерами и плавной речью), — эти индейские дети предлагают отдать другого бобренка, чтобы зверьки не были одиноки. Это похвально. Но здесь следует подумать о моих интересах. Как Жорж уже сказал, бобра мы купили за наличный расчет, и он стоил мне изрядную сумму денег. Я не могу решить подобный вопрос опрометчиво. Больше того: нехорошо, когда люди, и

особенно дети, беспрепятственно получают все, что им только захочется. Другое дело, если они расплачиваются за это собственным трудом...

И он довольно строго посмотрел на детей сквозь очки, которые опять надел себе на нос.

— Ну, и чего же вы хотите? Что вы думаете делать, сэр? — вмешался О'Рейли, с нетерпением ожидая, чтобы старик бросил свои фокусы с очками и перешел к делу.

Но мистер Нельс обратился теперь к управляющему:

— Ты хороший делец, Жорж. Иногда мне кажется, даже чересчур хороший.

— Это мой долг! — с гордостью ответил служащий.

— А, долг, да, — пробормотал мистер Нельс. — Ладно, не в этом дело.

— Но что же вы намерены делать, сэр? — снова спросил Пэт, сгорая от нетерпения.

— Что делать? — сказал словоохотливый старик. — Что делать? Ах да. Мне кажется, я уже решил, что делать. Вот что! — Он взял корзинку с Чилеви и протянул ее детям. — Возьмите, — сказал хозяин приветливо. — Вот ваш маленький друг. А теперь, — он вдруг принял строгий, деловой вид и стал писать что-то на листке бумаги, — теперь отправляйтесь в сад вместе с мистером О'Рейли и возьмите другого. Вы заработали свободу для маленького бобренка.

Он протянул Пэту свою записку.

Шепизэн смотрел на него во все глаза, полуоткрыв рот. Не обманул ли его слух? Так ли он понял этого странного бледнолицего человека? Или, быть может, это был еще один сон Саджо? Или, может быть, его собственные сновидения?

Но Саджо не спала, она схватила из рук хозяина корзинку с бобренком и воскликнула:

— Шепизэн, Шепизэн, что он сказал? Что он сказал?

Видя, что дети не совсем поняли, в чем дело, мистер Нельс хотел было заговорить снова, но Пэт опередил его. Ему так хотелось первым объявить радостную весть.

— Прошу прощения, сэр, я объясню им по-индейски, — сказал он и обратился к Шепизэну на своем ирландском жаргоне. — Этот человек, — торжественно заявил О'Рейли, хлопнув мистера Нельса по спине с такой силой, что тот еле удержался на ногах, очки же его, к общему удовольствию, слетели с носа, — хороший парень! Он, — тут Пэт ткнул владельца зоосада кулаком в грудь, — знатный вождь, очень добрый. Кэгет, мои малыши! Слышите, кэгет, говорит вам О'Рейли! — При этих словах ирландец с торжествующим видом обернулся к старику и подмигнул ему: — Ведь поняли, а? Должен признаться, сэр, у всех у нас, О'Рейли, природный дар к языкам.

— Вижу, вижу, — сказал мистер Нельс, с улыбкой провожая своих гостей к дверям.

Потом старик потер руку об руку, словно он заключил выгодную сделку, и сказал сам себе:

— Забавные ребята. Не беда, что я остался в проигрыше.

Вряд ли Саджо и Шепизэн видели что-либо на своем пути в зоологический сад. Но вот наконец Пэт показал им ворота, видневшиеся уже невдалеке. И тогда Саджо пустилась бегом. Ее щеки покраснелись, глаза сверкали радостным блеском, шаль спустилась с головы, за спиной металась две черные косички, а маленькие мокасины всё быстрее неслись по мостовой. За ней бежал Шепизэн. С корзинкой, в которой Чилеви просто неистовствовал, пытаясь вырваться на свободу, мальчику было нелегко угнаться за сестрой. А за детьми, красный как кумач, без каски, вытирая красным платком лысину и пыхтя, как буксир, который слегка страдает от астмы, спешил Пэт О'Рейли.

Один раз он крикнул:

— Эй, куда вы так несетесь?

Но дети продолжали бежать. Вряд ли они слышали окрик. Ирландец ворчал про себя:

«Ах, бесенята эдакие! Насмерть загоняют старика! Ишь как жарят!»

Но он все-таки продолжал свой путь, не замедляя шага.

Несколько прохожих остановились и с недоумением смотрели на бегущих маленьких индейцев в их леском одеянии, очевидно преследуемых постовым. Они слышали и пронзительные крики бобренка, которому, по-видимому, совсем не нравилась тряска и вся

эта гонка по городу.

Прохожие повернули обратно и присоединились к странной процессии, во главе которой со всех ног мчалась маленькая девочка с черными косами.

А вслед за ними — далеко-далеко позади — показался еще один человек, высокий, меднокожий. Он продвигался легкой поступью, очень быстро. Этот человек выглядел таким суровым и мрачным, что люди невольно отступали в сторону, давая дорогу, и спрашивали друг друга:

— Кто он такой? Что это за человек?

Но он даже не взглянул на них.

* * *

У входа произошла некоторая задержка. Сад еще не был открыт для посетителей. Однако О'Рейли быстро сообразил, как выйти из трудного положения, и показал свой служебный билет. Его пропустили вместе с детьми. Но как только открылись ворота, в сад хлынула толпа.

Служитель, который впустил наших друзей, был не кто иной, как Элек-смотритель. Пэт обменялся с ним несколькими словами. Оказалось, что смотритель уже обо всем знал и получил распоряжение от мистера Нельса. Хозяин сада тоже пришел сюда и теперь стоял в толпе. Он кивнул головой, и Элек повел Саджо к клетке бобра.

Вдруг девочка побледнела: ей казалось, что она бежит по огромному пустому пространству, а вдали, далеко-далеко, темнеет безобразная решетка. А потом... потом она уже видела, что там, за этой решеткой, сидит маленький пушистый зверек — он ли это? Может ли это быть? Да, это он, Чикени!

Саджо уже больше не робела, она ни на кого не обращала внимания, забыла про шумную толпу и про все на свете. Она видела только маленькое пушистое тельце, теперь уже совсем близко. Подбежав к решетке, Саджо опустилась на колени, просунула руки между железными прутьями и закричала:

— Чикени! Чикени! Чи-ке-ни!!!

Бобренок, видно не веря своим глазам и ушам, сидел совершенно неподвижно и только смотрел на нее.

— Это я, Саджо! О Чикени! — со слезами в голосе воскликнула девочка.

Неужели он забыл ее?

Еще с минуту бобренок оставался неподвижным и, склонив набок свою круглую головку, казалось, весь обратился в слух. Саджо позвала опять:

— Чи-ке-ни-и-и-и-и!!!

Пролепетав что-то потешное, бобренок засеменил как только мог быстро на своих коротких ножках прямо к решетке.

Люди заволновались, в толпе раздались возгласы. Элек-

смотритель подошел к решетке и, открыв маленькую железную дверцу, сказал:

— Сюда, мисс... мамзель... э-э... сеньорита!

Он не знал, как надо величать индианочку.

Саджо вбежала в клетку. Опустившись на колени, она схватила Чикени, которого так давно не видела, и наклонилась к нему. Оба притихли. Пестрая шаль скрыла все. И ни вы, ни я — никто никогда не узнает, что произошло между ними в то чудесное, незабываемое утро.

Убеленный сединами хозяин сада вынул носовой платок и стал громко сморкаться. У Элека-смотрителя вдруг запершило в горле, и он закашлял:

— Хумф! Хурумф!

— Еще бы! — воскликнул Пэт выразительно, хотя смотритель ничего не сказал.

Но теперь должно было произойти самое замечательное — встреча Чилеви и Чикени. Они были совсем близко друг от друга, всего лишь на расстоянии десяти футов, но даже не подозревали об этом.

Что это была за радость!

Как сильно билось сердце у Саджо и Шепиэна, когда они внесли корзинку в клетку! Дети так волновались, что пришлось вдвоем открывать крышку — одному ни за что не открыть бы ее. Они вытащили Чилеви, посадили его напротив Чикени и затаив дыхание стали ждать, что будет.

В первый момент ни один из бобрят не пошевелился — они только смотрели друг на друга. Потом, видно, проблески правды забрезжили в их сумеречном сознании, и зверьки поползли навстречу друг другу, страшно вытаращив глаза, насторожив уши, прислушиваясь, приносясь. Затем они пошли шагом, побежали мелкой рысцой — теперь они уже знали, что нашли друг друга,— помчались галопом и со всего размаха стукнулись лбами. Оглушенные ударом, они не двинулись с места, только встали на задние лапки, с пронзительным визгом вцепились друг в дружку и вот на глазах у всей публики начали бороться.

Бесконечные, безнадежные поиски, жуткие страхи, дни разочарования, горя и тоски, ужасные томительные ночи — все кончилось.

Маленькая Крошка и Большая Крошка были снова вместе.

Они весело носились внутри загородки, где еще так недавно в печальном одиночестве томился Чикени. Теперь это помещение уже не было темницей, оно вдруг превратилось в площадку для игр, и можно с уверенностью сказать, что это было наилучшим ее использованием.

Дети хлопали в ладоши, вскрикивали, смеялись и визжали от радости, в то время как борцы или плясуны — как хотите назовите их — ходили ходуном, кружились волчком, переживая счастливейшие минуты своей жизни.

Никогда еще бобрята не разыгрывали такого блестящего представления!

Зрители громко восторгались и смеялись, а хозяин сада усердно размахивал платком и, возможно, тоже что-то кричал в знак одобрения.

Пэт О'Рейли, один из главных виновников торжества, гордый сознанием, что только он один из всех зрителей знал всю историю с начала до конца, выступал в роли распорядителя: сдерживая толпу, он, словно диктор по радио, важно давал пояснения, пересыпая их шутками.

Добряк ирландец был в полном восторге. И когда бобрята закончили свою пляску, он сказал, что никогда еще не видел, чтобы кто-нибудь, за исключением настоящих ирландцев, мог так прекрасно исполнять ирландскую джигу.

— Хоть теперь я и сам вижу, черт побери, но все равно никогда не поверю! — во всеуслышание заявил он.

Эти слова ему, конечно, следует простить: это было поистине удивительное зрелище.

Когда затихли первые порывы радости, из толпы выступил высокий смуглый человек в мокасынах. Мы уже видели его — это он спешил по следам детей к зоологическому саду.

В толпе воцарилась недоуменная тишина.

Саджо и Шепиэн стояли словно зачарованные, глядя на своих любимцев и не замечая никого вокруг себя.

Но вот они услышали тихий знакомый голос, который говорил с ними на певучем языке оджибуэй.

— Облака сошли с лица солнца, мое горе рассеялось, как утренний туман. Эти люди сделали для нас много, очень много... Давайте поблагодарим их, дети мои... Мой сын, моя дочь, возьмите Нит-чи-ки-уэнз — ваших Маленьких Братцев. Долина Лепечущих Вод ждет вас.

Большое Перо приехал за детьми и их питомцами, чтобы отвезти их домой, в Долину Лепечущих Вод, в Страну Северо-Западных Ветров.

Как видите, сон Саджо все-таки сбывся.

Глава XVI «Мино-та-кия!»

И вот они распрощались с городом, с его шумом и суетой, с его обитателями. «В конце концов,— подумала Саджо, — здесь такие же люди, как везде, — больше хороших, чем плохих. Даже почти все хорошие, — решила она, — и обо всем этом следует рассказать индейцам».

Они попрощались с Элеком-смотрителем, который так жалел тоскующего бобренка, когда тот сидел в неволе, а теперь так радовался, увидев зверька на свободе; попрощались и с чудаковатым мистером Нельсом, как всегда спокойно улыбающимся. Он еще долго с удовольствием вспоминал, что подарил радость маленьким пострадавшим сердцам. И хотя Гитчи Мигуон предлагал ему деньги за Чикени, хозяин сада даже слушать ни о чем не хотел, заявив, что чувствует себя вполне вознагражденным тем удовольствием, которое он испытал от счастливой развязки.

Пэтрик, стойкий сын О'Рейли, проводил их на вокзал и посадил в поезд, а потом рассказывал своим приятелям, как он «обеими руками посадил» своих друзей и как весело улыбался Гитчи Мигуон, когда он, Пэтрик О'Рейли, разговаривал с ними по-индейски. В этом, мне кажется, можно не сомневаться.

Когда поезд двинулся со станции, два маленьких индейца всё махали и махали рукой своему новому приятелю, который оказался таким верным другом. Он же, Пэтрик О'Рейли, стоял на платформе и высоко держал над головой свой шлем, словно давал сигнал; на обнаженной голове блестела лысина, ее было видно далеко. Расставшись с простодушным ирландцем, Шепизэн нисколько не сомневался в том, что где-то посреди соленого озера, на зеленом острове, живет народ, который носит почетное имя «бобры».

Когда дети подъезжали к Поселку Пляшущих Кроликов, первый, кого они увидели, был Золотые Кудри. Не успел пароход еще причалить к пристани, как юноша уже был на борту.

Шепизэн сейчас же протянул ему деньги, которые у них остались, а Золотые Кудри решил возвратить их Большим Ножам — они тоже пришли на пристань встретить детей. Тогда один из туристов вышел вперед и произнес небольшую речь. Они очень рады, сказал он, что все сложилось так хорошо; деньги же пусть остаются у миссионера, он может отдать их какому-нибудь бедному индейцу. Гитчи Мигуон поблагодарил всех собравшихся за доброе участие, которое они проявили к детям, и добавил, что надеется, придет и его черед помочь кому-нибудь, как это часто бывает в жизни.

Золотые Кудри сказал детям, что поедет вместе с ними и поживет некоторое время в их краях, среди индейцев.

Скупщик пушнины, который до сих пор стоял где-то позади, вышел вперед и пожал руку Большому Перу и его детям; он тоже сказал, что хочет побывать в их краях, чтобы познакомиться с обычаями индейцев, что необходимо для его работы. Но он ни словом не упомянул, ни за что не желая признаваться, что в благополучной развязке была и его доля помощи. И никто об этом никогда бы не узнал, если бы Золотые Кудри не заметил его поступок на собрании в школе и не рассказал по секрету Большому Перу. Тем временем появились обе Крошки, все начали гладить их и ласкать; они даже согласились устроить состязание в борьбе перед Большими Ножами, хотя мне кажется, им было безразлично, смотрит ли на них кто-нибудь или нет. И должно быть, почувствовали большое облегчение, когда их снова посадили в корзинку, чтобы продолжать путь.

Большое Перо вошел в пострадавшее от пожара каноэ и сел на весла, Шепизэн — за руль. Саджо на этот раз не гребла, она была просто пассажиркой вместе с Чилеви и Чикени, которые вообще еще никогда не работали. Девочка сидела, уткнувшись носом в корзинку, не в силах оторвать глаз от пушистых друзей. Золотые Кудри вместе со скупщиком и несколькими индейцами, односельчанами Большого Пера, заняли место в длинной пироге, тоже сделанной из березовой коры; своим гордо изогнутым носом и кормой эта пирога

напоминала боевого коня или испанский корабль.

На первом же волоке навстречу причалившим лодкам вышел старый вождь Ни-Ганик-Або. Он разбил здесь свой лагерь и ждал возвращения детей. Ни-Ганик-Або попросил, чтобы дети подробно рассказали обо всем случившемся. Он слушал очень внимательно, молчаливо, и только в самых напряженных местах рассказа у него вырывались сдержанные восклицания, произносимые глухим, гортанным голосом: «Хох! Хох! Хм!», а в глазах, которые, казалось, все понимали, светился огонек.

Когда рассказ был закончен, Ни-Ганик-Або, подумав немного, сказал, что Саджо и Шепиэн — гордость племени од-жибуэй и что их трудные приключения вместе с Маленькими Говорящими Братцами — так он называл Крошек — будут воспеты в песнях и войдут в историю индейского народа. При этом он взглянул на Чилеви и Чикени и сказал, что теперь и они будут принадлежать племени и что в памяти народа сохранятся предания о них. Когда он говорил, его мудрое, покрытое морщинами лицо светилось улыбкой — первой улыбкой, которая появилась за много дней. По правде сказать, Ни-Ганик-Або был на вид довольно угрюмым человеком.

А затем, подобрав шаль-одеяло у пояса, седовласый вождь выпрямился и, протянув руку к солнцу, сказал:

— Хох! Мино-та-кия! Кэгет! Ки-мино-такия! (Это хорошо! Правда, это очень хорошо!)

И кучка молчаливых индейцев, и Большое Перо, и Золотые Кудри — все подхватили в один голос:

— Мино-та-кия!

Все выглядели такими торжественными и задумчивыми.

Пироги продолжали свой путь в Обисоуэй.

Деревья на берегу, казалось, кивали друг другу и кланялись, а в шорохе веток и листьев так и слышались неясные припевы: «Кэгет-мино-та-кия!» («Это хорошо!») И черные вороны в воздухе, казалось, тоже вторили: «Мино-та-кия!» Ветер шептался с травой: «Си-и-и-эй, Мино-та-кия!» И стремительные воды быстрин, теперь уже спокойные и плавные, переливали в свою журчащую таинственную песнь все тот же напев; и маленькие, танцующие под веслами водовороты при каждом взмахе бормотали: «Мино-та-кия!»

Никогда еще лес не выглядел таким красивым, а лазурь неба такой синей. Никогда еще солнце не светило так ярко, никогда так весело не пели птицы, не цокали белки, как в тот чудесный день, когда Саджо и Шепиэн возвращались домой. Никогда еще дети не были так счастливы!

В день приезда Большое Перо пригласил гостей в свою хижину. Собрались все индейцы из поселка. Пригласили и двух проходивших мимо метисов; они, как всегда, были со скрипками. Под капризные напевы струн — в них сливалось былое и настоящее — быстро переступали и кружились танцоры. Слышались мотивы ирландской джиги и шотландского рильса, в них врывались новые странные мелодии, принятые у метисов.

Саджо танцевала очень много, юноши из поселка ей просто не давали отдохнуть. И надо сказать, она была очень хорошей плясуньей — я сам был там и видел, как она танцевала, — недаром Шепиэн гордился сестрой. И ему нетрудно было найти себе пару для танцев из поселковых девушек. Там было много молодых красавиц, и выбрать по вкусу оказалось легко, потому что ни одна из них не прикрывала лица шалью, — никто, кроме пожилых женщин, не вздумал бы явиться на праздник с закрытым лицом. За хижинкой, под открытым небом кипятили чай над костром. Старые индейцы собрались покурить свои трубки и вспомнить про былые времена, а дети играли в пятнашки и в прятки среди зыбких отсветов костра.

Большое Перо приветствовал гостей, разговаривал с ними, улыбка не сходила с его обычно грустного, а иногда даже сурового лица. Время от времени хозяин подходил к гостям с большим чайником, а Саджо и Шепиэн разносили чашки, не забывая и о танцах.

Но вот все вдруг перестали танцевать и сели в круговую под стенкой, словно чего-то ожидая, и сразу водворилась тишина. Два барабанщика вошли в круг и начали бить в свои

тамтамы.

В дверях появился старый вождь Ни-Ганик-Або в головном уборе из орлиных перьев; яркими красками, каким-то причудливым рисунком было расписано его лицо. Под коленями у него висели браслеты из полых оленьих копытцев; в руке он держал трещотку, она была сделана из цельного панциря черепахи и расписана черной и красной красками.

И когда Ни-Ганик-Або начал плясать, полые оленьи копытца зазвенели, словно медные колокольчики, в такт быстрым движениям его ног; бахрома из оленьей кожи трепетала, орлиные перья расправлялись и клонились к плечам и снова отгибались назад, — все в безукоризненном ритме с боем тамтамов; а черепаховая трещотка неистово гремела в руке у вождя, мелькала алым и черным узором.

И пока старый вождь плясал, он затянул странную, таинственную песнь о приключениях Саджо и Шепизна и двух маленьких бобрят. Так в былые дни воспевали индейцы боевые подвиги своих героев. После каждого куплета песню подхватывал хор. Заунывная мелодия этой песни хватала за душу, волновала.

Это и была та песнь, которую обещал сложить старый вождь Ни-Ганик-Або,

и теперь она должна была стать легендой племени. Такие песни, воспевающие значительные события, и картины, написанные неопытной рукой, но изображающие важные происшествия, помогали сохранить в памяти историю народа.

Однако американский скупщик пушнины, который совсем не знал индейских обычаев, подумал, что это танец Войны, и не на шутку испугался. Тогда Гитчи Мигуон объяснил ему, что это вовсе не танец Войны, а Уабено — его танцуют лишь знахари или когда нужно ознаменовать важное событие. Скоро раздался громкий, протяжный крик — старый вождь кончил плясать.

И снова скрипки заиграли какую-то жизнерадостную мелодию, танцоры заняли все помещение, веселье продолжалось. Снова закружились в джиге, плавно выступали в кадрили. Золотые Кудри танцевал без усталости и всю ночь напролет

смеялся. Он приглашал танцевать самых некрасивых и старых женщин. Стоило ему заметить, что волна веселья спадает, он был тут как тут, и снова раздавался смех. Даже торговец в этой праздничной компании почти перестал важничать и стал веселиться, как и все. Он даже пробовал подружиться с Крошками, но по-прежнему никак не мог запомнить их имена. То он называл их Чилаки, то Чероки, или Чикару, или же еще как-нибудь в этом роде — у него был большой запас имен, но всегда говорил невпопад.

А бобрята? Они не отставали от других. И никогда они не останутся в стороне от происшествий, пока у них есть два голоска и у каждого по четыре ноги. Вздораженные музыкой и шумом, Чилеви и Чикени бегали по полу, путались под ногами танцующих и попрошайничали у всех, кто только садился отдохнуть.

Один раз Чилеви вышел на самую середину комнаты, встал на задние лапы, прямо у всех на дороге, и стал поглядывать кругом весьма вызывающе. И что же? Танцы прекратились — всякий боялся наскочить на малыша или раздавить его. На минуту или две проказник сделался полным хозяином пола. В конце концов Саджо пришлось взять бобренка и унести, хотя он вырывался и визжал что было силы. А тем временем тихоня Чикени — он побывал в городе и кое-чему научился — разыскал ящик с яблоками и, не будучи в состоянии одолеть больше одного, стал перетаскивать их к себе в домик. Воришку поймали и задержали на месте преступления. Сколько при этом было визгу и криков, не передать.

Чтобы как-нибудь успокоить бобров, Саджо стала совать им ломтики хлеба в надежде, что проказники отправятся спать. Но не тут-то было! Зверькам на этот раз не сиделось в каморке — они появлялись снова и снова и кланчили хлеб. Так и бегали они взад и вперед, унося свою добычу, и наконец натаскали столько, что если бы даже пировали всю ночь, все равно не съели бы и половины запасов.

Наконец, усталые от трудного путешествия, волнений и праздничной суеты и мало ли

еще от чего, они удалились в свою каморку. А там, окруженные со всех сторон ломтиками хлеба, вцепились лапками друг дружке в шерсть, уткнулись нос к носу и погрузились в глубокий сон...

Долгие дни томительной тоски и невзгод отошли и исчезли навсегда.

Целыми днями опять разносились по озеру звонкие детские голоса и веселый смех. Разлуки словно и не бывало — все происшедшее казалось просто страшным сном. На вязком берегу опять появились отпечатки детских ног и бобровых лапок — следы, которые чуть было не оборвались, чтобы никогда снова не появляться.

Проказник Чилеви принялся за свои старые проделки и стал таким же своенравным, как и прежде; может быть, если уж говорить правду, даже немного хуже. Он исчезал, как и раньше; как и раньше, его всегда ловили на какой-нибудь проделке. А когда это случалось, он пускался в свою смешную пляску, опрокидывался на спину и громко визжал, видно довольный своей проказой или же просто он так капризничал.

Оба бобренка росли быстро, но Чикени все-таки не смог угнаться за Чилеви. Так Чикени и остался Маленькой Крошкой и был таким же нежным и ласковым, как всегда. Но сказать, что его поведение было совсем безупречным, тоже нельзя, да и вряд ли этого можно требовать от малыша. Очень часто он отдыхал у Саджо на руках, как бывало раньше, уткнувшись носом в шею девочки, в то маленькое местечко под подбородком, которое он так хорошо знал. Вот так и прикорнет, бывало, закроет глазки, посопит немного, а потом начнет тихо урчать от счастья, как это часто случалось с ним во сне на маленькой подстилке у смотрящего на кухне. Но теперь он никогда больше не будет тосковать, — тут он открывал один глаз, желая убедиться, что он в самом деле у Саджо на руках и что это не сон.

Все теперь было как раньше. Вернулись дни, полные хлопот и веселья. Нужно было поплавать в озере, порыться и побарахтаться в иле, потом почиститься и как следует причесаться, поиграть в прятки; а тут еще борьба и постройка потешной бобровой хатки, которая все еще никак не могла спрятать хозяев от дождя. К концу дня, наработавшись и наигравшись вволю, бобрята едва волочили свои короткие ножки по тропинке к хижине. А там их уже ждали блюдца — те самые, что и раньше, — блюдца, полные рисовой каши или молока, а иногда и с капелькой варенья. Краюшка хлебца на прощание — и бобрята отправлялись спать на свою мягкую теплую подстилку.

Так прошло счастливое лето. Наступила осень. С Днями Падающих Листьев пришли Дни Тишины. Теперь пора уже было вернуть Чилеви и Чикени к их настоящей бобровой жизни, иначе зима показалась бы им очень тяжелой — воды теперь не напасешься для них вдоволь, да и с прогулками будет трудно, не то что летом.

И вот однажды Гитчи Мигуон позвал детей и осторожно объяснил им, что бобрята скоро станут большими, а для взрослых бобров жизнь в неестественных для них условиях будет несчастливой; поэтому необходимо, сказал он, отвезти их к родному пруду и дать им возможность жить так, как живет вся их родня, как их создала природа.

Саджо и Шепизэн за последнее время сами начали задумываться над этим, но ничего друг другу не говорили.

Чем ближе подходил день разлуки, тем тише и задумчивее становилась Саджо и все дольше бродила с бобрятами на прогулках, зная, что скоро их больше не будет здесь. А бобры? Они играли и возились так же беззаботно, как всегда, ничуть не задумываясь о завтрашнем дне.

Саджо любила их так сильно, что не хотела думать о себе и своей печали, — она думала только о том, как хорошо будет бобрятам вернуться к родному пруду, в родную хатку, к родителям. «Как же я могу грустить?» — спрашивала себя девочка и говорила вслух дрожащим голосом:

— Я счастлива. Правда, правда. Я знаю это.

Да, маленькая Саджо, ты была счастлива — счастлива тем, что умела дарить радость своим друзьям.

Итак, в октябрьское утро, в Месяц Падающих Листьев, когда все холмы оделись в

осенний наряд, играя золотыми, алыми и коричневыми красками, Чикени и Чилеви — Маленькая Крошка и Большая Крошка — попрощались со своей каморкой, где они провели беззаботное детство. Они расстались с шаткой бобровой хаткой и с детским вигвамом на берегу, со своими бобровыми пристанями и с тропинкой к хижине, которая так верно и долго служила им, и отправились в последнее и самое важное в их жизни путешествие.

Они, наверно, совсем не догадывались, залезая на подстилку из зеленой травы, какая радость ждет их в конце пути.

Глава XVII

В месяц падающих листьев

Ожидалось большое событие.

Саджо выглядела очень нарядной в клетчатом платье, в своей самой пестрой шали и в расшитых бусами мокалинах. Шепиэн и Гитчи Мигуон разоделись в новые костюмы из дубленой оленьей кожи бархатисто-коричневого цвета. Знаменитую корзинку Саджо расписала листьями и пестрыми цветами, появились на ней и раскрашенные птички, и всякие зверьки, чтобы Чилеви и Чикени веселее было путешествовать в ней в последний раз. А когда еще к ручке подвесили большое белое перо, корзинка стала такой нарядной, что никто бы не догадался, сколько она испытала бед. Дно ее девочка заботливо устлала душистой травой, а к стенке прикрепила маленький кожаный мешочек, украшенный иглами дикобраза, — там хранились два маленьких, но очень дорогих ее сердцу блюда.

Челн, верный спутник их странствований и приключений, тоже не был забыт. Следов огня на нем никто бы не заметил — он был заново покрыт ярко-желтой краской, намалеван был и птичий глаз, только не такой хищный, как раньше, а довольно веселый, если только присмотреться к нему как следует. Пушистый лисий хвост снова появился у кормы. Вид у челна был какой-то особенный, будто он знал, что пускается в необычное плавание. Выйдя навстречу ветру, он задорно вилял своим новым хвостом и, казалось, подмигивал глазом, когда скользил мимо трепещущих тростников, словно знал какой-то очень интересный секрет.

Они держали путь к Березовой Реке, которая текла где-то в голубых далях между Холмами Шепчущихся Листьев, — туда, где родились Чикени и Чилеви.

Шесть дней плыли они. И чем дальше они продвигались, тем воздух становился тише, а вода прозрачнее. Дикие гуси летели к югу длинными вереницами, в ночной тишине отчетливо раздавались взмахи их крыльев. С каждой новой зарей диск солнца становился все больше и ярче, а листва кругом — все наряднее и пестрее. В эти дни индейского лета²⁰, в Месяц Падающих Листьев, лес был сказочно прекрасен.

У Саджо было радостно на душе. Она сама этого не ожидала. И чтобы сохранить свою бодрость, девочка все время думала о том, что ее маленьким любимцам теперь будет еще лучше жить, что скоро их окружит такая забота, которой при всей своей любви она, Саджо, не могла им дать: бобрята возвращались домой, на родину, к своему Бобровому Народу. Шаловливое детство почти прошло — с каждым днем бобрята становились всё разумнее. Скоро они начнут по-настоящему работать, как и все лесные звери и почти все люди; они и созданы для работы, убеждала себя девочка, а не для того, чтобы быть баловнями. Саджо была права. Бобры довольны своей жизнью и счастливы, только когда работают.

Но минутами сердце Саджо вдруг сжималось; тогда она торопливо смахивала набегавшие слезы и говорила себе: «Это я просто себя жалею. Надо, чтобы им было хорошо. Ведь я их очень люблю».

Отгоняя тоску, девочка смотрела на деревья и озеро, заглядывала в корзинку, щекотала

---

²⁰ Индейское лето соответствует нашему «бабьему лету». Это также почти летние дни поздней осени. (Примеч. переводника.)

зверьков за ухом и думала, как было бы хорошо подсмотреть, что будет, когда они вернуться в родную хатку, и подслушать, что они скажут друг другу.

Если бы только старый бобр с бобрихой и другими бобрятами встретили Крошек! Ей так хотелось увидеть их всех вместе! А потом она вспомнила об охотниках и всем сердцем пожелала, чтобы ни один из них никогда не нашел эту бобровую хатку.

В последний день пути, вечером, они разбили свой лагерь в живописном месте среди сосен, на берегу ручейка, который впадал в бобровый пруд — там, где много времени тому назад мы застали Гитчи Мигуона за обедом.

В этот памятный вечер после ужина, когда стало совсем темно и костер весело пылал, Большое Перо сказал детям, что хочет с ними поговорить о чем-то очень важном, что он решил сказать им напоследок.

Саджо и Шепиэн разместились у костра и притихли. На этот раз и Чилеви сидел неподвижно около своей корзинки, склонив голову набок, и, казалось, весь обратился в слух. Чикени притаился, как мышка, у Саджо на коленях и, видно, тоже слушал. Широкая, глубокая река, которая так тихо и быстро протекала мимо, наверно, слышала всё и, конечно, шептала, шептала об этом первом же стремнинам, которые она встретила на своем пути. Чудилось, что даже огромные темные деревья, которые так торжественно и молчаливо стояли вокруг лагеря, тоже прислушивались; а беспокойные тени костра скользили взад и вперед между ними.

— Саджо и Шепиэн, — говорил Гитчи Мигуон, — сегодня мы проводим последний вечер с Чилеви и Чикени. Завтра они вернуться к своим близким и станут жить, как и все бобры. Бобрята внесли много радости в нашу жизнь, и веселые дни лета стали еще веселее с их приходом в нашу семью.

Я нашел малышей на этом месте больными, беспомощными, умирающими. Вот они вернулись сюда здоровыми и бодрыми. Их приключения кончились, теперь им откроется радость, какой они еще не испытывали в своей жизни. Я даю вам одно обещание: наши маленькие друзья никогда не погибнут от руки охотника.

При этих словах у Саджо вырвался какой-то слабый звук, но она прижала палец к губам и заглушила его.

Гитчи Мигуон продолжал:

— Вы видели, как старый вождь плясал танец с трещоткой,— это был танец Уабено. Он заклинал, чтобы никто из индейцев не убивал бобров в этом месте. Бледнолицые не приходят сюда, на мой охотничий участок. А у меня... разве подыметесь у меня рука на наших маленьких друзей? Никогда я не обижу и их семью. Бобрята наполнили радостью сердца моих детей, и, если бы они понимали мой язык, я поблагодарил бы их. Что бы ни случилось, они будут здесь в безопасности. Завтра, когда вы вернете им свободу, я кликну бобровый клич, и старые бобры, наверно, выплывут навстречу. Я не могу ручаться, но попробую сделать это.

Саджо крепко прижала руку к губам, чтобы ни один звук не сорвался с ее уст²¹. И как раз в этот момент раздался глухой вой — он доносился откуда-то из-за холмов и становился все сильнее, а потом замер. То был дикий, заунывный вой волка. И пока не замер последний отголосок эха, Гитчи Мигуон молчал, а все внимательно прислушивались. Индейцы не знают страха перед Тоскующими — так они называют волков — и смотрят на них, как на четвероногих охотников.

Гитчи Мигуон продолжал:

— Маленькая Крошка и Большая Крошка, — индеец улыбнулся, произнося эти имена,— не уйдут из вашей жизни безвозвратно. Бобры отличаются от других животных; в некоторых отношениях они больше похожи на людей, и если они привязались к кому-

---

²¹ Индейцы внимательно следят за тем, чтобы говорящего не перебивали. Если бы дети заговорили, не дождавись обращения к ним, этот поступок считался бы крайне невежливым. (Примеч. автора.)

нибудь, подружались, они никогда об этом не забудут и навсегда останутся вашими друзьями. А теперь я скажу вам самое важное. (На этот раз никто не издал ни звука, даже волк.) Каждый год в Месяц Падающих Листьев, когда обнажается лес и листья кружат, словно желтые и алые снежинки, когда дикие гуси плывут стаями, словно облака в небе, вы будете приезжать сюда, на родину бобрят. И вечерами, притаившись на берегу их пруда, вы увидите, как они плавают, работают и играют. Может быть, они подплывут к вам так близко, что можно будет поговорить с ними и даже погладить. Вряд ли бобрята будут помнить обо всем, и многое, что было в прошлом, сотрется в их памяти, но они почуют вас: друга они никогда не забудут. Так говорили мне старики, умудренные жизнью. Да я и сам наблюдал это в юности. Вот что мне хотелось сказать вам, дети мои.

Слова отца еще больше успокоили Саджо, хотя, может быть, где-то глубоко в сердце она таила грусть. Не забывайте, что Саджо была еще ребенком и отдавала все, что у нее было, — двух своих питомцев, которых она любила так, как только может любить маленькая девочка. И чтобы бобрята крепче помнили обо всем (ведь отец сказал, что они памятный маленький народ), Саджо решила подвесить корзинку с блюдцами на ветку у самого берега — пусть зверьки приходят и смотрят на нее.

Ночью, когда девочка лежала на подстилке из душистых веток канадской пихты, крепко прижимая к себе в последний раз Маленькую Крошку и Большую Крошку, которые сладко спали, свернувшись комочком, она перебирала в памяти все, что случилось с того незабываемого дня рождения, когда бобрята впервые появились у нее. Она вспомнила про веселые игры, подумала, как благополучно кончились их приключения и как хорошо все получилось, вспомнила обо всем, что отец сказал: он кликнет бобровым кличем, и, может быть, старые бобры выплывут навстречу.

Можно ли было спать в эту последнюю ночь! Долго она не смыкала глаз — все прислушивалась к ровному дыханию Чилеви и Чикени. Но наконец она склонила свою головку, полную всяких мыслей, над влажными носиками бобрят, которые пыхтели, сопели, и даже иногда похрапывали, и перенеслась в страну забвения.

Назавтра, когда солнце еще пряталось за горизонтом, а дикие бобры только что пробудились от сна, Большое Перо подошел с детьми к пруду как раз в том месте, откуда Чилеви и Чикени пустились в свое опасное странствование.

Мало что изменилось в этих местах с тех пор, как мы были здесь в мае — Месяце Цветов. Плотина, как и раньше, сдерживала воду, едва струившуюся через край, а землянка возвышалась как курган, высоко над заболоченной землей.

На пруду все было в полном порядке, чувствовался заботливый труд — казалось, здесь поработали люди. Однако вся работа была сделана только двумя бобрами — молодые бобрята в первое лето своей жизни едва ли могут считаться помощниками. Стены хатки были заново покрыты толстым слоем глины, чтобы не забрался зимний холод; перед самым жилищем плавал плот из бревен, прутьев и веток — это бобры заготовили себе запасы корма на зиму. От берега в разных направлениях уходили в лес гладко вытопанные тропинки, вдоль которых виднелись пни со свежими следами бобровых зубов. Стволы подточенных деревьев уже плавали на воде. Несколько деревьев еще лежало на берегу — видно было, что бобры еще не закончили заготовки на зиму.

По-прежнему здесь было очень тихо. Молчаливые деревья, обступившие пруд, четко отражались в его спокойных водах. Только теперь их вершины были не зелеными, как раньше, а алыми, желтыми и даже коричневыми — там, где их прихватили заморозки. И везде в этом тихом лесу медленно летали, кружились, шуршали падающие листья.

Гитчи Мигуон нарочно отстал от детей, когда Саджо и Шепизн понесли корзинку к берегу. Там под высоким серебристым тополем они открыли ее. Шепизн погладил шелковистые пушистые тельца и сказал:

— Прощайте, Нитчи-ки-уэнз, прощайте, Маленькие Братцы...

Эти слова он произнес почти шепотом, потому что голос его дрожал, а мальчик не хотел, чтобы сестренка заметила его волнение. Потом он пожал одной рукой обе руки Саджо

и сказал ей:

— Не печалься, сестра. Каждый год, как только начнется листопад, я буду привозить тебя сюда. Много горя и радости мы пережили все вместе, и мы никогда не забудем наших маленьких друзей. Они тоже будут помнить нас. Так сказал отец. Теперь бобрята вступают в новую, счастливую жизнь. Не тревожься о них.

— Да, — прошептала Саджо, — я знаю, что они будут счастливы. Мне надо радоваться, а не грустить. — Девочка улыбнулась Шепиэну и сказала: — Спасибо, брат.

После этого Шепиэн подошел к отцу. Саджо осталась одна.

Она прижала к себе бобрят и шепнула им в черные ушки:

— Прощай, Чилеви! Прощай, Чикени! Прощайте, Маленькие Братцы! Мы не забудем друг друга! Никогда!

Она выпустила бобрят, проводила их до самого края воды и следила, как они пустились вплавь.

И вот они поплыли, пересекая родной пруд, рядышком, как всегда, — сорванец Чилеви и ласковый Чикени. Еще несколько минут — и оба исчезнут. И какими бы большими они потом ни выросли, в нежном, любящем сердце они долго еще останутся двумя крошечными, беспомощными бобрятами. Для Саджо они навсегда останутся Крошками.

Когда зверьки стали приближаться к землянке, Большое Перо издал звонкий протяжный звук — зов тоскующего бобра. И снова этот звук, как музыкальная нота, задрожал в тишине. И еще раз... А потом на поверхности воды около хатки появилась черная голова, за ней другая. Большие черные головы и большие коричневые спины плыли навстречу малышам.

У Саджо захватило дыхание. Это как раз то, чего она так ждала: бобры-родители выплыли на зов Гитчи Мигуона. Всё исполнилось. Всё!

Никто не шевелился. Люди стояли совсем тихо, словно неподвижные деревья, пока старые бобры медленно приближались к Чилеви и Чикени. Поплавали вокруг них немного, присматриваясь, принюхиваясь, издавая какие-то тихие волнующие звуки. А потом поплыли вместе, большие головы и маленькие, рядом!

Бобры удалялись быстро, слишком быстро, оставляя за собой зыбкий расходящийся след. Один или два раза донесся слабый звук, как будто детский голос. Большие головы по-прежнему плыли рядом с маленькими, они становились всё меньше, пока не исчезли под водой одна за другой как раз напротив входа в хатку.

Большая Крошка и Маленькая Крошка были дома.

А Саджо стояла совсем неподвижно, словно цветная маленькая статуя, в своем ярком клетчатом платье и красивых мокасинах; шаль спустилась с головы, и лучи солнца играли в блестящих черных волосах. Так она и замерла с полуоткрытыми алыми губами, глядя горящими глазами на пруд, не отрывая от него напряженного взгляда, пока не исчезла последняя коричневая голова.

И вдруг из чащи золотистых дрожащих листьев послышалась звонкая песнь белогрудой славки. Нежный голос пернатой певуньи разносился далеко по тихой долине, и Саджо казалось, что это была песнь надежды, радости и любви.

«Мино-та-кия! (Это хорошо!) — звенело в ушах у девочки. — Ми-ми-ми-и-и-но-но-но-оо-но-та-ки-но-та-ки-но-та-кия-а!»²².

---

²² Песня славки (или певчего воробья) очень похожа по ритму и звукам на звукоподражание, которое я предлагаю. Бледнолицые жители леса передают эту песню так: «О-о-о-Кан-а-да-Кан-а-да-Кан-а-да-а!», а индейцы считают, что она поет: «Ми-ми-ми-но-та-ки-но-та-ки-но-та-ки-но-та-кия-а!» В летние месяцы заунывная мелодия этой песни раздаётся повсюду в северных лесах, и для очень многих из нас славка вместе с бобрами и соснами является символом природы. И так как ее песня воспринимается слухом индейца как ободряющая фраза «Это хорошо!», то установилась традиция считать счастливой приметой, если на дереве, под которым стоит человек, запоеет славка. (Примеч. автора.)

Так и стояла Саджо, совсем тихо, под дождем падающих листьев, все еще не спуская глаз с черной землянки, и тихо повторяла про себя:

— Ми-но-та-кия-а!

Она повесила корзинку, в которой остались два блюда и душистая зеленая подстилка, на низко склонившуюся ветку у прозрачной спокойной воды.

А потом повернулась, улыбнулась отцу и брату и побежала к ним.

* * *

Это все, что я хотел рассказать. Моя повесть закончена.

Пока вы слушали мой рассказ, догорели мерцающие огни нашего костра, и посреди вигвама остались лишь тлеющие угли. Позади нас на оленью шкуру — стену вигвама — упали наши длинные темные тени.

Пора расходиться.

Как-нибудь в сумерках летнего вечера, когда вы будете совсем одни, вспомните про этих двух маленьких индейцев. Они были такие же дети, как и вы, и им тоже бывало иногда страшно, у них были свои радости, горести и надежды, совсем как у вас.

Вспомните про Чилеви и Чикени, двух маленьких бобрят, которые так привязались к своим маленьким хозяевам. Ведь они жили на самом деле и любили друг друга; иногда тосковали, но умели и веселиться.

Итак, перенеситесь еще раз в своих мыслях на Холмы Шепчущихся Листьев, и вы снова увидите высокие темные сосны, которые как будто кивают и кланяются вам, когда вы проходите мимо, вы поплывете еще раз на желтом челне с его настороженным глазом и виляющим лисьим хвостом.

И если вы будете сидеть очень тихо, то, наверно, услышите шорох падающих листьев, зачарованный зов журчащей воды и нежные, тихие голоса лесных обитателей, больших и маленьких, которые живут в этой огромной, забытой стране, такой далекой и дикой и в то же время такой прекрасной — в Стране Северо-Западных Ветров.